

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

Н.И. Соловьянов

**ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э.
ЗАРОЖДЕНИЕ
МИРОВЫХ ДЕРЖАВ ДРЕВНОСТИ**

Учебное пособие

Электронное издание

Красноярск
2018

ББК 63.3(0)3
С 60

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Красноярского государственного педагогического университета
им. В.П. Астафьева

Рецензенты:

Ф.А. Михайловский,

доктор исторических наук, профессор МГПУ

А.А. Завойкин,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИА РАН

Соловьянов Н.И.

С 60 Древние цивилизации I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э.: учебное пособие. Часть I; [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2018. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux, Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-212-1

Сегодня наше общество остро нуждается в новых методологических ориентирах. В последнее время в русле новейших тенденций современной науки явственно обозначился поворот к проблематикам таких дисциплин современного гуманитарно-исторического знания, как историческая антропология, этнология, цивилизация. С этих позиций и написано предлагаемое пособие. Работа может заинтересовать учёных-историков, культурологов, преподавателей и учителей гуманитарных дисциплин, обучающихся гуманитарных факультетов, школьников старших классов. Язык изложения материала исследования настолько популяризирован, что книга может быть доступна и понятна самому широкому кругу читателей, даже без специальной подготовки.

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование. История. Академический бакалавр.

Направление подготовки: 44.03.05 Педагогическое образование. Профиль: История и обществознание. Квалификация: Бакалавр.

ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-00102-212-1

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2018
© Соловьянов Н.И., 2018

Введение: методологические основы современной исторической науки

К величайшему сожалению, в настоящее время методология исторического познания является предметом дискуссий ученых-обществоведов. Когда эти дискуссии закончатся и насколько их итоги будут важны для ученых, занимающихся конкретно-прикладными исследованиями, неизвестно.

Мы в принципе согласны с тезисом академика В.Н. Кудрявцева: «Единой для всех ученых и тем более обязательной методологии науки не существует; каждый теоретик науки и ученый-прикладник в конечном счете пользуется свойственным ему набором приемов научного исследования, достигая с их помощью больших или меньших научных результатов»¹.

Карл Маркс, отвечая на вопросы домашней анкеты, проводимой его дочерьми, написал, что он знает только одну науку и эта наука – история. Вероятно, он имел в виду целую сеть наук: историю науки и техники, историю общества, историю философских и политических учений, историю астрологии и астрономии и т. д.

Человечество ещё на стадии раннего неантропа 60-40 тыс. лет назад, а может быть, и неандертальца задумалось над проблемами: кто Мы, откуда взялись и куда идём?

И первые мысли на этот счёт нашли своё отражение в таком понятии как **тотемизм**, предположении, что люди произошли от различных животных, насекомых и растений. Утверждение ряда ученых, что тотемизм – это ранняя форма религии, малосостоятельно, так как тотемизм не предусматривал веру в сверхсущества. Он апеллировал к тому, что имелось в наличии на Земле, в том числе и самой зем-

¹ Кудрявцев В. Н. Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3–7.

лэй. Это скорее интуитивно-наивное осознание единства человека и природы.

С возникновением абстрактного мышления у Homo sapiens, когда человек смог представить вещь, не глядя на неё, и появлением первого действительно религиозного представления – **анимизма** с верой в душу, духов, демонов, а позднее и Богов, история стала представляться промыслом божьим, а люди – лишь статистами, исполняющими волю богов. Появилась мифология – история деяний Богов, эпос – история подвигов Героев, полулюдей-полубогов, которые, как Боги, но смертные, как люди.

В последнюю очередь, около 5 тыс. лет назад, то есть через 35 тыс. лет после появления Человека разумного, появились истории человеческих деяний сначала в виде банальных летописей, затем повествовательные и, наконец, возникла история как наука. Но и тогда, вплоть до конца XVIII в., она рассматривалась как промысел божий. Утверждения некоторых учёных, что Вселенная вечна, что мир не создан никем из Богов и никем из людей звучали как «глас вопиющего в пустыне».

С переходом товарного производства на капиталистическую стадию, возникновением буржуазного индивидуализма, когда каждый человек в обществе «равных возможностей» мог сам творить свою судьбу, в XIX в. появляются теории дуализма. Да, Бог создал Вселенную, Землю и Человека, дал через сынов божьих (пророков) заповеди, по которым следует жить, и больше в дела земные не вмешивается. Теперь Человек – творец всего на Земле! Бог воздаст праведникам заслуженное после смерти в царствие небесном, дьявол – грешникам в пекле земном (аду). Но может быть и так, что Бог за тяжкие грехи уничтожит человечество (Апокалипсис), а затем воскресит праведников и создаст для них царство божие на Земле.

Тогда же стали возникать и более радикальные материалистические концепции исторических процессов. Бога нет! Представления о Богах есть фантазии человеческого разума. Вселенная вечна, бесконечна, является совокупностью множества конечных миров, состоит из невидимой материи и развивается по объективным, независимым от человека законам. Человек сам есть порождение этого материального мира, и его существование определяется всеобщими законами Вселенной, первый из которых – всеобщий закон усложнения материи, второй – всеобщий закон равновесия.

Чтобы выжить во враждебном природном окружении, человек должен питаться, одеваться, где-то ютиться. Сначала он берет всё у Природы, занимается собирательством растений и охотой на животных, одевается в звериные шкуры, ютится в пещерах. Это, по мнению материалистов, стадия варварства. Позднее он сам начинает выращивать растения и животных, одеваться в ткани, готовить пищу и есть из посуды, строить жилища. Человек начинает переделывать Природу. Это уже стадия цивилизации. Стадия варварства – это праистория человечества. Стадия цивилизации – это уже история.

По большому счету, теологические концепции исторического процесса так и остаются на уровне сер. XIX в., если не считать новомодных космогонических теорий, что Боги – это инопланетяне, прилетавшие на Землю из других галактик и научившие Человека жить на Земле, однако почему-то не передавшие ему свои новейшие достижения.

Сторонники же цивилизационных подходов продолжали совершенствовать методологические концепции.

В конце XIX – нач. XX в. большой популярностью пользовалась теория циклического развития Э. Майера и М. Вебера, гласившая, что существуют две стадии развития общества: стадия господства натурального хозяйства – феода-

лизм и стадия превалирования товаро-денежной экономики – капитализм. Рабовладение при этом приравнивалось к первобытному капитализму, первобытное общество – к феодализму. Таким образом, сторонники теории циклического развития утверждали, что человечество развивается по циклам: от первобытного феодализма к античному капитализму, от него снова к феодализму и далее к новому капитализму и т. д.

Во второй четверти XX в. получили развитие теории концентрического развития. Наиболее ярко это выразил А. Тойнби. С его точки зрения, история развития человечества идет по кругу, то есть представляет из себя калейдоскоп цивилизаций (автор насчитал 21), которые зарождаются в определенных местах планеты, развиваются под руководством интеллектуальной элиты и с потерей бомонда угасают, а затем возрождаются на новых территориях в новые времена.

Если Майер и Вебер не отрицают линейное историческое развитие от прошлого к более совершенному будущему, то для Тойнби этого будущего не существует.

Ещё во второй половине XIX в. К. Маркс, а затем и Ф. Энгельс выдвинули теорию исторического материализма. Краеугольным камнем этой концепции было учение о соответствии общественных производственных отношений уровню развития производительных сил. Характер и особенности организации производства материальных благ при этом определяли специфику социально-политических процессов в конкретном обществе. Их единство было неразрывно и называлось способом производства. Авторы выделяли «азиатский способ производства» в странах с ирригационной системой земледелия, что вызывало необходимость деспотической власти и общинной организации для проведения работ по строительству и поддержанию ирри-

гационной сети и «античный способ производства» с богарной системой орошения со значительным распространением индивидуальных хозяйств, частной собственности и демократических форм организации власти. Если состояние производственных (читай! Социально-политических) отношений переставало удовлетворять нужды непрерывно развивающихся производительных сил, происходил революционный сброс устаревшей надстройки и строительство новой. После революции новое прогрессивное развитие, новый тупик, новая революция и т. д. Так происходят переходы от рабовладения к феодализму, от феодализма к капитализму и от последнего к социализму.

Наш соотечественник, последователь учения Маркса В. И. Ульянов (Ленин), продолжил разработку этих положений и предложил теорию последовательной революционной смены социально-экономических формаций: рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. Это учение было господствующим в советской науке с середины 30-х – 80-х гг. Советские учёные добавили к этой схеме первобытно-общинную формацию, предшествовавшую рабовладельческой.

После отхода отечественной науки от методологии марксизма-ленинизма мы остро нуждаемся в новых методологических ориентирах.

В последнее время в русле новейших тенденций современной науки явственно обозначился поворот к проблематике, которая относится к исследовательским приоритетам такой дисциплины современного гуманитарно-исторического знания, как историческая антропология. В рамках этого подхода основное внимание концентрируется на роли «человеческого фактора» в жизнедеятельности общества, в частности, на таких ключевых вопросах, как своеобразие повседневного быта гражданского общества.

Историческая антропология своими истоками напрямую связана с «новой исторической наукой» (*l'histoire nouvelle*), которая была создана основателями «Анналов» М. Блоком и Ж. Февром и получила свое второе рождение в работах последователей этой школы, выдвинувших на первый план изучение ментальностей.

Как современная версия «новой исторической науки», историческая антропология претендует на изучение практически всех сфер исторической реальности, ибо её исследовательское кредо состоит в раскрытии человеческого содержания истории².

Принципиальной посылкой историко-антропологического подхода является признание того, что в любую историческую эпоху *общественное поведение людей определено не только и даже не столько внешними обстоятельствами (экономическими и политическими структурами), сколько той картиной мира, которая утвердилась в их сознании. Очень часто побудительные мотивы к действию оказывались производными от тех идеальных моделей, которые заложены в сознании человека религией, культурой, традициями*³.

Однако, помимо обсуждения зарубежных заимствований, в последней четверти XX в. и в нашей стране ве-

² Историческая антропология: место в системе наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4-6 февраля 1998 г. М., 1998; Dressel G. Historische Anthropologie. Eine Einführung. Wien; Köln; Weimar, 1996; Vom Menschen. Handbuch Historische Anthropologie / Hrsg. Ch. Wulf. Weinheim; Basel, 1997; Dülmen R. Historische Anthropologie: Entwicklung, Probleme, Aufgaben. 2. durges. Aufl. Köln, 2001; etc.

³ Репина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. 1990. М., 1990. С. 167-181; Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. 278 с.; Репина Л. П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2-х частях. Ч. 1. М., 2001. С. 70-100; Рожанский М. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 459-463.

лись работы в направлении методологии, что привело к созданию довольно оригинальной концепции всемирно-исторического процесса на базе учения о цивилизациях акад. М. А. Барга и его учеников, а также проф. Л. Н. Гумилёва и его последователей.

Цивилизация – это культурно-историческая общность, имеющая авторитетные тексты (законы, религиозные трактаты, научные теории), определяющие повседневно-бытовое поведение людей.

В зависимости от территории, на которую распространяется действие этих авторитетных текстов, цивилизации подразделяются на типы:

1. Локальные
2. Региональные («мировые державы древности»)
3. Мировые
4. Планетарная

Локальные цивилизации (от латинского *locus* – местный, локальный) – время существования III-II тыс. до н. э.: **Древнеегипетская** в долине реки Нил, **Шумеро-вавилонская** в междуречье Тигра и Евфрата, **Эламская** в междуречье рек Каруна и Керхе, **Финикийская** на Восточном побережье Средиземного моря, **Крито-Микенская** на Балканском полуострове и островах Эгейского бассейна, **Хеттская** на полуострове Малая Азия, **Хурритская** в верховьях Тигра и Евфрата, **Семито-хамитская** на территории Сирии, Палестины и Иудеи, **Индская** в долине реки Инд на полуострове Индостан, **Иньская** (Государство Шан-Инь в Китае).

Региональные цивилизации («мировые державы древности») – время существования I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э. (476 г. н. э.): **Ориенталистская цивилизация** (XII – II вв. до н. э.), включавшая Тиро-сидонское царство на Восточном побережье Средиземного моря, финикийские средиземноморские

земноморские колонии, Карфагенскую державу, Тартесскую державу в Испании, Этрусский военно-религиозный союз в Северной части Аппенинского полуострова; **Месопотамская цивилизация**, включавшая Древнеассирийскую державу (XI – VI вв. до н. э.), Месопотамию, Восточное Средиземноморье, Древний Египет; **Древнеперсидская цивилизация** («Держава царя царей Дария I») (VI – IV вв. до н. э.), включавшая Северо-Западную часть полуострова Индостан, Иранское нагорье, Среднюю Азию до Аральского моря, Армянское нагорье, Месопотамию, Восточное Средиземноморье, Египет, Малую Азию; **Эллинская цивилизация** (VIII – IV вв. до н. э.), включавшая Балканский полуостров, острова Эгейского бассейна, эллинские колонии Понта Эвксинского и Средиземного моря; **Эллинистическая цивилизация** (IV – I вв. до н. э.) – Держава А. Македонского его диадохов и их потомков, включавшая **Греко-бактрийское царство** полуострова Индостан, Средней и Передней Азии до Евфрата; **Селевкидскую державу** в Восточном Средиземноморье и на полуострове Малая Азия; **Птолемеевский Египет**, включавший территорию Северо-Восточной Африки, острова восточной части Средиземного моря и даже Западное (фракийское) побережье Черного моря; **Эллинистическую Македонию**, включавшую Балканский полуостров от Балканского хребта (Hemus) до Средиземного моря. **Латинская цивилизация** (Римская средиземноморская мировая держава) от Британии до Евфрата и от Рейна и Дуная на Севере и Северо-Африканского побережья Средиземного моря на юге.

Региональные цивилизации возникают как локальные, а затем распространяются путем насилия или колонизации, навязывая покорённым свои авторитетные тексты. На этом этапе развития понятия цивилизация и государство не совпадают, как это было в локальных цивилизациях. Чаще

одна цивилизация может состоять из нескольких государств, но иногда и одно государство может включать в себя носителей нескольких цивилизаций.

Мировые цивилизации – время существования сер. I – II тыс. н. э.: Западно-христианская цивилизация (Католический мир), Восточно-христианская цивилизация (Православный мир), Мусульманская цивилизация (Исламский мир), Иудейская цивилизация (Еврейский мир), Ламаистская цивилизация (Буддийский мир), Синтоистская цивилизация, Советская цивилизация (Коммунистический мир) и т. д., и т. п.

Мировые цивилизации в меньшей степени связаны с территориями, сколько с отдельными носителями, живущими по разным авторитетным текстам. В одном производственном коллективе, не говоря о городе или государстве, можно встретить носителей авторитетных текстов разных цивилизаций.

Планетарная цивилизация – время существования III-IV тыс., когда все человечество будет жить по единым международным законам ради спасения от грядущих для человечества катастроф.

Как видим, в данном типе цивилизационного подхода присутствует и концентрический и линейный принципы. Остаётся выяснить, почему цивилизации существуют 1500-2000 лет.

Дело в том, что становым хребтом любой цивилизации является народ-носитель поведенческих принципов, закреплённых в авторитетных текстах: шумеры, ассирийцы, египтяне, эллины, римляне, германцы, русские, евреи и т. д., то есть этнос.

Этнос – это природный коллектив людей с особым стереотипом поведения, отличающий себя (мы) от всех других (не мы).

Если рассматривать этнос как систему с позиций системного анализа, то этнос – это закрытая система корпускулярного типа.

Примером закрытой системы может служить обыкновенная печь в системе печь – воздух. Загружаем дрова, затопливаем. Печь нагревается, нагревает воздух. Дрова прогорели, печь вместе с воздухом остывает, остывает ... , остыла. Система прекратила своё существование. Чтобы запустить систему, нужна новая закладка дров.

В системе корпускулярного типа, в отличие от жесткой системы⁴, элементы более свободны и не погибают вместе с системой, а могут вступить в новые системы. Например, семья. После развода бывшие супруги могут создать новые системы, вступив в брак повторно.

Итак, этнос требует запала, разгорается, гаснет, но его элементы, т. е. люди, не гибнут и при новом запале могут послужить основой для новых этносов.

Запалом процесса этногенеза является прорыв через магнитосферу Земли высокоэнергетических импульсов космической энергии дальнего космоса, рождающихся при взрывах сверхновых звезд и вызывающих мутации в биосфере в сторону появления живых организмов с избыточной энергией – *пассионариев*. Отсюда момент прорыва называют *пассионарным толчком*, запускающим процесс этногенеза. Пассионарии появляются в той точке земного шара, куда прорывается сгусток космической энергии. У вполне благополучных родителей вдруг начинают рождаться суперэнергичные дети, девиз которых: «Куда пойти, куда податься, кого найти и с кем подраться!». Пассионарии – люди энергичные, подвижные. Пассионарность передается по наследству, от пассионария рождается пассионарий, поэтому с каждым поколением их становится всё больше. То есть

⁴ Например, наручные часы. Стоит выйти из строя одному элементу и система прекращает своё существование.

идет процесс подъема пассионарности от поколения к поколению. Вначале (около 300 лет) это не понятный или скрытый процесс (печь медленно разогревается), затем он становится явным (печь раскаляется), пассионарии начинают объединяться по принципу комплиментарности: «Иди к нам, ты нам нравишься!», «Чудак чудака видит издалика!».

Так возникают консорции (коллективы общей судьбы): банды, шайки разбойников, партии, клубы по интересам, тайные общества и т. д. Их девиз: «Мир плох, его надо изменить!» Большинство из них либо сами распадаются, либо уничтожаются. Но некоторые выживают и превращаются в устойчивые сообщества, конвексии (общность жизни): общины, гражданские общины, государства, локальные цивилизации, в зависимости от степени политического развития окружающего мира и социально-экономических и природных условий проживания (в частности, наличие прибавочного продукта). На этом этапе явного подъема этногенез смыкается с социогенезом и формированием цивилизации. Пассионарность продолжает расти, печь все больше и больше разогревается.

Необходимость непрерывной борьбы за выживание вырабатывает **общественный** заказ на особый **стереотип поведения** членов сообщества: «Будь тем, кем ты должен быть!». Если ты родился воином, будь храбрецом и силачом! Если крестьянином – обрабатывай землю, расти урожай! Корми воинов! Если женщиной – рожай нам здоровых детей, будущих воинов! Родился царем – будь правителем и главнокомандующим!

Выстояв в борьбе с окружающим миром, этнос переходит в наступление, завоеывая себе место под солнцем. Пассионарность и население растет. Печь начинает раскаляться. Наступает акматическая (жертвенная) фаза развития, когда личные интересы целиком если не совпадают, то под-

чиняются интересам развития общества, а значит и этноса. Этнос расширяет свою территорию до естественных границ ареала: непроходимых пустынь, непреодолимых гор, рек, морей и океанов. Этнос навязывает свой стереотип поведения покорённому населению. Проходит 200 лет. Локальная цивилизация превращается в региональную. Меняется общественный императив: вместо «Будь тем, кем ты должен быть!» – «Будь тем, кем ты хочешь быть!». А это уже предтеча фазы надлома этноса, наступление эпохи своеволия и бунтарства. «Не хочу быть простою крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой!»

Но вот достигли всего. Дальше расширяться некуда. Но пассионарность увеличивается, население растёт. Печь перегревается, вот-вот начнет разрушаться. Мы начинаем уменьшать огонь, заливая и вынимая из топки поленья. Также и биосфера начинает избавлять этнос от излишка пассионариев. Наступает фаза надлома, фаза революций, заговоров, гражданских войн, эпидемий, вызванных перенаселением. Отдельные группировки пассионариев уничтожают друг друга, снижая пассионарность этнической системы в целом. Итак, 100 – 120 лет через революции, перевороты, диктатуры.

Наконец, наиболее сплоченная группа пассионариев, победив своих противников, устанавливает свою диктатуру, призывая и заставляя всех жить по закону. В пропагандистском плане создается образ идеального гражданина в лице харизматического лидера группировки: скромного, трудолюбивого, честного, заботливого родителя и справедливого правителя. Меняется общественный императив (заказ) поведения: «Будь таким как Он!» – Гай Юлий Цезарь Октавиан Агуст или В. И. Ульянов (Ленин). Так наступает инерционная фаза или фаза цивилизации в культурном смысле этого слова. Она же «золотая осень» этноса. Золотая по-

тому, что, перестав воевать и бунтовать, пассионарии тратят силы и энергию на развитие экономики, культуры, искусства. Этнос вносит огромный вклад в развитие мировой культуры. Осень, потому что не все пассионарии законопослушны. Непослушных объявляют врагами государства и народа, преступниками, изгоняют, сажают в тюрьмы, казнят, сжигают на кострах, обвиняя в колдовстве и т. д. Число пассионариев уменьшается, растет число постпассионариев, т. е. людей с нормальной или меньшей энергетикой. Пассионарность уменьшается. Смертность начинает превышать рождаемость. Печь начинает остывать, но по инерции все же поддерживает этническую систему своим теплом. Этого тепла хватает еще на 300 лет.

И вот огонь погас. Число пассионариев, а значит и пассионарность, возвращается к исходной точке. Но люди продолжают жить, работать, рождаться. Этнос теряет былое могущество, отдает свои территории более молодым этносам, подвергаясь ассимиляции, скукоживаясь территориально до первоначальных размеров локальной цивилизации, теряя свой язык и культуру. Молодёжь переходит на язык и стереотипы поведения пришельцев. Наступает последняя фаза существования этноса – фаза обскурации, она же мемориальная: «Вспомним, как была прекрасна наша история, какие были у нас цари, воины-герои, ученые!» Печь ещё теплится. Число носителей языка и этнической культуры уменьшается с миллионов на сотни и десятки тысяч, затем до сотен и десятков человек и, наконец, умирает последний носитель реликтового языка некогда великой культуры. Всё! Печь остыла. Этнос стал достоянием истории и археологии. На всё про всё 1200 – 1500 лет. Вместе с этносом исчезает или поглощается другими и созданная им цивилизация⁵.

⁵ Подр. см.: Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. М.: Наука, 1989.

Но для истории Планеты это не конец! Приходят новые пассионарные толчки, возникают новые этносы из старых, которые перенимают культуру предков. В связи с активизацией миграционных процессов и межнациональных браков молодые и старые этносы смешиваются, порождая этносы долгожители, существующие до трех и более тысяч лет, например, евреи, цыгане.

Это вселяет надежду, что человечество в конце концов сольётся в единую корпорацию землян, прекратит междоусобные войны и, создав единую планетарную цивилизацию, выйдет на межгалактические просторы.

Чтобы объяснить неоспоримый факт этносов-долгожителей, Л. Н. Гумилёв ввёл понятие «регенерации» этноса, т. е. восстановления его пассионарности.

С его точки зрения, регенерация этноса и продление его существования возможны несколькими вариантами.

Во-первых, новый пассионарный толчок на территории обитания теряющего пассионарность этноса, и всё начнётся сначала: подъём, акматическая фаза *et cetera*.

Во-вторых, восстановление пассионарности за счёт окраин ареала обитания. Изгнанные в период инерционной фазы пассионарии оседают сами или ссылаются, как правило, на границы ареала его обитания. При ослаблении центра они могут вернуться и восстановить государственность. Исторический пример: Русь нач. XVII. После воцарения королевича Казимира Русь стала частью Речи Посполитой, и её восстановление произошло благодаря нижненовгородскому ополчению.

В-третьих, пассионарность можно взять у завоевателей. Исторический пример: гиксосское завоевание Древнего Египта в конце эпохи Среднего царства. Рождённое от гиксосов (от пассионария рождается пассионарий) поколение египтян восстало против них и восстановило египетскую

цивилизацию Нового царства, при котором она достигла наивысшего расцвета.

В-четвёртых, этнос может продлить своё существование за счёт отпрысков более пассионарных покорённых этносов. Исторический пример: дряхлеющая Османская империя создала за счёт детей грузин, болгар, венгров, словаков, русских etc., вывезенных и воспитанных в Империи, армию янычар, продливших её существование ещё на 200 лет.

В-пятых, межэтнические браки с представителями более пассионарных этносов. Исторический пример: евреи – браки между еврейками и неевреями, при которых национальность считается по материнской линии.

И, наконец, браки однонациональные, но между частями этноса, обитающими в различных частях ойкумены и находящимися поэтому на разных стадиях этногенеза. Исторический пример: кочевые цыгане. С принудительным переходом на осёдлый образ жизни они стали утрачивать свою пассионарность.

Именно межнациональные браки помогут человечеству выжить и создать планетарную цивилизацию, и наиболее перспективными в этом отношении являются США, фактически находящиеся ещё только на стадии явного подъёма.

К сожалению, фундаментальных научно-исследовательских работ, написанных с точки зрения цивилизационного подхода, написано очень мало, так как большинство российских историков воспитано в традициях формационного подхода и предпочитает оставаться в рамках этого научно-исторического поля.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое мифология?
2. Что такое эпос?
3. Что такое история?

4. В чём суть теорий дуализма?
5. Что такое стадия варварства?
6. Что такое стадия цивилизации?
7. В чём суть теории циклического развития?
8. В чём суть теории концентрического развития?
9. В чём суть теории формационного развития?
10. В чём состоит принципиальная посылка историко-антропологического подхода?
11. Что такое цивилизация?
12. Перечислите локальные и региональные цивилизации древности.
13. Что такое этнос?
14. Охарактеризуйте основные этапы этногенеза.

Раздел I.

ЗАРОЖДЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ЭВОЛЮЦИЯ ИХ В МИРОВЫЕ ДЕРЖАВЫ ДРЕВНОСТИ (Подъём и акматическая фаза)

В период скрытого подъёма XI-IX вв. до н. э. раньше всего оправились от ударов стихии и «народов моря» жители наиболее развитых областей древнейших цивилизаций. Ими стали потомки финикийской и месопотамской цивилизаций.

§ 1. Ориенталистская цивилизация

Эта цивилизация включала в себя Тиро-сидонское царство на Восточном побережье Средиземного моря, финикийские средиземноморские колонии, Карфагенскую державу, Тартесскую державу в Испании, Этрусский военно-религиозный союз в Северной части Аппенинского полуострова.

Характерной чертой истории многих государств древнего мира была колонизация, т. е. основание новых поселений в чужих землях. Само это поселение называлось *колонией* (от латинского слова *коло*—«живу, населяю, обрабатываю»; греки именовали его, как правило, *апойкей* от слова *апойкео*—«выселяюсь»). Город же или страна, откуда уехали переселенцы, получил название *метрополии* (от греческих слов, означающих «город-мать»). Особенно большую роль в истории древнего Средиземноморья играла финикийская и греческая колонизация.

Уже во II тысячелетии до н. э. критские и микенские торговцы посещали сиро-финикийское побережье, а финикийцы селились в Эгеиде и даже, по-видимому, доплывали до Сицилии, но господство на море критян, а затем ахейцев сдерживало финикийскую экспансию.

Финикийский город

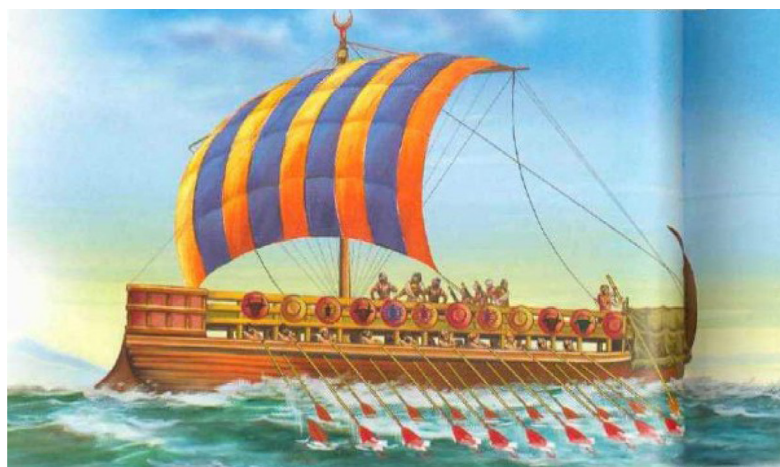
Положение изменилось в конце II тысячелетия до н. э. В это время Восточное Средиземноморье испытало сильные потрясения, вызванные упадком великих дотоле держав этого региона и мощными передвижениями народов.

Волны нашествий «народов моря» захватили и сиро-финикийское побережье; в частности, был разрушен Сидон, жители которого бежали в Тир (скоро Сидон был восстановлен). В условиях упадка крупных государств мелкие восстанавливали силу быстрее. Тир, который и раньше, видимо, участвовал в контактах с Западом, теперь полностью

перенял эстафету у погибшего Угарита. Переселение сидонян в Тир привело, с одной стороны, к усилению этого города, а с другой – создало в нем демографическое напряжение, которое при тогдашнем довольно низком уровне развития производительных сил могло быть снято только выездом части населения за море.

Финикийский торговый порт

Финикийский корабль

Крушение микенской Греции предоставило такую возможность, правящие круги Тира использовали ситуацию для создания в чужих странах опорных пунктов, необходимых им для возобновления и расширения торговли с этими странами и для высылки из метрополии наиболее недовольных элементов.

Первый этап колониционной деятельности Тира охватывает вторую половину XII – первую половину XI в. до н. э. Одним путем финикийцы двигались к острову Родосу, затем по Эгейскому морю вдоль западного побережья Малой Азии к богатому золотом острову Фасосу, другим – от Родоса по южной кромке Эгейского архипелага к Сицилии, оттуда к северному выступу Африки и, наконец, вдоль африканского побережья в Южную Испанию. Вначале финикийцы занимались больше морским и прибрежным разбоем. Но затем они стали закрепляться в важнейших точках, куда были направлены их морские набеги. Так, золотоносный Фасос и обильная серебром Испания были главными целями вывода настоящих колоний. По дороге же к ним финикийцы основывали промежуточные опорные пункты. Таким пунктом была, в частности, Утика в Северной Африке. Античное предание рассказывает о трехкратной попытке тирян обосноваться в Южной Испании, и это, возможно, связано с сопротивлением местного населения. Лишь на третий раз финикийцы основали на небольшом островке у побережья уже за Столпами Геракла (совр. Гибралтарский пролив) город, получивший характерное название Гадир—«крепость»; этот город римляне именовали Гадесом (совр. Кадис). Вероятно, в промежутке между этими попытками тиряне создали на крайнем северо-западе Африки Ликс.

На этом этапе финикийская колонизация носила преимущественно торговый характер. Важнейшей целью финикийцев были драгоценные металлы. За них они отдавали мясо, безделушки, ткани, мелкий морской товар. Это приве-

ло к тому, что материальных остатков финикийской торговли дошло очень мало, и археология прослеживает её слабо. Да и был это, по-видимому, «немой» обмен, когда участники сделки выкладывали каждый свои товары, пока обе стороны не соглашались их взять. В некоторых же случаях финикийцы сами эксплуатировали рудники, как это было на Фасосе.

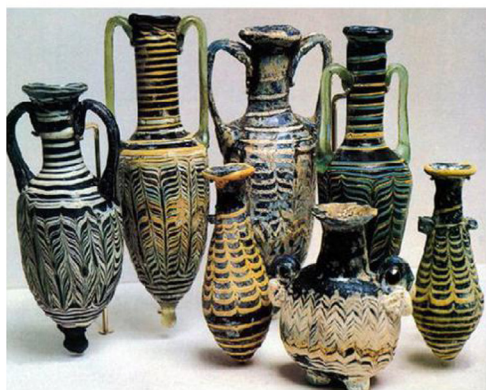

Финикийцы основывали и простые опорные пункты для ведения торговли или обеспечения её безопасности, фактории без постоянного населения, якорные стоянки. Важную роль играли храмы, зачастую предшествовавшие основанию городов, как это было в Гадесе и Ликсе: при отсутствии в ту пору международного права храмы давали торговцам ощущение божественного покровительства и безопасного рынка. Некоторые храмы, как на Фасосе, могли выступать и организаторами производства. Но уже в это время создавались и настоящие города с постоянным населением. Таковыми городами были Гадес и Утика.

Промежуток приблизительно в два века отделяет первый этап колонизации от второго. К этому времени рост экономики железного века потребовал большого количества металлов, и не только драгоценных, но и необходимых для непосредственного производства. Экономической основой возникновения первых ближневосточных империй было объединение под одной властью дополняющих друг друга хозяйственных регионов, в том числе источников сырья. Колонизация и выполняла роль подключения к экономике империй тех источников сырья, которые находились вне досягаемости непосредственной военной экспансии имперских владык.

Наряду с этим империи мешали нормальной сухопутной торговле, перехватывая её пути и грабя перевалочные пункты. Поэтому часть путей, например, малоазийской торговли перемещается на море – через Тарс в Киликии, Сидон и Тир в Финикии. С конца II тысячелетия до н. э. главным пунктом торговли не только Ближнего Востока, но и Малой Азии с дальним Западом стал Тир.

Финикийские амфоры из цветного стекла. VIII в. до н.э.

Стеклянная маска из Карфагена. III в до н. э.

 MyShared

Финикийские сосуды из стекла

В Восточном Средиземноморье возможности финикийской экспансии были ограничены. Здесь вновь набирали силу крупные централизованные государства, а в Эгейском бассейне передвижения греков и фракийцев привели к вытеснению финикийцев с занятых было ими островов уже не позже IX—VIII вв. до н. э. В самой Греции в условиях начавшегося формирования полиса места для финикийской колонизации не было. Поэтому там финикийцы иногда селились в городах, но не образовывали самостоятельных организаций. В других случаях они ограничивались созданием отдельных кварталов-факторий, таких как Тирский Стан в египетском Мемфисе. И только на юге Кипра и в Киликии финикийцы рано основали колонии. Основной же ареной финикийской колонизации стало Западное Средиземноморье. В сферу финикийской колонизации теперь входит Сардиния. Она привлекала колонистов и своим стратегическим положением, открывавшим путь к Средней Италии, Корсике, Галлии и к Испании через Балеарские острова, и своими минеральными богатствами, а также плодородием почвы. В IX—VII вв. до н. э. на южном и западном берегах Сардинии возник целый ряд финикийских городов: Нора, Сульх, Бития, Таррос. Сравнительно рано финикийцы стали обосновываться и внутри острова.

Вторым новым районом финикийской колонизации были острова между Сицилией и Африкой: Мелита (совр. Мальта) и Гавлос (совр. Гоццо). Там тиряне обосновались в VIII в. до н. э. Эти острова служили важнейшим пунктом связи между метрополией и самыми западными окраинами финикийского мира.

Укрепление контактов финикийцев в Южной Испании потребовало создания новых торговых опорных пунктов на Пиренейском полуострове. На его южном берегу, но уже восточнее Столпов Геракла в VIII—VII вв. до н. э. фи-

никийцы создали целый ряд поселений различного размера и значения. Одни были относительно крупными городами, такими как Малака (совр. Малага), другие – сравнительно небольшими поселками, древних названий которых мы не знаем и которые сейчас называют по именам ближайших современных поселений – Тосканос или Чоррерас.

В Сицилии в VIII в. до н. э. с началом греческой колонизации финикийцы покинули восточное и южное побережья, где они селились ранее, и сконцентрировались в западной части. Созданные там города Мотия, Солунт и Панорм (ныне Палермо) обеспечивали связи с уже ранее колонизованными районами Сардинии и Африки. В центральной части Северной Африки, где еще ранее была основана Утика. На северо-западе этого материка южнее Ликса финикийцы обосновались вокруг залива, носившего по-гречески красноречивое название Эмпорик («Торговый»).

Религия финикийцев

Финикийцы поклонялись многим богам как в зависимости от рода занятий, так и от города к которому принадлежали.

Однако во всех городах поклонялись божественной триаде:

Ваал (Баал)
верховный бог
(в Тире
называвшийся
Мелькартом,
в Сидоне
Эшмуном,
в Карфагене
Амоном)
Ваал нередко
изображался с
головой быка

Ваалат (Астарт)
супруга Ваала
и богиня
плодородной
земли

Второй этап финикийской колонизации охватил IX—VII вв. до н. э., причем наибольший размах колонизация приобретает, видимо, во второй половине IX в. до н. э., когда тиряне начали колонизовать Сардинию и радикально расширять свое присутствие в Африке; именно тогда, в частности, был основан Карфаген. По-прежнему основные цели финикийцев – металлы. Но теперь речь идет не только о золоте и серебре, но и о железе, свинце, олове. Другой целью колонизации выступает на втором этапе приобретение земель: недаром направление колонизационной активности в значительной степени переместилось из Испании в центр Средиземноморья – в плодородную Сардинию и славившийся земельными богатствами тунисский выступ Африки, где возник Карфаген. Сама колонизация приобрела гораздо больший размах. Хотя по-прежнему единственной метрополией оставался, по-видимому, Тир (участие в колонизации жителей Сидона возможно, но не доказано), масса переселенцев увеличилась. Изменился и характер колонизации. В колониях стали разворачиваться ремесло, земледелие и, разумеется, рыболовство. Увеличилось количество городов. Наряду с ними возникли и небольшие поселки; некоторые из них развили разнообразную экономику, другие же сосредоточивались на какой-нибудь одной отрасли. Финикийцы начали проникать с побережий и внутрь отдельных стран. Изменились отношения колонистов с местным населением. Последнее уже достаточно развилось, чтобы вступать в самые разнообразные контакты с пришельцами. Эти контакты охватили экономическую, политическую и культурную сферы. Возникло и обратное влияние местного населения на финикийцев, что привело к появлению локальных ответвлений финикийской культуры. Местное общество, таким образом, выступает как важный компонент колонизационного процесса. Возникновение колоний, а в значительной степени и торговля были обязаны поддержке или даже инициативе правительства. Не корабли тирских

купцов, а суда царя Хирама ходили в далекий Таршиш (Тартесс) в Испании⁶. Возникшие в таких условиях города считались частью Тирской державы, хотя сейчас трудно установить степень и формы зависимости их от метрополии. Однако известно, что в Китии на Кипре находился наместник тирского царя, а попытка, вероятно, Утики уклониться от дани вызвала карательную экспедицию из Тира. Позже, с ослаблением Тира, его держава, по-видимому, распалась.

Иначе обстояло дело с Карфагеном. По преданию, группировка тирской аристократии во главе с сестрой царя Элиссой, потерпевшая поражение в политической борьбе, тайно бежала из Тира и в конце концов прибыла в Африку, где сравнительно недалеко от «старой» Утики беглецы и основали город, который называли «Новым городом» – *Картхадашит* (лат. *Картаго*, откуда русское «Карфаген»). Поскольку Карфаген возник вопреки правительству, а во главе экспедиции к тому же стояла женщина из царского рода, то Новый город сразу же стал независимым от Тира, хотя духовные связи с метрополией Карфаген поддерживал в течение всего своего существования.

⁶ По данным Библии, царь Хирам I совместно с израильским царем Соломоном организовал морские экспедиции и по Красному морю в сторону Индийского океана (X в. до н. э.), где они достигали Офира (или другой, тоже древней традиции, Софира). Это, по-видимому, индийский порт Супара, в 60 км севернее Бомбея.

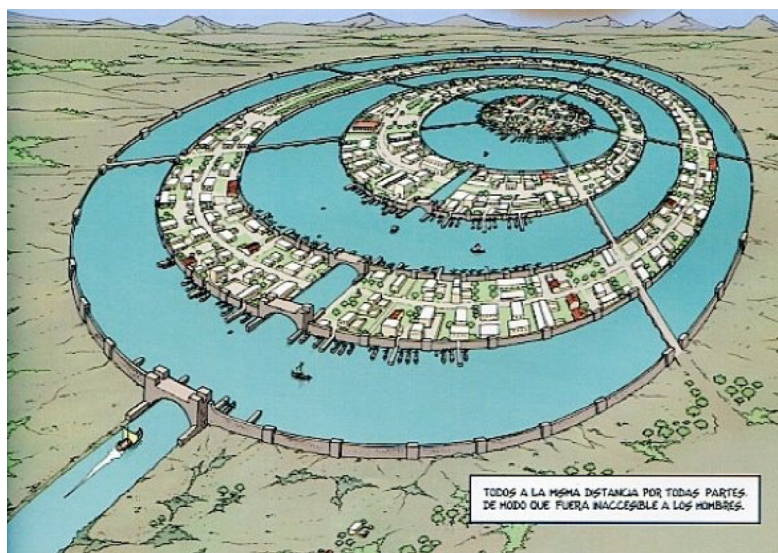
2. Тартесская держава в Испании

Финикийские колонии связывали культурные страны Восточного Средиземноморья с более отсталым населением западных и Центральных районов средиземноморского мира и приатлантических областей. Там, где это население стояло все же на относительно высоком уровне экономического и социального развития, возникает так называемая ориенталистская цивилизация (от лат. *ориенс* – восток). Местную аристократию, высоко поднявшуюся над своими соотечественниками, перестали удовлетворять прежние формы культуры. Не выработав пока своих новых форм, обслуживающие этих людей, ремесленники заимствуют восточные. В некоторых случаях восточные воздействия проявляются и в хозяйстве.

Исключительно финикийскому влиянию обязано возникновение ориенталистской цивилизации в Южной Испании, где в VIII—VI вв. до н. э. существовала Тартесская держава. Контакты между финикийцами и югом Пиреней-

ского полуострова были установлены на первом этапе финикийской колонизации. Но местное население было тогда еще не подготовлено к активным двусторонним связям. В конце II тысячелетия до н. э. здесь существовала так называемая юго-западная культура, носители которой в этническом отношении были, возможно, родственны будущим баскам, обитающим и поныне в Пиренеях. Жили они родовым строем, археологически не показывающим никаких признаков разложения, экономические связи поддерживали не столько с восточными пришельцами, сколько с Северо-Западной Европой. В начале I тысячелетия до н. э. сюда пришли с севера племена, говорившие на индоевропейском (кельтском) языке, принесшие с собой новую керамику и новые способы металлургии и металлообработки. Новая культура наслонилась на старую, и, видимо, в результате слияния аборигенных племен и северных пришельцев и образовался тартесский этнос.

г. Тартесс

Связи между тартессиями и финикийцами, сначала спорадические, со временем интенсифицировались. Они ускорили социальное развитие тартессиев. Во второй половине VIII в. до н. э. в Южной Испании возникла Тартесская держава (по-семитски Таршиш), в состав которой вошли разные племена. Итак, в Южной Испании сложилось раннегосударственное образование. Под властью тартесского государства находилась федерация южноиспанских племен, на территории которых имелись тартесские опорные пункты, из которых тартессии и осуществляли, вероятно, контроль над подчиненными.

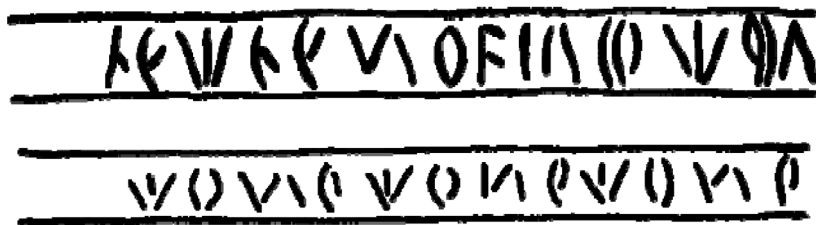

Тартесс. Бронзовая подвеска

Экономической базой Тартесской державы были добыча и обработка меди, серебра и свинца и использование сельскохозяйственных богатств долины р. Бетиса (совр. Гвадалквивир). Это давало тартессиям возможность вести активную торговлю с финикийцами. Образование государства способствовало интенсификации горного дела и металлургии, для продуктов которых финикийцы открыли для емкий ближневосточный рынок. Тартессии же переняли вос-

точные приемы дробления руды и выплавки металлов. Требования финикийцев заставили тартессиев искать и те продукты, которых в Тартессиде не было, и это стимулировало развитие их внешней торговли. От финикийцев тартессии заимствовали гончарный круг, строительную технику, разведение культурной оливы и изготовление оливкового масла. В Тартессиде возникла синкретическая ориенталистская цивилизация, создаваемая и финикийцами и тартессиями. Основным воспреемником восточных влияний стала аристократия и те слои ремесленников, которые ее непосредственно обслуживали.

На рубеже VII – VI вв. до н. э. связи с Тартессом установили греки, и на тартесском берегу появились греческие колонии. Греческое влияние на тартесскую культуру не ощущается. Но политические и экономические контакты Тартесса с греками возникли, и Тартесс включился в сложную политическую игру на крайнем западе Средиземноморья. Тартесс в ней проиграл, и под ударами карфагенян эта держава распалась, вероятно, в начале V в. до н. э.

Письмена тартесситов

Большую роль сыграли финикийцы в развитии Этрурии (хотя, если принять распространенную, но пока не доказанную теорию восточного происхождения этрусков, то не исключено, что некоторые восточные элементы были принесены ими непосредственно с Востока).

3. Этрusco-религиозный союз в Северной части Аппенинского полуострова

В Средней и Северной Италии в I тысячелетии до н. э. жил народ, называвший себя расенами. Греки именовали его тирренами или тирсенами, а римляне – тусками или этрусками, последнее название и вошло в науку. Основная область обитания этрусков, расположенная на северо-западе Средней Италии, была известна у римлян как Этрурия. В средние века её стали называть Тосканой, это имя носит она донныне. Плодородные почвы, множество рек, самая крупная из которых – Арно, залежи медной и железной руды, строевой лес, выход к морю – все это делало Этрурию одной из наиболее удобных для жизни людей областей Италии в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Античная традиция вслед за Геродотом (V в. до н. э.) почти единогласно называла этрусков выходцами из Малой Азии, из области Лидии. Однако уже в древности были и другие мнения. Современник Геродота Гелланик Лесбосский считал их ответвлением догреческого населения Эгеиды, пеласгов. Дионисий Галикарнасский (конец I в. до н. э.) рассматривал этрусков как коренных жителей Италии.

Этруски

Споры о происхождении этрусков не прекращаются доныне. Однако теперь исследователи все чаще отказываются от односторонних теорий, склоняясь к предположению о формировании этрусской народности в Италии в результате взаимодействия **как** местных, так и пришлых этнических групп. При этом не исключается, что пришельцами могли быть выходцы с Востока, появившиеся в Италии на рубеже II и I тысячелетий до н.э. Во всяком случае, в формировании этрусской народности на итальянской почве, несомненно, участвовало и местное население **Италии**. С VIII в. до н. э. главным очагом этрусской цивилизации явилась Этрурия, откуда этруски путем завоевания расселились на севере до Альпийских гор и на юге до Неаполитанского залива, заняв, таким образом, большую территорию в Средней и Северной Италии.

Высокого развития достигли в Этрурии добыча и обработка металлов, особенно меди и железа. Необходимое для

изготовления бронзы олово этруски получали через Галлию из Британии. Metallургия железа широко распространилась в Этрурии с VII в. до н. э. Metallические изделия составляли важную статью этрусского экспорта. В то же время некоторые изделия из металла, например, бронзовые котлы и украшения, этруски ввозили. Ввозили они и металлы, которых у них не доставало (олово, серебро, золото), как сырье для своей ремесленной промышленности. Каждый этрусский город чеканил собственную монету, на которой изображался символ города, а иногда указывалось и его название. Этрусские шерстяные ткани шли на экспорт, а также, несомненно, находили широкое употребление и в быту этрусков. Этруски вели обширную торговлю со странами Средиземноморья. Из развитых промышленных городов Греции и из Карфагена они ввозили предметы роскоши, из Карфагена, кроме того,— слоновую кость как сырье для своих ремесленников. Покупателем дорогих привозных товаров была этрусская знать. Предполагается, что в обмен на привозную роскошь Этрурия поставляла в развитые торговоремесленные центры медь, железо и рабов. Однако известно, что и в развитых обществах находили спрос различные изделия этрусского ремесла.

В торговле этрусков с северными племенами, обитавшими в Средней и Западной Европе вплоть до Британии и Скандинавии, вероятно, безраздельно господствовал экспорт готовой продукции— metallических и керамических изделий, тканей, вина. Потребителем этих товаров выступала главным образом знать варварских племен, которая расплачивалась с этрусскими купцами рабами, оловом, янтарем. Греческий историк Диодор Сицилийский сообщает, что в торговле с заальпийскими кельтами италийские купцы, под которыми, как считается, он имеет в виду этрусков, за амфору вина получали раба.

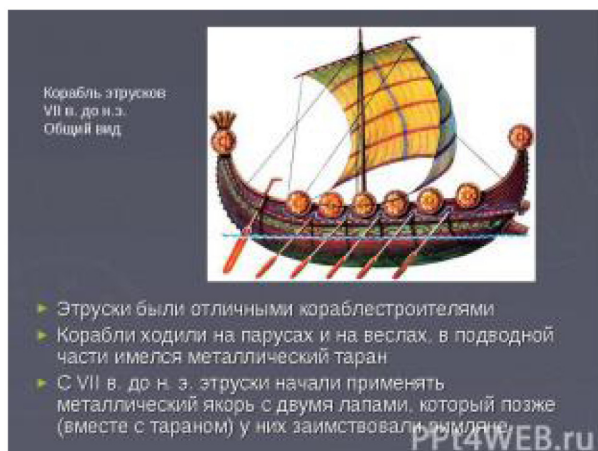
Фреска из гробницы «Буйволов» . VI в. до н. э. фреска. Музей Виллы Джулия, Рим

Этрусский всадник

Морская торговля преобладала у этрусков над сухопутной и сочеталась с пиратством, что было характерно и для других мореходов того времени. По мнению А. И. Немировского, наибольшее распространение этрусского пиратства приходится на период упадка этрусских государств в IV—III вв. до н. э., когда, с одной стороны, в силу греческой конкуренции, кельтского вторжения и римской экспансии оказалась подорванной их внешняя торговля, а с другой – пиратство стимулировалось растущим спросом на рабов в римском обществе. Именно в это время в устах греков стали синонимами слова «тиррены» и «пираты».

Греческие колонисты стремились проникнуть к этрусским источникам сырья в район Ильвы, Корсики, Сардинии и южного побережья Галлии. Кроме того, греки и этруски столкнулись в процессе колонизации Средней Италии. В плодородной Кампании, где возникли греческие города Кумы и Неаполь, вскоре выросли этрусские (или италийские под этрусским господством) города Капуя, Помпеи,

Нола, Геркуланум и др. Этруски стремились избавиться от посредничества греков в торговле с приморскими городами Балканской Греции и Малой Азии, для чего пытались, в частности, овладеть Мессинским проливом между Италией и Сицилией. Не случайно все военные действия между греками и этрусками развертывались в VI—V вв. до н. э. в районе Сицилии, Корсики и Средней Италии.

Между этрусками и карфагенянами тоже существовало соперничество. Их торговые и колонизационные интересы сталкивались в VII – VI вв. до н. э. в Сицилии, Сардинии, Корсике, Южной Галлии и Испании. Но появление в Западном Средиземноморье греков заставило соперников объединиться против общего врага. В 535 г. до н. э. этруски (граждане г. Цере) в союзе с Карфагеном разбили греческий флот у побережья Корсики. Это на несколько десятилетий обеспечило этрускам свободу действий в центральном районе Средиземноморья. Этруссские товары (главным образом металлические изделия и рабы) следовали теперь на Восток через Мессинский пролив без посредничества греков. С одним из греческих городов в Южной Италии, Сибарисом, эт-

русски поддерживали дружеские отношения и успешно сбывали сюда свои товары. Но в 510 г. до н. э. Сибарис был разрушен гражданами другого южноиталийского греческого города, Кротона, а в Мессинском проливе греки установили сторожевой пост. Это явилось первым ударом по этрусской торговле на юге. Вторым оказался разгром греками (сиракузянами) объединенного этрусско-карфагенского флота при Кумах в 474 г. до н. э. С этого времени торговые связи этрусков с Грецией и Ближним Востоком, по-видимому, стали осуществляться через порты Адриатического моря. На этой торговле расцвел в V в. до н. э. город Спина в устье По, крупнейший этрусский порт на Адриатическом море.

Галльский военный набег 390 г. до н. э. подорвал этрусскую торговлю не только на севере, но и в восточном направлении, поскольку часть галлов укрепились к югу от Альп и перерезала пути, соединявшие Этрурию с побережьем Адриатического моря.

4. Карфагенская держава в Западном Средиземноморье

Вторая четверть I тысячелетия до н. э. была ознаменована в Западном Средиземноморье созданием Карфагенской державы- объединения финикийских (или по-латински *пунических*) колоний в Северной Африке, Южной Испании, Западной Сицилии и Сардинии. В этих областях уже длительное время ведущую роль в политической жизни играл город Карфаген (финик. Карт-хадашт— «Новый город»)⁷. Карфаген был основан в нынешнем Тунисе выход-

⁷ Карфаген был назван «Новым городом» в противоположность Тиру, который, как показывает наименование главного городского божества Мелькарт – «царь Города», мог называться и Карт – «Город». Под названием «Нового города» на Средиземном море существовало еще несколько городов: Карт-хадашт на о-ве Кипр, построенный на месте разрушенного тирянами Кития, Карт-хадашт – Карфаген в Африке и Карт-хадашт, или Новый Карфаген, ныне Картахена в Испании.

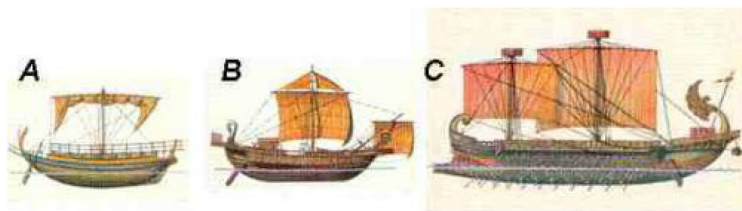
цами из Тира около 825 г. до н. э. Благодаря своему исключительно выгодному географическому положению в самом узком месте Средиземного моря, в непосредственной близости от Сицилии город Карфаген рано превратился в один из крупнейших средиземноморских торговых центров; он поддерживал непосредственные контакты с Египтом, Грецией, Италией (главным образом с Этрурией), Сицилией и Сардинией. Развитие торговли привлекало в Карфаген многочисленное разноязычное население: кроме финикийцев, здесь постепенно поселилось много греков и этрусков.

Карфаген (реконструкция)

С самого основания и до падения Карфагена его могущество составлял флот. Если во II тыс. до н. э. финикийцы плавали на кораблях, напоминавших древние египетские и шумерские, только изготовленных не из стволов тростника или папируса, а из прочного ливанского леса, с высоким носом и кормой, беспалубных или однопалубных, с одним широким прямым парусом и с большим двойным рулевым вес-

лом на корме, – то в первой половине I тысячелетия до н. э. устройство кораблей значительно усовершенствовалось. Корабли стали теперь двухпалубными; фальшборт верхней палубы, где находились воины, был защищен круглыми щитами, на нижней палубе в два ряда (один выше, другой ниже) сидели гребцы (вероятно, из рабов), на носу под водой был устроен мощный таран для потопления вражеских судов, а кормчего, управлявшего рулевыми веслами, надежно защищала высоко поднятая и загнутая сверху корма. На носу можно было поднимать дополнительный прямой парус. Лишь торговые суда строили по-прежнему с одинаковым носом и кормой, но и на них было по два ряда гребцов.

Флот Карфагена

В VII—VI вв. до н. э. карфагеняне вели активную наступательную политику в Северной Африке. Вдоль морского побережья по направлению к Геркулесовым Столпам (ныне Гибралтарский пролив), а также за ними на атлантическом побережье основывались карфагенские колонии. Уже к концу VII в. до н. э. существовали карфагенские колонии на атлантическом побережье современного Марокко.

В середине VI в. до н. э. карфагеняне под предводительством Малха вели войну против ливийцев и, по-видимому в результате победы добились освобождения от уплаты арендной платы за городскую землю, которую они до этого должны были регулярно вносить одному из местных племен. В конце VI в. до н. э. была завершена и многолетняя

борьба с Киреной, греческой колонией в Северной Африке, за установление границы между двумя государствами. Граница была значительно отодвинута от Карфагена на восток, в сторону Кирены.

Пехота Карфагена

В те же века Карфаген укреплялся и на Пиренейском полуострове, где финикийские колонии во главе с Гадесом (ныне Кадис) ещё до того вели упорную борьбу с Тартессом за торговые пути к Британским островам, которые были богаты оловом. Тир и Карфаген оказывали жителям Гадеса всевозможную поддержку. Разгромив Тартесс на суше, они подвергли его блокаде и захватили часть принадлежавшей ему территории. В середине VII в. до н. э. Карфаген основал свою собственную колонию Эбесс (ныне Ивиса) на Балеарских островах, вблизи берегов Испании. Эти острова Карфаген также захватил у Тартесса. Во второй половине VII в. до н. э. карфагеняне решили закрепиться на полуострове. Гадес воспринял такой шаг Карфагена как угрозу своему монопольному положению в международной торговле цветными металлами и оказал Карфагену упорное сопротивление. Но карфагеняне взяли Гадес штурмом и раз-

рушили его стены. После этого под властью Карфагена оказались, несомненно, и другие финикийские колонии на Пиренейском полуострове. Дальнейшее продвижение карфагенян в этом районе было остановлено греческой (фокейской) колонизацией средиземноморского побережья полуострова. Около 600 г. до н. э. фокейцы нанесли карфагенскому флоту ряд серьезных поражений и остановили распространение карфагенского влияния в Испании. Основание фокейской колонии на о-ве Корсика прервало на длительное время и карфагено-этрусские связи.

В середине VI в. до н. э. карфагеняне вели серию войн в Сицилии (карфагенскими войсками командовал полководец Малх), и в результате под их властью оказались значительные территории на западе острова, в том числе и старые финикийские колонии. Но поход Малха в Сардинию закончился неудачно, и карфагенское правительство осудило полководца и его армию на изгнание.

Власть в Карфагене с самого начала находилась в руках торгово-ремесленной олигархии. По преданию, во главе государства на первых порах стояла царица Элисса, основательница города, после своей гибели обожествленная и, видимо, почитавшаяся под именем популярнейшей в городе богини

Тиннит⁸. Позже власть захватили коллективные органы олигархической диктатуры – совет старейшин и, видимо, возглавлявший его совет десяти. Решение совета старейшин об изгнании Малха привело к резкому обострению в городе политической борьбы. Не подчинившись приказу об изгнании, Малх штурмом захватил Карфаген, а затем, создав народное собрание, добился казни всех членов совета десяти. Источники говорят, что Малх ввел в Карфагене собственные законы. По-видимому, подобно раннегреческим тиранам, он пытался опереться на народное движение, однако не сумел обеспечить себе поддержку народа на длительное время. Враги обвинили его в стремлении к узурпации власти, добились его свержения и казни. К власти пришел представитель враждебной Малху олигархической группировки Магон, вероятно принявший активное участие в низвержении Малха.

Правление Магона, его сыновей и внуков (с середины VI до середины V в. до н. э.) стало для страны временем важных преобразований. Из них особо должны быть отмечены создание наемного войска, значительно превосходившего численностью и боевыми качествами карфагенское гражданское ополчение. Результатом этой реформы было резкое ослабление позиций демократических кругов карфагенского общества: режим Магона и Магонидов опирался на наемную армию.

По видимому, после прихода Магона к власти были установлены союзнические отношения с этрусскими городами Италии. Этот союз был направлен против общего врага – фокейцев и их союзников – тартессцев. Союз с этрусками был настолько прочен, а разнообразные карфагено-этрусские связи настолько глубоки, что взаимная торговля была в даль-

⁸ Существует мнение, что легенда о Дидоне-Элиссе (Элисса, ранее Аласия, означает «Кипр») и о постройке ею Карфагена относилась первоначально к Карт-хадашту на Кипре, в конце IX в. до н. э., и лишь позже эта легенда была перенесена на африканский Карфаген.

нейшем детально регламентирована, были установлены взаимные гарантии. Посвятительные надписи из этрусского города Пирг финикийской богине любви и плодородия Аштарт (в этрусском тексте – Уни-Аштарт) с параллельными текстами на этрусском и финикийском языках продемонстрировали и распространение в этрусской среде карфагенских культов, и отождествление этрусских и финикийских богов.

Карфагено-этрусская коалиция существенно изменила политическую обстановку в Западном Средиземноморье. После битвы при Алалии (у берегов Корсики) господство греков (фокейцев) на средиземноморских путях было уничтожено. После этого Карфаген предпринял новое наступление на Сардинию, где были основаны колонии на побережье и многочисленные мелкие пунийские поселения в глубине острова. Победа при Алалии изолировала Тартесс в политическом и военном отношении, и в конце 30-х – начале 20-х годов VI в. до н. э. карфагенские захватчики буквально стерли Тартесс с лица земли, так что поиски археологов, пытающихся обнаружить его местонахождение, до сих пор не дали удовлетворительных результатов. Почти в то же время (509 г. до н. э.) Карфаген заключил с этрусскими городами, а также с Римом серию договоров, согласно которым карфагеняне обязались не появляться севернее определенного пункта (по-видимому, в Испании?), а этруски и римляне – южнее его. Этими договорами был произведен раздел Западного Средиземноморья между союзниками – карфагенянами и этрусками – и узаконены притязания карфагенян на монополию в западной части Средиземного моря. Дальнейшие столкновения карфагенян с греками в Западном Средиземноморье (например, с жителями Массалии, ныне Марселя) происходили с переменным успехом и не повлияли сколько-нибудь существенно на соотношение сил и границ между зонами карфагенского и греческого господства.

Вторжение персидских войск в Грецию в начале V в. до н. э. создало предпосылки для военного союза между Персидской державой и Карфагеном. Около 480 г. Ксеркс договорился с карфагенянами об одновременном ведении боевых действий, однако это предприятие карфагено-персидской коалиции закончилось неудачей. В 480 г. одновременно с разгромом персидского флота при Саламине карфагеняне потерпели сокрушительное поражение при Гимере (в Северной Сицилии) от объединенных войск греческих городов-государств на этом острове – Сиракуз и Акраганта. Наступление карфагенян в Сицилии было на длительное время приостановлено.

Тем более энергичную политику Карфаген начал вести в Северной Африке, где ему удалось захватить обширные территории и подчинить своему господству коренное ливийское население.

К середине V в. до н. э. Карфагенская держава представляла собой конгломерат областей, племен и народностей, экономически и политически слабо связанных между собой. Их правовое положение было неодинаковым. Граждане некоторых финикийских (пунийских) городов, в том числе Утики (пунич. «Старый город»), считались равноправными с гражданами Карфагена и его метрополии – Тира. Другую группу составляли собственно карфагенские колонии, возможно, привилегированные. В третью группу входили территории, формально подчиненные администрации г. Карфагена: на них распространялось действие карфагенских законов, их внешняя торговля велась под контролем должностных лиц Карфагена, взыскивавших пошлины в его пользу. В Лептисе Малом (на восточном побережье нынешнего Туниса) такая пошлина составляла талант в день (20—30 кг серебра). Наиболее бесправными и угнетенными были в Карфагенской державе подданные ливийцы. Во главе управления ливийскими областями и городами стояли воен-

ные администраторы – стратеги. Они ведали налогообложением (взыскание податей здесь производилось с чудовищной жестокостью), а также осуществляли насильственную мобилизацию ливийцев в карфагенскую армию.

Одним из важнейших результатов завоевания территорий в Северной Африке было появление карфагенского крупного землевладения. В долине р. Баграда и на морском побережье возникли крупные хозяйственные комплексы, где практиковалось орошаемое земледелие, скотоводство и работало очень много рабов. На базе опыта этих хозяйств в Карфагене сложилась высокоразвитая агрономическая наука. Труд ее виднейшего деятеля Магона неоднократно переводился (в том числе и по приказанию римского сената) на латинский и греческий языки, постоянно цитировался в сочинениях по естественным наукам и сельскому хозяйству. Крупные землевладельцы-рабовладельцы в Карфагене составили социально-политическую группировку, враждебную политике дальнейшей экспансии, которую проводила торгово-ремесленная аристократия Карфагена.

Во второй половине V в. до н. э. Магониды утратили – при неясных обстоятельствах – власть. Она снова оказалась в руках коллективных органов аристократического господства. В конце V в.

до н. э. Карфаген возобновил свою экспансию в Сицилии. Причинами этого поворота во внешней политике Карфагена явились, по всей видимости, усиление Сиракуз после разгрома в 416 г. афинского экспедиционного корпуса, пытавшегося захватить Сиракузы, и угроза со стороны этого города карфагенским владениям на западе острова. Непосредственным поводом к вмешательству Карфагена в дела острова послужило столкновение между Сегестой, старым союзником Карфагена, и Селинунтом (410 г. до н.э.). Сегеста обратилась за помощью к Карфагену. В 409 г. карфагенские войска выса-

дились на западе Сицилии, неподалеку от финикийского города Моти, а к 406 г. все греческие города на юге Сицилии, включая важный город Акрагант (ныне Агридженто), оказались в руках карфагенян, подошедших вплотную к Сиракузам. От осады Сиракузы спасла чума, разразившаяся в карфагенском лагере. В 405 г. между Сиракузами и Карфагеном был заключен мир, гарантировавший Карфагену господство на западе и юге острова. Но через несколько лет сиракузский тиран Дионисий Старший вторгся в Западную Сицилию. Карфагенский полководец Гимилькон, высадившись в тылу Дионисия, неподалеку от финикийского города Панорма (на северо-западе Сицилии, ныне Палермо), заставил сиракузян отступить и позже блокировал их город. Однако и на этот раз в карфагенском лагере началась эпидемия, и Гимилькон вместе с карфагенскими гражданами бежал на родину, бросив наемное войско на произвол судьбы.

Эта неудача послужила сигналом к массовому восстанию в Северной Африке ливийцев и рабов, которым удалось осадить Карфаген с суши. Только отсутствие твердого руководства у повстанцев и подкуп позволили карфагенянам разгромить их.

Начиная с 398 г. до н. э., вплоть до смерти Дионисия Старшего в 367 г., с короткими перерывами в Сицилии опять бушевала война, в которой то карфагеняне, то сиракузские несли тяжелые поражения. После 367 г. до н. э. Дионисий Младший решил прекратить бесперспективные попытки создать в Сицилии сиракузскую державу, и мирный договор подтвердил и закрепил положение, существовавшее до войны. Это был большой успех карфагенян. Им они были обязаны реорганизации своей армии, произведенной их полководцем Ганноном Великим.

По-видимому, одновременно с этими событиями в Северной Африке вспыхнули новые волнения, подавленные

Ганноном. Резко обострилась политическая борьба и в самом Карфагене. Воспользовавшись своими военными успехами, Ганнон Великий попытался истребить членов совета старейшин и установить свою диктатуру. Его планы были раскрыты, и Ганнон был вынужден бежать в глубь материка. Вооружив 20 тыс. своих рабов, он занял там небольшую крепость и попытался вести войну с Карфагеном. Предприятие Ганнона закончилось неудачей: он был захвачен правительственными войсками и убит, а труп его распяли на кресте. Казнены были также его сыновья и родственники.

Между тем в 345 г. до н. э. в Сицилии снова начались военные действия. Карфагеняне вмешались в борьбу в Сиракузах между Дионисием Младшим и аристократической партией. Противники Дионисия Младшего в Сиракузах обратились за помощью к Коринфу – метрополии Сиракуз, и оттуда в Сицилию были присланы войска под командованием Тимолеонта. Карфагенские владения в Сицилии оказались под серьезной угрозой, однако и на этот раз Карфагену удалось их сохранить.

В 318 г. до н.э. Карфаген поддержал авантюриста Агафокла, возглавившего в Сиракузах демократическое движение, помог ему овладеть городом и расправиться со своими противниками из олигархической партии. Однако, придя к власти, Агафокл прежде всего попытался уничтожить карфагенское господство в Сицилии. В течение ряда лет война шла с переменным успехом, и наконец в 311 г. удача стала склоняться в пользу Карфагена. В этих условиях Агафокл решил перенести войну в Африку, рассчитывая на солидарность местного населения. Карфаген действительно очутился в тяжелом положении. Агафокл нанес карфагенским войскам несколько чувствительных поражений и сумел заключить союз с одним из ливийских «царей». К этому добавился тяжелый внутренний кризис, вызванный попыткой пол-

ководца Бомилькара, командовавшего карфагенской армией, захватить власть в свои руки. В Карфагене шли уличные бои между сторонниками и противниками претендента. Восстание Бомилькара потерпело поражение, сам он был распят на карфагенской рыночной площади.

Агафокл добился в Северной Африке значительных военно-политических успехов. Он овладел даже Утикой и Гиппон-Диарритом – двумя важнейшими портовыми городами на флангах Карфагена; казалось, главнейшая часть Карфагенской державы в Африке – в его руках. Тем не менее Агафоклу не удалось главное: он не сумел заставить карфагенян отказаться от блокады Сиракуз. Это обстоятельство заставило Агафокла вернуться в Сицилию. Затем карфагеняне нанесли сиракузской армии серьезное поражение в Африке, и Агафокл вскоре прекратил военные действия. Еще один мирный договор, на этот раз между Карфагеном и Агафоклом, снова позволил Карфагену сохранить все свои владения в Сицилии.

В 278 г. до н. э. над карфагенскими владениями в Сицилии нависла новая угроза: из Южной Италии на остров переправился Пирр, царь Эпира. Греческие города один за другим признавали его власть, и карфагенское правительство, чувствуя себя неготовым к борьбе, предложило Пирру мир, отказываясь от всех своих территорий в Сицилии, кроме одного опорного пункта – г. Лилибея. Пирр потребовал, чтобы карфагеняне уступили и его. Получив отказ, он осадил спорный город. Между тем политика Пирра в Сицилии оттолкнула от него граждан греческих городов, которых он пытался превратить из автономных союзников в прямых подданных своего царства. Теперь сицилийские греки увидели в карфагенянах освободителей от новоявленного властителя. После вынужденного ухода Пирра в Южную Италию Карфаген полностью, уже в пятый раз менее чем за полтора столетия, восстановил свое положение в Западной Сицилии.

Период, начинающийся с середины III в. до н. э. и заканчивающийся серединой II в. до н. э., был временем ожесточенной борьбы Карфагена за господство в Западном Средиземноморье с новой силой – Римом. В римской историографии это время называется периодом Пунических войн.

§ 2. Месопотамская (арамейская) цивилизация

Эта цивилизация включала Древнеассирийскую державу (XI – VI вв. до н. э.), Месопотамию, Восточное Средиземноморье, Древний Египет.

1. Ассирийская мировая держава

Ряд событий, происшедших в Передней Азии в конце II тысячелетия до н. э., привел к гибели или ослаблению почти всех «великих держав». Теперь Ассирия не имела серьез-

ных соперников и могла приступить к осуществлению своих великодержавных притязаний. Но в это время из степей Аравии двинулись новые западносемитские кочевые племена – арамеи. Это было медленное и неуклонное просачивание больших и малых племен, групп отдельных семей, и остановить это движение было практически невозможно. Кочевники далеко не всегда прибегали к силе, а брать укрепленные города они вообще не умели. Но города рано или поздно обнаруживали, что находятся в арамейском окружении. Арамейские наемники (подобно амореям в начале II тысячелетия до н. э.) служили теперь в войсках местных правителей. Постепенно, как ранее амореи, арамейские вожди прибирали к рукам власть в десятках мелких государств Сирии и Верхней Месопотамии. Арамеи перенимали местную культуру и в большинстве своём переходили к оседлому образу жизни; их язык вытеснил все местные. Лишь кое-где сохранились, как островки, позднешеттские (лувийские) и позднехурритские царства. Коренная Ассирия избежала этой участи лишь потому, что в Месопотамии основное движение арамеев шло вдоль Евфрата, а до Тигра и за Тигр они добрались там, где Тигр и Евфрат сближаются, т. е. ниже коренной Ассирии. Но Ассирия потеряла почти все свои владения к западу от Тигра и была отрезана от важнейших источников сырья. Вместе с тем она сохранила и ряд существенных преимуществ, которые должны были сказаться при первом же удобном случае. Так, Ассирия оставалась основным узлом торговых путей, идущих по Тигру и от Тигра на восток, север и запад. Поддержание и расширение контроля над торговыми путями сулило громадные выгоды и было традиционной политикой Ассирии. Этому способствовало и ее выгодное стратегическое положение. К востоку и северу от Ассирии в начале I тысячелетия до н. э. обитали разрозненные горные племена, способ-

ные самое большое на разбойничий набег, чему нетрудно было воспрепятствовать сравнительно небольшими силами. Противники же Ассирии на западе погрязли в междоусобицах, а ее южный сосед – Вавилония сама тяжело пострадала от нашествия халдеев. Наконец, Ассирия сохранила свою превосходную военную организацию, которую в дальнейшем сумела ещё усовершенствовать. Когда Ассирия вновь получила возможность перейти в наступление, перед ней открывались два пути: либо организация «принудительного обмена», т. е. просто грабёж (за применение этого «метода» стояла военно-бюрократическая знать), либо налаживание «правильной» эксплуатации покоренных земель, поддержание «имперского мира», способствующего нормальным экономическим связям (таково было желание верхушки горожан и жречества).

Но пока в течение почти всего X века Ассирии пришлось уделять основное внимание обороне, лишь изредка позволяя себе небольшие рейды в горы, на северо-восток и восток.

Первое серьезное наступление на запад Ассирия предприняла в царствование Адад-нерари II (912—891 гг. до н. э.). В результате нескольких походов и длительных осад городов вся область р. Хабур и её притоков перешла под контроль Ассирии. Открылся путь для дальнейшего продвижения к переправам через Евфрат, т. е. в Сирию. Еще до этого Адад-нерари, придравшись к какому-то пустяку, обвинил вавилонского царя в нарушении мира и двинул свои войска на юг. Вавилония потерпела поражение, в результате которого к Ассирии была присоединена область Аррапхэ, а южная граница Ассирии почти достигла Дур-Куригальзу и Сиппара.

Но, пожалуй, самым главным достижением Ассирии было восстановление её престижа и боевого духа. Хотя

не все походы Адад-нерари II и его преемников были одинаково успешными, Ассирия в течение нескольких последующих десятилетий практически не знала поражений. Стратегическая цель, которую поставили перед собой на будущее цари этой династии, заключалась в том, чтобы, держа в страхе горцев на севере и востоке при помощи периодических вторжений и не допуская ответных рейдов, неуклонно продвигаться на юг и на запад, дабы взять под свой контроль основные источники сырья, центры производства и торговые пути от Персидского залива до Армянского нагорья и от Ирана до Средиземного моря и Малой Азии.

Первым из ассирийских царей, кому после двухсотлетнего перерыва удалось совершить успешный поход к Средиземному морю, был внук Адад-нерари II – Ашшур-нацир-апал II (884— 858 гг. до н. э.). Он был выдающимся полководцем и дипломатом, чрезвычайно методичным и абсолютно безжалостным в достижении поставленной цели. В начале своего царствования он совершил несколько успешных походов на север и восток, принесших очень богатую добычу. В Верхней Месопотамии были подавлены антиассирийские мятежи, а граница Ассирии была отодвинута на запад до самого Каркемиша. В 876 г. Ашшур-нацир-апал перешел Евфрат у этого города и двинул свои войска на запад, к Средиземному морю. Никто, видимо, даже не пытался оказать ему сопротивление. Принимая по дороге дани и дары от местных царьков, ассирийский царь прошел через долину Оронта и Ливан. На берегу Средиземного моря он – по древнему обычаю – омыл свое оружие в его водах. Учредив ассирийскую колонию на Оронте, Ашшур-нацир-апал вернулся в Ассирию с огромной добычей и кедрами, нарубленными в горах Ливана и Амана. Он построил себе новую великолепную столицу – г. Кальху, заселил ее пленными и жил здесь оставшиеся годы своего царствования. Стра-

тегия Ашшур-нацир-апала заключалась в нанесении молниеносных ударов и в создании опорных пунктов на присоединенных территориях. В покоренных царствах он сажал или поддерживал в качестве правителей своих сторонников. Любая попытка мятежа или сопротивления подавлялась беспощадно: население истребляли, а территория подвергалась полному опустошению. В этом случае пленных ассирийцы, как правило, не брали. Лишь изредка небольшое число воинов или ремесленников переселяли в Ассирию. Обычай истреблять всех захваченных «с боем» (не только воинов, но также женщин, детей и стариков) был, по-видимому, распространен в древней Передней Азии повсюду. Так поступали все победители. Сдавшиеся же без боя лишь облагались данью и оставались под властью либо прежних правителей (если ассирийцы им доверяли), либо ставленников Ассирии или же передавались непосредственно под власть ассирийских чиновников. Но такая сдача была сравнительно редкой, поэтому большинство завоеванных ассирийцами территорий за несколько дней обращалось в пустыню: население истребляли от мала до велика, города разрушали до основания, сады вырубали, каналы засыпали. При этом ассирийцы применяли самые устрашающие способы умерщвления людей: сожжение живьем, сажание на колья, сооружение пирамид из связанных пленников, обреченных, таким образом, на медленную смерть. Очевидно, ассирийцы рассчитывали, что внушаемый этими расправами ужас облегчит им дальнейшую экспансию. Что же касается материальных ресурсов побежденных стран, то все они перекачивались в Ассирию, особенно лошади, рогатый скот, металлы, готовые товары, сырье и т. п. Преемники Ашшур-нацир-апала II действовали в том же духе, но все менее успешно. Политическая ситуация стала изменяться не в пользу Ассирии: вновь присоединенные провинции в значительной час-

ти были опустошены. Они не давали более дохода, а лишь требовали новых и новых расходов на их удержание. Менее пострадавшие провинции и области коренной Ассирии тоже сильно обезлюдели из-за военных потерь и эпидемий. Мелкие сирийские государства перед лицом общего врага образовали две довольно мощные коалиции – Северный союз и Южный союз. На месте разрозненных племен Армянского нагорья образовалось сильное государство Урарту. Торговля стала постепенно направляться по новым путям, в обход ассирийских владений и районов возможных военных действий.

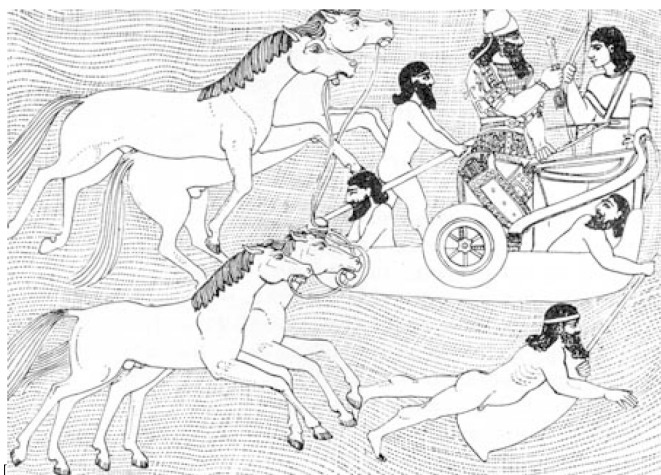
Салманасар III (858—824 гг. до н. э.) смог повторить поход своего отца к Средиземному морю, но теперь ему пришлось иметь дело с двумя сирийскими союзами. Несколько походов в Сирию были неудачными, несмотря на то, что Салманасар собрал огромное войско (до 120 тыс. человек). Лишь в 841 г., воспользовавшись распадом Южносирийского союза, Салманасар добился успеха, хотя взять г. Дамаск, стоявший во главе коалиции, так и не смог. На побережье Финикии Салманасар повелел вытесать на скале свое изображение рядом с изображением Тиглатпаласара I. Однако для поддержания ассирийской власти в Сирии понадобились затем новые походы. Более удачными были походы в Урарту (на Армянском нагорье) и в Киликию (юго-восточная Малая Азия). Вавилонский царь получил от Салманасара поддержку против другого претендента на престол, но за это вынужден был уступить значительные территории и стать фактически вассалом Ассирии. В своих надписях Салманасар подчеркивает уважение, с которым он отнесся к привилегиям священных городов Аккада и их храмам, куда он принес богатые жертвы. Возможно, он уже тогда думал о перспективе нового объединения всей Месопотамии – на сей раз под властью Ассирии.

Наследник Шамши-Адада V, Адад-нерари III (811—781 гг. до н. э.), вступил на престол еще малолетним. Регентшей, как предполагают некоторые ученые, была его мать – царица Шаммурамат, Семирамида позднейших легенд. В правление Шаммурамат и Адад-нерари III предпринимались походы на восток и северо-восток против живших у оз. Урмия маннейцев и мидян. Ассирийское войско доходило до «моря, где восходит солнце», т. е. до Каспия. Территория Ассирии на востоке была расширена до верховьев Малого Заба, Диялы и Керхе. В 805 г., воспользовавшись распрями в Южносирийском союзе, Адад-нерари двинулся в Сирию. Он собрал дань с сирийских царств, но укрепиться здесь не смог. Не смог он также предпринять сколько-нибудь успешных действий против Урарту. Лишь в Вавилонии Адад-нерари добился успеха. Он заключил с ней договор, на основании которого ассирийский царь стал «покровителем» Вавилонии. Богатые дары были посланы в главные вавилонские святилища, ассирийцы стали всячески подчеркивать культурное и религиозное единство двух народов. Действительно, в Ассирии все больше распространялась вавилонская культура. Обогатившаяся военной добычей верхушка ассирийского общества могла теперь уделить больше внимания искусству, литературе, науке. За всем этим приходилось обращаться к Вавилонии – главной хранительнице общемесопотамских культурных традиций.

Конец правления Адад-нерари III ознаменовался новыми мятежами и мощным наступлением Урарту на северо-востоке и северо-западе. Государства верхнего Евфрата и Северной Сирии попали теперь под урартское влияние. Царствовавшие один за другим три сына Адад-нерари III сорок лет вели тяжелые войны с Урарту, шаг на шаг теряя свои позиции.

Тиглатпаласар III (745—727 гг. до н. э.), которого привела к власти очередная гражданская война, установил новые, небывалые доселе в Ассирии порядки.

Жители завоеванных территорий теперь массами насильственно переселяются в коренную Ассирию и в другие провинции. Такие депортации совершаются организованно и по плану. Людей переселяют вместе с их семьями, имуществом и даже «вместе с их богами». Угон людей практиковался и раньше, но лишь изредка и в ограниченных масштабах. Теперь же число невольных переселенцев (до гибели Ассирийской державы) измеряется сотнями тысяч. Угоняемых старались селить как можно дальше от их родины и попеременно с другими племенами. Переселенцы быстро ассимилировались и усваивали арамейский язык в качестве общего, разговорного языка. Скоро арамейский язык распространился на территории Ассирийской державы повсеместно и сильно потеснил аккадский; хотя на аккадском языке продолжали писать официальные документы, но вторым языком канцелярий постепенно стал арамейский.

Переправа через реку

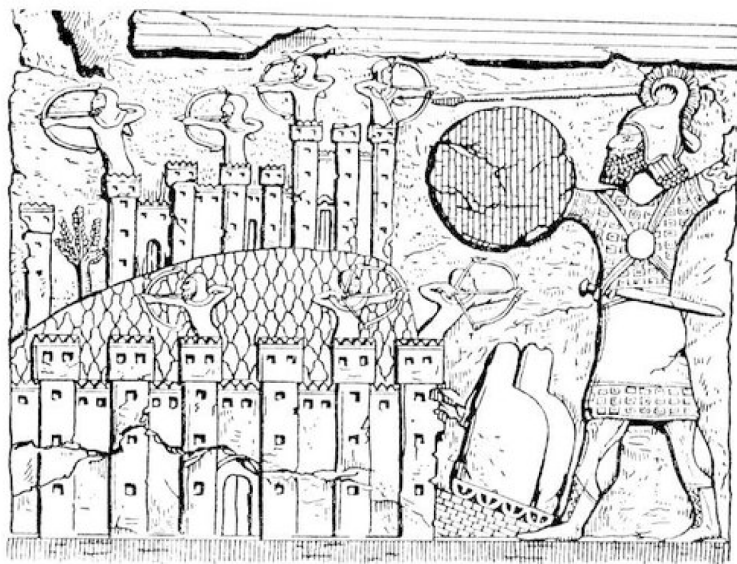
Прежние большие области были разделены на множество мелких, во главе их стояли уже не наместники, а «областена начальники», по большей части из евнухов. Поэтому царь мог не опасаться, что создастся новая династия. Чиновники военной и государственной администрации «по совместительству» могли быть также и областеначальниками.

Была реорганизована и армия. Теперь она состояла не из военных колонистов и ополчения, а из постоянного профессионального войска, находившегося (за счет награбленной ранее добычи) на полном содержании у царя.

Этот шаг помимо повышения боеспособности армии увеличивал также независимость царя от общин, прежде выставлявших ополчение. Армия была единообразно экипирована и превосходно обучена. Ассирийцы первыми начали широко применять стальное оружие. Они же впервые ввели новый род войск – саперов. Кавалерия, все более вытеснявшая традиционные отряды колесниц, позволяла наносить внезапные стремительные удары, застигая противника врасплох и нередко добиваясь успеха малыми силами, а также преследовать разбитого противника вплоть до его полного уничтожения. Отряды саперов прокладывали дороги и наводили переправы, позволяя ассирийскому войску преодолевать местности, считавшиеся непроходимыми. Они же впервые дали возможность вести правильную осаду крепостей с применением осадного вала, насыпей, стенобитных машин и т. п. либо полной блокады, позволяющей взять город измором. Наконец, новая ассирийская армия имела превосходно налаженную службу разведки и связи. Это ведомство считалось столь важным, что во главе его обычно стоял наследник престола.

Тиглатпаласар III был не только выдающимся администратором, но и блестящим полководцем и реалистичным политиком. Первые два года своего царствования

он посвятил обеспечению безопасности южных и восточных границ. В Вавилонии он прошел до самого Персидского залива, гремя халдейские племена и выселяя в Ассирию множество пленных. Но он не причинил никакого ущерба городам и всячески подчеркивал свою роль их защитника и покровителя. На востоке были разгромлены горные племена Загроса и созданы две новые области. Отсюда также было переселено множество людей. Теперь можно было приступить к борьбе с Урарту за Сирию. Поход начался в 743 г. На верхнем Евфрате ассирийцев встретило урартское войско – и было разбито в ожесточенном сражении. Тиглатпаласар двинулся дальше на запад и после длительной осады взял Арпад, в это время центр Северосирийского союза. Поход был повторен в 738 г. Многие страны Сирии, а также юго-востока Малой Азии (Табал) и арабские племена Сирийской полупустыни были вынуждены изъявить покорность и принести дань.

Штурм крепости

В Сирии были созданы новые провинции, а значительная часть населения угнана в плен. Затем был предпринят далёкий поход на восток – в «страну могучих мидян». Ассирийское войско дошло до горы Демавенд и вернулось с огромной добычей и 65 тыс. пленных. В 735 (?) г. ассирийское войско вторглось в пределы Урарту и осадило его столицу Тушпу. Но взять ее с налета не удалось, а вести длительную осаду Тиглатпаласар счел, видимо, излишним. Вместо этого его войско прошло огнем и мечом всю страну, нанеся урартам страшный ущерб. Последующие годы Тиглатпаласар III вновь провел в Сирии и Палестине, где дошел со своим войском до самой Газы на границе Египта. В 732 г. был взят Дамаск, стоявший во главе почти всех антиассирийских движений. Ассирийская гегемония в Сирии была, таким образом, вновь подтверждена и закреплена.

Ассирийская пехота

Тем временем Вавилония из-за ряда внутренних событий оказалась ввергнутой в полную анархию. Настал момент для осуществления того, к чему давно уже стремились

ассирийские цари. Тиглатпаласар явился в Вавилонию как восстановитель порядка и спокойствия. Халдейские племена подверглись жестокому разгрому. 120 тыс. человек были угнаны в плен. Но завоеванную страну не разделили, как обычно, на области. Престиж Вавилонии был столь велик, что Тиглатпаласар предпочел короноваться в качестве вавилонского царя (под именем Пулу), объединив, таким образом, всю Месопотамию личной унией.

Наследнику Тиглатпаласара III Салманасару V (726—722 гг. до н. э.) досталась империя, простиравшаяся от Персидского залива до Средиземного моря.

Новый царь Саргон II (722—705 гг. до н. э.) в своих надписях вопреки обычаю ничего не пишет о своем отце. Из этого следует, что его права на престол были весьма проблематичны. Но по своим способностям он мало в чем уступал Тиглатпаласару III. Между тем перед ним стояли сложные проблемы. В Вавилонии захватил власть халдейский вождь Мардук-апла-иддин II, на севере Урарту оправилось от разгрома и вновь готовилось к активным действиям. В Сирии возникла новая антиассирийская коалиция. Саргон начал с внутренних дел. Он торжественно подтвердил и умножил древние привилегии городов и храмов, чем привлек на свою сторону горожан и жречество (в том числе и в Вавилонии). Но Мардук-апла-иддин заключил союз с Эламом. Поход на Вавилонию, предпринятый в 720 г., оказался неудачным: ассирийцы потерпели поражение. Зато в Сирии они разбили силы коалиции и вернули отпавшие было провинции, пройдя затем всю Палестину до египетской границы. Между тем и на севере обстановка была серьезной. Кроме Урарту, там появился новый страшный враг – отряды киммерийцев, пришедшие из-за Кавказа. Впрочем, они представляли более непосредственную угрозу для самого Урарту. Видимо, Саргон воспользовался тем, что киммерийцы нанесли урар-

там поражение, и немедленно выступил в поход (714 г. до н. э.). Ассирийцы двинулись, однако, не на Урарту, а на восток. Когда же урартский царь Руса попытался зайти в тыл ассирийскому войску, Саргон, зная от своих разведчиков обо всех передвижениях урартской армии, мгновенно повернул на запад, ей навстречу. Для более быстрого продвижения он взял с собой лишь конницу и колесницы. В коротком и чрезвычайно кровопролитном бою урартское войско, застигнутое врасплох, было рассеяно, а сам Руса едва сумел спастись бегством. Затем ассирийское войско, почти не встречая сопротивления, разорило и разграбило часть Урарту и подчиненные ему мелкие царства, особенно Муцацир, где находились одно из главных святилищ урартских племен и урартская казна. В руки ассирийцев попали несметные богатства, и Урарту долго уже не могло оправиться. В последующие годы полководцы Саргона и пограничные областеначальники подавляли мятежи на востоке и на западе, создавая при этом новые провинции. Саргон же готовился к решению главной задачи – новому завоеванию Вавилонии. В 710 г. он двинул свои войска на юг. Города Вавилонии приняли его сторону, и Мардук-апла-иддину пришлось поспешно отступить в Приморье. Саргон «при кликах ликования» вступил в Вавилон и короновался здесь в качестве царя. Своего наследника Синаххериба он женил на знатной вавилонянке. В 707 г. Саргон с огромной добычей вернулся в новую столицу Дур-Шаррукин («Крепость Саргона») к северу от Ниневии, где и прожил свои последние годы.

Синаххериб (705—681 гг. до н. э.) в отличие от своего отца был сторонником военной партии, а со жрецами и горожанами не ладил. В своей политике он опирался исключительно на грубую силу. Он пренебрег совершением коронационных обрядов в Вавилоне, вследствие чего там вновь захватил власть Мардук-апла-иддин, не-

медленно возобновивший союз с Эламом и получивший от него военную помощь. Синаххериб выступил в поход и в сражении у Киша в 702 г. наголову разбил вавилоно-эламские войска. Но Мардук-апла-иддин снова избежал плена. 200 тыс. халдеев были угнаны ассирийцами в другие области державы, а на вавилонский трон был посажен в качестве ассирийской марионетки некий Белибни (Синаххериб упорно пренебрегал вавилонской короной). Попытки сбросить ассирийское иго имели место также в Сирии и на востоке. В Сирии Синаххериб разбил войска филистимского города Аккарона, поддержанные египетскими отрядами, а затем осадил Иерусалим – столицу Иудеи. Большинство других государств Сирии и Палестины поспешили изъявить покорность и уплатить дань. С осадой Иерусалима связана первая, зафиксированная в истории попытка вести пропаганду среди вражеских войск. Библия повествует о том, как ассирийский военачальник обратился к стоявшим на стене иудейским военачальникам на их родном языке. Красочно описав предстоящие осажденным ужасы голода и жажды, он предложил им капитулировать. Иудейские военачальники были не прочь вести переговоры, но, дабы они были непонятны воинам гарнизона, предложили перейти на арамейский язык, игравший в Иудее того времени примерно такую же роль, как французский язык в Европе XIX в. Ассириец, однако, отклонил это предложение, поскольку, напротив, хотел быть понятым всеми. Впрочем, осада не имела успеха (видимо, из-за вспыхнувшей в ассирийской армии эпидемии), и Синаххериб удовольствовался получением с иудейского царя огромной дани и заложников. Ассирийские провинции в Сирии были расширены, а в важнейших городах филистимского и филистимского побережья посажены проассирийски настроенные правители.

Чтобы раз и навсегда покончить с Мардук-аплаиддином, Синаххериб двинул армию в Приморье, подвергнув эту страну жесточайшему разгрому. Но Мардук-аплаиддин погрузил на корабли семью, часть войска, статуи богов и даже кости своих предков, пересек Персидский залив и высадился в Эламе. Правителем Вавилонии вместо недостаточно усердного Белибни Синаххериб сделал своего сына и наследника Ашшур-надин-шуми. Мардук-аплаиддина же он считал настолько опасным, что решился преследовать его даже за морем, снарядив для этого целый флот (с помощью финикийских и, возможно, греческих мастеров – мореходов. Однако Мардук-аплаиддин умер до прибытия ассирийской карательной экспедиции). Но Синаххериб своим высокомерным отношением к городам вообще, а к городам Вавилонии особенно восстановил их против себя, поэтому очередное вторжение эламитов в Северную Вавилонию почти не встретило сопротивления. Ашшур-надин-шуми был уведен пленником в Элам, где вскоре умер или был убит. В Вавилоне же эламиты посадили царем своего ставленника. Синаххериб едва спас свою армию. Последовавший вавилонский поход 693 г. имел лишь частичный успех. Новый поход 691 г. завершился грандиозным сражением при Халулэ, около устья Диялы, с халдеями, вавилонянами, эламитами, и даже персами. Надписи Синаххериба сообщают об одержанной ассирийцами блестящей победе, вавилонская же хроника повествует о поражении ассирийцев. В действительности, видимо, битва закончилась «вничью», но огромные потери вынудили обе стороны временно прекратить военные действия.

В 689 г., воспользовавшись смутами в Эламе, Синаххериб снова двинулся на Вавилон. Этот город был одним из наиболее чтимых (в том числе и самими ассирийцами) культовых центров Месопотамии, а его бог-покровитель

Мардук (Бел) почитался наравне с богом Ашшуром. Но Синаххериб не слишком благоговел перед городами и храмами, даже и ассирийскими. Поэтому он учинил над Вавилоном беспрецедентную расправу: взяв город штурмом, разрушил его до основания, а уцелевших обитателей увел в плен. Синаххериб утверждал, что обломки храмов и городских строений были сброшены в Евфрат, а затем по специально проведенному каналу речные воды устремились на то место, где прежде стоял великий город. Статуи богов увезли в Ассирию. Эта кощунственная жестокость ужаснула всю Переднюю Азию, но вместе с тем вызвала серьезное недовольство даже в самой Ассирии. Синаххериб был вынужден сделать некоторые шаги, направленные к примирению со жрецами. Так, было объявлено, что великие боги сами прогневались на Вавилон за грехи его обитателей и решили его покинуть. Наследником престола Синаххерибу пришлось назначить сторонника жреческой партии, своего младшего сына Асархаддона, сына вавилонянки. Все ассирийцы «от мала до велика» присягнули новому наследнику, но это, естественно, вызвало недовольство его старших братьев. На границах империи тоже начались смуты, некоторые государства вернули себе независимость (Табал в горах на юго-востоке Малой Азии), а Урарту снова отвоевало Муцацир.

Впрочем, Асархаддону (681 – 669 гг. до н. э.) пришлось предпринять поход на Ниневию, чтобы отстоять свои права на престол. Новый царь немедленно принял меры к восстановлению Вавилона, объявив, что Мардук сжалился над своим городом и пожелал вернуться туда. Одновременно с восстановлением Эсагилы, главного храма Вавилона (при этом был построен знаменитый зиккурат, вошедший в позднейшие легенды под именем «Вавилонской башни»), начались работы по обновлению одного из главных храмов г. Ашшурра. Привилегии ассирийских и вавилонских городов были

вновь подтверждены и расширены, а подати в пользу храмов увеличены.

Для возвращения гражданам Вавилона ранее принадлежавших им земель были начаты военные действия против халдейских племен и царя Приморья. Походы оказались нелегкими, но закончились успешно. Удалось также отразить угрозу нового вторжения киммерийцев. Наконец, были подавлены антиассирийские выступления в Финикии и Мелитене (на верхнем Евфрате). Ассирийцы взяли и до основания разрушили Сидон, а цари Сидона и Мелитены в цепях были приведены в Ниневию, где и казнены. На месте разрушенного Сидона ассирийцы построили свою колонию – опорный пункт для подготовки вторжения в Египет. Тем временем велись трудные войны на востоке у оз. Урмия и Мидии, в глубине Иранского нагорья. Формально здесь имелось около десятка ассирийских провинций, но фактически в большинстве из них власть ассирийцев не выходила за пределы крепостных стен, за которыми сидели их гарнизоны. Реальная власть принадлежала вождям мидийских племен, пока еще разрозненных и враждовавших между собой, но уже склонявшихся к объединению. Неожиданные, хотя и не слишком серьезные вылазки предпринимали Элам и Урарту.

Все эти события очень беспокоили Асархаддона. Но все-таки Ассирия была очень сильна. Хотя первый поход в Египет в 674 г. окончился неудачей, Асархаддон предпринял в 671 г. новый поход, разгромил армию фараона Тахарки и захватил Мемфис. Он принял титул «Царь царей Египта, Верхнего Египта и Эфиопии», т. е. проявил намерение продолжать захват долины Нила. Но как только Асархаддон вернулся в Ассирию, в Египте начались волнения. Ассирийские гарнизоны оказались в осаде. В 669 г. Асархаддон снова повел войска на Египет, но дорогою умер.

Еще до своего вступления на престол Ашшурбанапал, согласно обычаю, руководил ведомством разведки и строительными работами и приобрел значительный административный опыт. Он был также ловким дипломатом, не брезгуя для достижения политических целей любыми интригами и даже убийствами.

Так, после нескольких лет войны, шедшей с переменным успехом, ему удалось усмирить Египет, вернувший было себе независимость. С главным врагом – Эламом – Ашшурбанапал попытался установить мирные отношения (возможно, лишь с целью выиграть время). Элам пренебрег этими попытками и поддержал антиассирийское восстание в Южной Месопотамии. Ассирийский поход на юг в 663 г. оказался не особенно удачным, но в том же году эламский царь и предводители восставших «внезапно» умерли. (Последние эламские цари вообще были удивительно недолговечны. Некоторые исследователи объясняют это «вырождением династии», но, возможно, что причину следует искать в Ассирии).

В Эламе начались династические распри, и Ашшурбанапал не преминул предоставить убежище некоторым претендентам на эламский престол, справедливо полагая, что они пригодятся в будущем.

Но в 665 г. Ассирию постиг тяжелый удар: Египет вернул себе независимость. Ашшурбанапал не решился послать против него войска из-за угрозы со стороны Элама. В 653 г. эламский царь Те-Умман вторгся в южную Месопотамию, был разбит, снова собрал войско и снова потерпел поражение, в результате чего был казнен вместе с сыном на глазах сдавшейся эламской армии. Элам был отдан под власть цариц, нашедших в свое время убежище в Ассирии.

Тем временем на нее надвинулась еще более грозная опасность – мятеж Шамаш-шум-укина, брата Ашшурба-

напала и номинального царя Вавилона. Ему удалось привлечь на свою сторону Египет, сирийских и палестинских царей, шейхов арабских племен, мидян, Элам и Приморье. Всех их объединяла ненависть к Ассирии и надежда сбросить её тяжелое ярмо. Впрочем, многие племена и города Южной Месопотамии сочли более выгодным сохранить верность Ассирии.

Ашшурбанипал

Военные действия начались в 652 г. до н. э. Ашшурбанапал по обыкновению действовал силой и хитростью. Вавилон очутился в блокаде. Эламское войско, шедшее на помощь, было разбито по дороге; в тылу у него вспыхнули инспирированные ассирийцами мятежи и династические распри. Элам, таким образом, был нейтрализован, а Приморье подверглось жестокому разгрому. Все прочие участники коалиции, кроме арабов, не смогли оказать Вавилону существенной помощи. Вавилон после трехлетней осады и ужа-

сающего голода пал в 648 г. до н. э. Шамаш-шум-укин велел поджечь свой дворец и бросился в пламя. «Царем» Вавилона был назначен некий Кандалану – ассирийская марионетка. Затем настал черед Элама. В 647 и 646 гг. до н. э. Элам подвергся нашествиям ассирийских войск. Последним походом Ашшурбанапал руководил лично и победителем вступил в Сузы. Город был разрушен до основания. Ашшурбанапал вывез в Ниневию неисчислимые сокровища, статуи богов и даже кости эламских царей, а также огромное число пленных. Элам после этого разгрома утратил свое прежнее значение «великой державы».

Сцена охоты на львов

Таким образом, спокойствие в империи было восстановлено, став во многих её частях спокойствием кладбища. Но годы Ассирии были уже сочтены. Вокруг Ассирии сгущались тучи. В 626 г. халдей Набопаласар захватил царскую власть в Вавилонии. Еще раньше к востоку от Ассирии разрозненные племена мидян объединились в Мидийское царство. Опасность с этой стороны была особенно велика: Мидия могла нанести удар в самое сердце Ассирии. Уже в 615 г. мидийцы появились у стен Ниневии. Их удалось прогнать, однако в том же году Набопаласар осадил Ашшур. Его тоже удалось отбросить, но в 614 г. в Асси-

рию вновь вторглись мидяне и тоже подступили к Ашшур-ру. Набопаласар немедленно двинул свои войска на соединение с ними. Ашшур пал до прихода вавилонян, и у его развалин цари Мидии и Вавилона заключили союз, скрепленный династическим браком. В 612 г. союзные войска осадили Ниневию и взяли её всего через три месяца. Город был разрушен и разграблен, мидяне со своей долей добычи ушли восвояси, а вавилоняне двинулись к Харрану, куда прорвалась часть ассирийского войска во главе с неким Ашшур-убаллитом. В Харране Ашшур-убаллит II был провозглашен «царем Ассирии» и получил помощь от Египта. Вавилоняне, со своей стороны, вновь призвали на помощь мидян. В 610 г. войско Ашшур-убаллита, усиленное египетскими подкреплениями, было разбито и отброшено на западный берег Евфрата. Харрап пал, а когда в следующем году Ашшур-убаллит, получив из Египта новые подкрепления, попытался отвоевать город, он был вновь отбит вавилонским гарнизоном. В 605 г. под Каркемишем потерпели поражение главная египетская армия и остатки отрядов Ашшур-убаллита. Так закончила свое существование первая в истории человечества «мировая» держава.

Её владения унаследовало Нововавилонское царство.

2. Нововавилонское царство

При последнем царе касситской династии, Эллиль-надин-ахи (1159—1157 гг. до н. э.) Вавилония вела в течение трех лет войну с Эламом. Эламитяне в результате завоевали Вавилонию. Так кончилось правление касситской династии, и наместником Вавилонии стал эламский ставленник. Но вскоре при Навуходоносоре I (II династия Иссина, 1124—1108 гг. до н. э.) наступил кратковременный расцвет Вавилонии. Эламу был нанесен такой удар, что эта страна в течение трех веков (до 821 г. до н. э.) не упоминается в текстах.

В последующей истории Вавилонии большую роль играли племена халдеев, которые поселились вдоль нижнего течения Тигра и Евфрата, между берегами Персидского залива и южными городами Двуречья. Халдеи вели полукочевой образ жизни, занимались скотоводством и земледелием. В IX в. до н. э. они захватили южную часть Вавилонии и начали продвигаться на север. При этом халдеи воспринимали вавилонскую культуру и поклонялись верховному богу вавилонян Мардуку. В 729 г. до н. э. ассирийский царь Тиглатпаласар III захватил Вавилон, но, когда в 721 г. до н. э. царем Ассирии стал Саргон II, он оказался не в состоянии сохранить власть над Вавилонией. Вождь халдейского племени Мардук-апла-иддин II взял Вавилон и объявил себя царем всей страны. Он был одним из самых выдающихся халдейских вождей, упорно боровшихся против ассирийцев. Но, опираясь на халдейские племена, он раздавал им вавилонские городские земли, поэтому горожане поддерживали его борьбу только против тех ассирийских царей, кото-

рые были еще более враждебны городам, особенно против Синаххериба. В конце 689 г. Вавилон был полностью разрушен Синаххерибом, немногие уцелевшие от резни жители уведены в плен и проданы в рабство, храмы и частные дома разграблены. Но девять лет спустя новый царь Ассирии, Асархаддон, велел восстановить город и вернуть его уцелевших жителей обратно. В 652 г. жители Вавилона снова подняли мятеж против Ассирии, на этот раз под руководством Шамаш-шум-укина. Три года ассирийское войско осаждало Вавилон, где начались эпидемии и людоедство. Последние защитники города сгорели в огне. Добровольно в огонь бросился и сам Шамаш-шум-укин.

Но в 626 г. Вавилония снова была охвачена восстанием. Во главе мятежников стоял халдейский вождь Набопаласар. Вначале он воздерживался от попыток захватить большие города и смог укрепить свою власть лишь на севере Вавилонии, а центр и юг страны сохраняли верность ассирийцам. Набопаласару долго не удавалось взять крупные вавилонские города Урук и Ниппур, где были сильные проассирийские настроения. В Ниппуре во время многомесячной осады армией Набопаласара жители продавали в рабство своих детей, чтобы спасти их от голодной смерти. В 616 г. ассирийцам пришлось оставить Урук, а через год пал и Ниппур, который более десяти лет ценой больших лишений и страданий сохранял верность ассирийскому царю. Теперь почти вся территория Вавилонии была в руках Набопаласара.

Вскоре на Ассирию обрушился новый сокрушительный удар. В 614 г. до н. э. мидяне во главе со своим царем Киаксаром вторглись в ассирийскую провинцию Аррапха, затем двинулись по направлению к Ниневии и окружили этот город. Ниневию взять не удалось, но мидяне осадил и захватили Ашшур и истребили его жителей. Затем вавилоняне и мидяне заключили военный союз против Асси-

рии. В течение нескольких лет Ассирийская держава была уничтожена.

Таким образом, на всем Ближнем Востоке осталось только четыре могущественных государства: Мидия, Вавилония, Египет и Лидия (в Малой Азии). В результате разгрома Ассирии мидяне завладели её коренной территорией и областью Харран в Верхней Месопотамии. Однако Мидия представляла собой не цельное государственное образование, а конгломерат царств, подчиненных мидийской династией: сюда входили Нереида – Аншан, Маннейское царство, Скифское царство (в Азербайджане), Мелитена, или «Дом Тогармы» (видимо, с армянской династией). Буферное положение между Лидией и Мидией занимало царство Киликия.

Вавилоняне же прибрали к рукам остальную Месопотамию и готовились установить свой контроль над всеми областями к западу от Евфрата. Но фараон Египта Нехо считал, что территория Сирии и Палестины должна принадлежать ему.

Весной 607 г. до н. э. Набопаласар передал командование вавилонской армией своему сыну Навуходоносору, взяв на себя управление внутренними делами государства. Перед Навуходоносором стояла задача победить Сирию и Палестину. Но сначала необходимо было овладеть г. Каркемиш на Евфрате, где находился сильный египетский гарнизон, часть которого составляли греческие наемники. Весной 605 г. до н. э. вавилонское войско перешло Евфрат и одновременно с юга и севера напало на Каркемиш. За городскими стенами началась жестокая битва, и скоро город превратился в пылающие руины; египетский гарнизон был уничтожен до последнего человека. После этого большая часть Сирии и Палестины, т. е. почти все области между Евфратом и Египтом, почти без сопротивления подчинились вавилонянам.

Будучи в Сирии, Навуходоносор в августе 605 г. получил известие о смерти своего отца в Вавилоне и, срочно возвратившись, через месяц стал царем. В 601 г. войско Навуходоносора снова двинулось к египетским границам. В последовавшей битве обе стороны понесли тяжелые потери. В начале 598 г. Навуходоносор совершил поход в Северную Аравию, где он стремился взять в свои руки контроль над караванными путями. К этому времени царь палестинского царства Иудеи Иоаким, побуждаемый уговорами египетского фараона Нехо, отпал от Вавилонии. Навуходоносор осадил столицу Иудеи Иерусалим и 16 марта 597 г. взял его. Более 3000 иудеев было уведено в плен в Вавилонию, а царем Навуходоносор назначил Седекию.

Вскоре новый египетский фараон Априй решил попытаться установить свою власть в Финикии и захватил города Газу, Тир и Сидон, а также уговорил иудейского царя Седекию поднять восстание против вавилонян. Навуходоносор решительными действиями оттеснил египетское войско к прежней

границе и в 587 г. после долгой осады взял Иерусалим. Тысячи жителей Иерусалима были уведены в плен в Вавилонию.

При Навуходоносоре Вавилония превратилась в процветающую страну. Это было временем подлинного возрождения, экономического расцвета и культурного развития. Вавилон стал центром международной торговли.

Однако после смерти Навуходоносора II в 562 г. царем стал Набонид, сын одного из вождей арамейских племен, наводнивших Северную и Западную Месопотамию еще VIII в. до н. э. Став царем, Набонид стремился создать прочную державу, объединив все арамейские племена Передней Азии перед лицом опасности, надвигавшейся со стороны Ирана.

В течение многих лет Набонид был занят активной политикой на западе своей державы, где он стремился объединить вокруг себя многочисленные арамейские племена. В 553 г. Набонид, воспользовавшись войной между Персией и Мидией, захватил Харран, принадлежавший мидянам, и велел восстановить разрушенный во время войны с ассирийцами в 609 г. храм бога Сина Ухульхуль, который вскоре после этого был торжественно освящен. Укрепив свое положение в Сирии, Набонид захватил область Тейма в северной части Центральной Аравии.

К середине VI в. до н. э. Персидский залив у берегов Месопотамии был занесен песком, и морская торговля через гавань г. Ура стала невозможной, а перевозка товаров по суше была опасна, стоила дорого и требовала много времени. Поэтому торговый путь по пустыне через оазис Тейма в Египет и Южную Аравию имел большое значение для Вавилонии. К 546 г. прекратилось и долгое соперничество между Египтом и Вавилонией, так как обе страны должны были теперь готовиться к отражению нападения персов.

Однако все усилия Набонида, направленные к отражению персидской опасности, оказались обреченными на неудачу. Вавилонское царство от Средиземного моря до Пер-

сидского залива было блокировано персами, которые уже захватили Мидию, Лидию и многие другие страны вплоть до границ с Индией и теперь имели огромную и хорошо вооруженную армию.

Персы захватили торговые пути Вавилонии. Были недовольны Набонидом вавилонские торговые и ростовщические круги. Они были заинтересованы в создании огромной державы, которая обеспечивала бы им рынки и безопасные пути в Египет, Малую Азию и другие страны Востока.

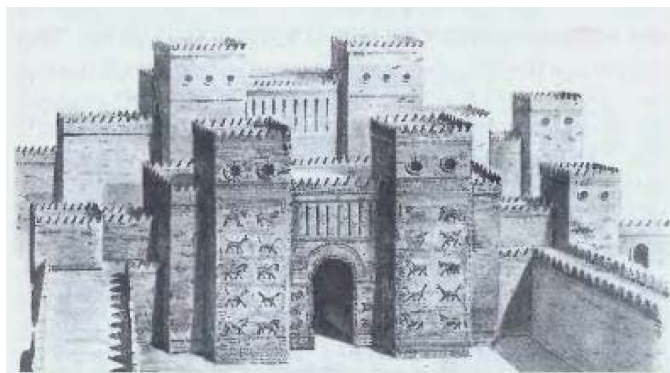
В различных местах Вавилонии жили тысячи представителей разных народов, насильственно уведённых из своих стран ассирийскими, а затем вавилонскими царями. Эти люди не оставляли надежды вернуться в родные места и поэтому готовы были помочь любому врагу Набонида и ждали персов как своих спасителей.

Наконец, вавилонская армия была истощена многолетними войнами в Аравийской пустыне, и трудно было ожидать, что она окажется способной отразить натиск численно превосходящих сил противника, который к тому же был вооружен лучше, чем воины Набонида. Таким образом, в Вавилонии, оставшейся без помощи союзников, не было достаточно сил, которые могли бы оказать эффективное сопротивление победоносной персидской армии. По библейской легенде, во время пира Валтасара ему явилась таинственная рука, начертавшая на стене загадочные слова: мене, текел, фарес—«исчислен, взвешен, разделен», предвещавшие гибель Вавилону.

Весной 539 г. до н. э. персидская армия двинулась в поход и начала наступать вниз по долине р. Диялы. В этот критический момент Угбару, наместник области Гутнум (вавилонской провинции к востоку от среднего течения Тигра), изменил Набониду и перешел на сторону Кира. Мощные оборонительные сооружения, возведенные Навуходоносором II, могли бы отсрочить на продолжительное время падение.

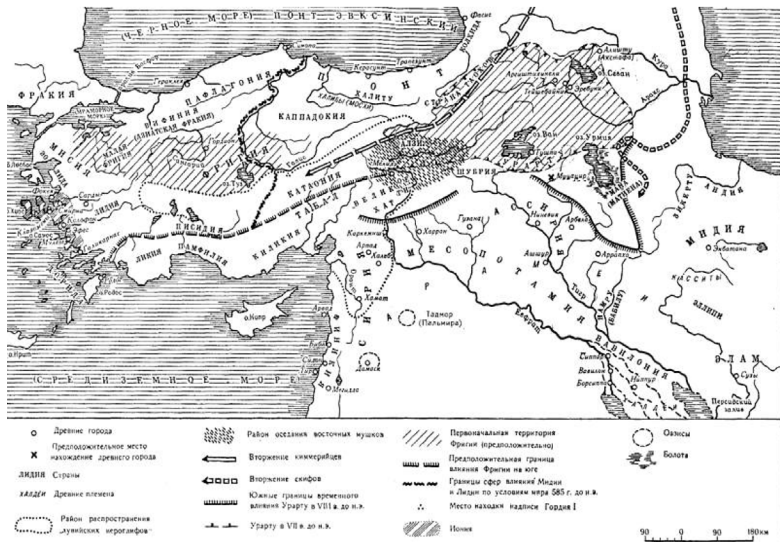
Эти укрепления охватывали такие крупные города, как Сиппар, Куту, Вавилон и Борсиппа. Особенно хорошо был укреплен Вавилон, обнесенный двойной кирпичной стеной со рвом и валом перед нею. Но эти укрепления мало помогли Набониду, лишенному прочной поддержки своего народа. В августе 539 г. у г. Описа близ Тигра персы разгромили вавилонское войско, которым командовал сын Набонида Валтасар. Затем персы обошли укрепления, возведенные Навуходоносором II, переправились через Тигр к югу от Описа и окружили Сиппар. Оборону Сиппара возглавил сам Набонид. Персы встретили лишь ничтожное сопротивление со стороны сиппарского гарнизона, а Набонид бежал из города. 10 октября 529 г. Сиппар оказался в руках персов, а через два дня войско персов без боя вступило в Вавилон. Чтобы организовать оборону столицы, туда явился Набонид, но город был уже во вражеских руках, и последний вавилонский царь был взят в плен. 29 октября 539 г. в Вавилон вступил и сам Кир, которому была устроена торжественная встреча. Теперь Вавилония навсегда утратила свою независимость и перестала существовать как самостоятельное государство.

Это событие увенчало конец Месопотамской, арамейской, цивилизации.

Ворота Иштар

§ 3. Урарту, Фригия, Лидия

После падения Хатгусы, столицы Хеттской державы, которая была, вероятно, разрушена балканскими по происхождению племенами мушки (так по-аккадски) или муска (так по-лувийски). Но сама держава не погибла и сохранила название «Великое Хатти», лишь центр её был перенесен в Мелид на Верхнем Евфрате. Её сирийские владения (центр – Каркемиш) образовали другое царство—«Хатти». По ассирийским анналам мы знаем, что мушки дошли в XII в. с запада до верхнеевфратской долины, пересекли её и здесь (не позже IX в. до н. э.) перешли к оседлости.

Эти «восточные» мушки предположительно отождествляются с первыми носителями протоармянского индоевропейского языка. Сходящиеся здесь к Евфрату долины, которые во II тысячелетии до н. э. были ещё населены лувийцами и хурритами, позже, по местным преданиям, считались очагом формирования армянского народа.

Вероятно, что территория расселения восточных мушков в X—IX вв. до н. э. была шире, простираясь от гор севернее истоков р. Тигр до гор Тавра западнее верхнеевфратской долины. Следует заметить, что термин *мушки* применялся не только к племенам, появившимся на верхнем Евфрате в XII в. до н. э.; тот же самый термин («западные» мушки) впоследствии применялся ассирийцами, урартами и древними евреями также к фригийцам – народу, тоже пришедшему с Балкан, но осевшему не в долине верхнего Евфрата, а в центре малоазийского плато. По сохранившимся надписям видно, что фригийский язык занимал в индоевропейской языковой семье промежуточное место между древнегреческим и протоармянским и, по-видимому, был близок к языку балканских фракийцев (может быть, и пеласгов), а также к балто-славянскому праязыку. В течение XI – IX вв. до н. э. Малая Азия очень медленно оправлялась после чудовищного потрясения, испытанного ею при разгроме Хеттской державы.

Эта медленность объясняется тем, что по опустошенной территории ещё долго двигались разные племена. С конца XIII по середину XII в. до н. э. через полуостров с запада на восток двигались «народы моря» и «восточные» мушки; в тот же период совершали встречное передвижение, видимо, абхазские и, возможно, уже и западные протогрузинские племена. Когда же эти движения привели Хеттское царство к распаду, в образовавшийся вакуум устремились фригийцы, а затем и некоторые фракийские племена. Однако каждая новая волна продвигалась не столь далеко на восток, как предшествующая, и протоармяне осели в верхнеевфратской долине, фригийцы – в центре полуострова, а фракийцы (мисы и вифины)—на северо-западе (в X—VIII вв. до н. э.). Наконец, в VIII в. до н. э. на Малую Азию с запада через Босфор вторглись фра-

кийские же конники-треры, но они, видимо, здесь вообще не осели.

С востока передвижение западного протогрузинского населения в Южное Причерноморье продолжалось, видимо, до середины VIII в. до н. э., а в конце VIII в. до н. э. через западные перевалы Большого Кавказа хлынули конники-киммерийцы.

Кроме того, в эти же века шло интенсивное заселение западного побережья Малой Азии мореходами-греками. В результате Малая Азия I тысячелетия до н. э. оказалась разделенной на ряд этнических областей.

Всё западное (эгейское) побережье и отдельные участки северного (черноморского) и южного (средиземноморского) побережий, а также о-в Кипр занимали греческие города-государства.

Северо-западный угол полуострова занимали пришедшие с Балкан и слившиеся с местным населением фракийские племена.

Центр полуострова – фригийцы, ещё раньше пришедшие с Балкан и также, вероятно, отчасти смешавшиеся с хеттами.

На северо-востоке полуострова, в области Понт, жили абхазские и западные протогрузинские племена, в том числе халибы.

Запад (кроме побережья), юго-запад и юго-восток полуострова населяли народности, являвшиеся потомками хетто-лувийцев II тысячелетия до н. э.; важнейшей была самая западная из них – лидяне.

Наконец, на Армянском нагорье жили хурриты (по окраинам) и урарты (в центре).

Очень важным оказалось то обстоятельство, что падение Хеттской державы положило конец хеттской монополии на добычу железа; его начинают широко вывозить с по-

луострова в различные страны Передней Азии и Эгейского моря. Впервые освоив технологию железа, многие народы смогли затем постепенно найти и использовать ранее лежавшие втуне собственные железные месторождения (в том числе на Армянском нагорье), и новый металл из редкости, из материала для ценных поделок стал превращаться в массовое сырье для ремесленной промышленности (в Малой Азии, видимо, с XIII в., в других местах Передней Азии – с XI в. до н. э.). Оказалось, что найти железную руду и применить ее для производства металла гораздо легче, чем найти годную для производства медь, и что новый металл, не требующий очень редко встречающегося в природе дорогого приплова – олова, несравненно доступнее и дешевле бронзы.

Именно на торговле железом в это время расцвели главные наследники Хеттской державы – царство Мелитена в долине верхнего Евфрата с центром в г. Мелид (ныне Малатья), принявшее древнее название «Хатти», и царство Каркемиш с династией, ведшей свою генеалогию от хеттских царей, точно так же претендовавшее на обозначение «Хатти»⁹, а позже и другие мелкие государства на пути из Малой Азии в Сирию и Финикию и из Малой Азии в Верхнюю и Нижнюю Месопотамию.

Выступая из Финикии, Сирии или Месопотамии в верхнеевфратскую долину, этот торговый путь, проходя через царства Каркемиш и Мелитену и союзные ему мелкие царства, разветвлялся: одна ветвь вела через перевалы гор на северо-запад – к серебряным копьям Понтийского Тавра и к железным рудникам, ревниво охраняемым полусказочными халибами; на северном ответвлении этого же пути,

⁹ В это же время у ассирийцев и у урартов обозначение «хетты» (Хатти, Хате), на которое претендовали эти и другие государства, стало в конце концов применяться ко всем народам к западу от Евфрата, включая евреев, финикийцев, арамеюв, лувийцев и, видимо, также протоармян.

в Южном Причерноморье, в конце VII в. до н. э. возникли греческие торговые колонии – города Синопа и Трапезунт, вокруг которых несколько позже образовалась федерация Понт, возглавлявшаяся Синопой и включавшая греческие колонии-порты Керасунт, Котиору, Трапезунт и, возможно, Фасис (в Колхиде, близ нынешнего Поти); другая ветвь вела прямо на север – в долину р. Чорохи и далее в Колхиду (ныне Западная Грузия); третья – на северо-восток, в долину р. Аракс. По этим дорогам шли грузы железа, серебра, свинца, меди и бронзы, слюды, охры, полудрагоценных камней, а также золота, вероятно, колхидского.

Надо полагать, что от этих городов еще до VIII в. пролегал торговый путь не только в Лидию, но и далее на восток – к рудным месторождениям северо-восточной Малой Азии. Из всех государств Малой Азии XI – IX вв. до н. э. мы осведомлены только о тех, которые лежали в горах Тавра и вдоль чорохско-верхнеевфратского пути.

Между хурритами запада (таохами) и востока (матиенами у оз. Урмия) были расположены места обитания близкородственных им по языку племен урартов. Подобно своим соседям – горным хурритам, и урарты с конца II тысячелетия до н. э. образовывали города-государства (или номовые государства).

1. Урарту и Ассирия

Во время похода 856 г. до н. э. ассирийцы прошли через левобережье верхнеевфратской долины – сквозь Страну мушков (Алзи) и другие области—и вторглись в Страну таохов. Разбив царя таохов, Салманасар повернул и ударил по Урарту с тыла – с северо-запада. Битва привела к поражению урартов и большим их потерям; ассирийцы заняли крепость и столицу одного из урартских округов; последовали

обычное разорение местности и зверская расправа над населением. Пленных не брали (кроме колесничих и всадников), но угоняли лошадей и мулов и вывозили добычу. Обходя оз. Ван с севера, Салманасар не спеша велел соорудить в горах «огромное изображение своего величества» с надписью; затем, оmyв оружие в «море Наири» (оз. Ван), ассирийцы с боем прошли далее и через владения различных мелких царьков вышли в Ассирию. Четверть века после этого ассирийцы не тревожили горцев.

Сардури I именуется не только «царем Биайнели (т. е. Вана, Урарту), правителем города Тушпы», но и «царем великим, царем сильным, царем воинств, царем Наири». Эта титулатура повторяла ассирийскую с заменой слова «Ассирия» на «Наири», что означало вызов Ассирии и претензию на соперничество с ней. Претензия оказалась небезосновательной. Ассирийцы были в это время связаны тяжелой борьбой за «железный путь», которую им приходилось вести с Северосирийским союзом, возглавлявшимся тогда Мелитеной, и с Южносирийским союзом во главе с Дамаском. Лишь в 832 г. до н. э. стареющий Салманасар послал против Сардури своего полководца; однако Сардури удалось не допустить ассирийцев в глубь государства ни в этот раз, ни позже. Политику Сардури I продолжал его сын, но он рано отошел от активной деятельности, и фактическим правителем страны был Минуа, внук Сардури. Была укреплена урартская власть над Муцациром, которому вначале угрожала Ассирия (причем правителем, по-видимому, поставили брата Минуа), а также занята вся территория вплоть до западного и южного берегов Урмии; урарты вышли во фланг Ассирии. Северная граница Урарту проходила, видимо, между оз. Ван и р. Аракс; здесь урарты вели упорную борьбу с вторгавшимися с севера, из-за Аракса, племенами, может быть, протогрузинскими.

Царь Урарту

Незадолго до 800 г. начинается единоличное правление Минуа. Вскоре после этой даты ассирийцы потеряли свои верхнеевфратские провинции, и все левобережье верхнего Евфрата, включая Алзи (Страну мушков), вошло в состав Урарту; Минуа удалось вторгнуться на территорию царства «Хатти» (Мелитены) на правобережье Евфрата и, более того, перевалив через горы, совершить набег на ассирийскую Верхнюю Месопотамию. На севере Минуа проник в Страну тахов, а также возвел новый административный центр на правом берегу Аракса, у подножия горы Арарат; отсюда урарты начали рейды на Закавказье.

Целью как урартских войн, так и «мирной» администрации завоеванных областей был, прежде всего, захват материальных ценностей, при этом нарушению торговых путей придавалось мало значения; ценности скапливались на царских и храмовых складах ради престижа, обмена подарками с другими дворами и содержания придворного штата, чиновничества и армии; в значительно меньшей мере они поступали в оборот: товарное хозяйство в горных областях Передней Азии было развито низко.

Аргишти повторил поход Минуа на Страну таохов, частично обратив ее в урартское наместничество, а частично обложив данью—золотом, медью, конями и рогатым скотом. Окончательно царство таохов было сокрушено Аргишти лет на 15— 20 позже, причем значительная часть долины р. Чорохи, видимо, тогда же перешла в руки Колхиды. Во время первого своего похода, пройдя вдоль юго-западной периферии области колхов, Аргишти вышел к верховьям р. Куры и вернулся через долину Аракса. На западе своего царства Аргишти снаряжал военные экспедиции в верхне-евфратскую долину, на правобережье, в царство Мелитену (оно же «Хатти»). Отсюда урартскому царю удалось установить свою гегемонию над верхнеевфратским участком позднейшего Еревана. Крепость Эребуни, заселенная 6600 воинами, взятыми в плен в Мелитене и на верхнем Евфрате, по всей вероятности протоармянами по этнической принадлежности, а также и другими племенами. Позже им были завоеваны районы верховьев Куры, верховьев Аракса, Севанского озера и севернее.

Упорные набеги урартов к югу от оз. Урмия привели к сплочению народа маннеев, так что как только могущество урартов в следующее правление пошатнулось, на месте множества городов-государств урмийского района возникло большое царство под названием Страны маннеев (она же Мана).

В середине VIII в.— около 760 г. до н. э.— на урартский престол взошел Сардури II, сын Аргишти. В это время благоприятная для урартов обстановка продолжала сохраняться. Однако Сардури II пришлось неоднократно воевать в Стране маннеев и дальше к югу, вплоть до границ Вавилонии, встречая все более ожесточенное сопротивление. К концу правления Сардури Страна маннеев и другие области этой окраины добились независимости.

Целый ряд походов урартского царя был направлен в Закавказье. Число пригоняемых пленных все увеличивается: так, за один лишь год Сардури II привел из трех походов 12 735 мальчиков и 46 600 женщин.

Наиболее важным направлением походов Урарту было юго-западное. Сардури дважды совершал поход вниз по Евфрату, где открывался путь в Сирию. Он вступил в сношения с Северосирийским союзом. При помощи союзов влияние Урарту распространилось до самого Дамаска, и сирийцы выступали вместе с Сардури против угрожавшей им всем Ассирии.

Начиная с 781 г. до н. э., периодически происходили стычки между Урарту и Ассирией, и окраинные области то там, то здесь переходили за это время от ассирийцев к урартам. В середине века решительная стычка между двумя державами стала неизбежной.

В битве, которая произошла в 743 г., ассирийцы нанесли Сардури и его союзникам поражение. Сардури отступил на восток от верхнего Евфрата, бросив победителям свой лагерь. Тиглатпаласар вернул Ассирии часть областей к северу от верховьев Тигра. По-видимому, в 735 г. ему удалось вторгнуться в глубь Урарту и даже осадить Тушпу, хотя взять ее цитадель он не смог.

Положение следующего царя Русы I было очень тяжелым. Ему, однако, удалось справиться с восстанием намест-

ников и вновь подчинить своей власти маленькое, но политически важное царство Муцацир.

Руся I вышел и в области к востоку от оз. Севан. По-видимому, он дошёл, по крайней мере, до современного Нагорного Карабаха, оттуда он перешел Аракс и закрепился там. Но едва Русе удалось вновь собрать воедино Урартское государство, как он столкнулся с серьезной внешней опасностью – вторжением из степей Северного Причерноморья в Закавказье конных отрядов киммерийцев (вероятно, через перевалы Мамисон и Клухор). Они первоначально обосновались, по-видимому, в Западной Грузии и оттуда совершали набеги на Урартское царство.

Руся I справился с киммерийцами, направив их поток преимущественно в Малую Азию. Но по мере нового роста сил Урарту назрела неизбежность нового столкновения с Ассирией, где тем временем воцарился еще один энергичный царь – Саргон II. Готовясь к борьбе с ним, Руся завязывает отношения с Фригией и с мелкими буферными царствами, расположенными в горах Малоазийского Тавра и на правом берегу верхнего Евфрата.

2. Урарту и Фригия

Когда именно в центре Малой Азии возникло Фригийское царство, до сих пор не установлено; расцвет его, связанный с именем знаменитого царя Мидаса, относится ко второй половине VIII в. до н. э. Этому же времени принадлежат раскопанные здания и курганные погребения фригийской столицы Гордион в долине р. Сангария (Сакарья). По преданию, Гордион был назван по имени Гордия, основателя если не Фригийского царства вообще, то во всяком случае Фригийской великой державы VIII в. до н. э.¹⁰

¹⁰ По преданию, Гордий (вышедший из крестьян) поместил в столичном храме телегу, ярмо которой было закреплено хитрым узлом; говорили, будто бы развязавший этот узел будет владеть Азией. Но Александр Македонский, побывавший в Гордионе в IV в. до н. э., его попросту разрубил.

Расцвет Фригии при Гордии и при Мидасе, сыне Гордия, был быстрым и блестящим; причины этого нам не совсем ясны, однако характерна легенда, утверждавшая, будто Мидас мог превращать все в золото одним своим прикосновением. Мидас I, несомненно, помимо Фригии, господствовал и над Лидией (долиной р. Гедиз), и над её богатыми золотыми месторождениями на речке Пактол, открытыми в послехеттское время (может быть, как раз при фригийском владычестве?). На востоке влияние ещё Гордия I, а затем и Мидаса I доходило до гор Тавра, а на западе – до греческих (эолийских и ионийских) городов; дочь царя одного из них была, по преданию, женой Мидаса. Именно он был первым из негреческих царей, кто принес дар в общегреческое святилище в Дельфах золотой трон.

Фригийцы

Начиная с VIII в. до н. э., в Греции часто встречаются изделия фригийские и, по-видимому, прибывшие через Фригию урартские.

Таково было государство, возникшее в VIII в. до н. э. как новый важный фактор в мировой политике, государство, на которое решил ориентироваться Руса I в предстоящей борьбе Урарту с Ассирией. Ассирийский царь Саргон II был в это время занят окончательным покорением Сирии и осаждал важнейший торговый город на Евфрате – Каркемиш, который после утери своего значения Мелитеной и Арпадом стал политическим центром Северо-сирийского союза. По-видимому, последний царь Каркемиша успел послать гонцов к Мидасу в 718—717 гг. и призвать его на помощь. Мидас откликнулся и, как можно думать, тогда же заключил свои союзы и со всеми государствами Тавра. Заключение союзов было подкреплено делом: фригийские войска перевалили Тавр, и их передовые отряды вышли к Средиземному морю. Здесь, однако, они были отражены ассирийцами, и Мидас далее не двинулся, а Каркемиш был взят Саргоном.

Саргон предпринял ряд походов в область Тавра с целью одновременно и обеспечить свой фланг, и овладеть «железным путем». Сначала он старался создать себе союзников, сажая, где возможно, своих ставленников, и передавал города одних царей другим; он даже выдал свою дочь за одного из здешних царей; а затем уже громил непокорных. В конце концов, однако, Саргон присоединил к Ассирии все таврские царства, создав широкий клин между Фригией и Урарту (713—708 гг. до н. э.). При этом дело не обошлось без новых стычек с фригийцами. Но это было уже после того, как ассирийский царь расправился с самим царством Урарту.

Еще после поражения, нанесенного Ассирией Сардури II, Страна маннеев превратилась в большое независимое царство, пытавшееся лавировать между Ассирией и Урарту; Тиглатпаласар III и Саргон II не трогали его владений, расширяя власть Ассирии за счет более южных – индийских областей Иранского нагорья. Руса I попытался поддержать в Стране маннеев антиассирийскую оппозицию; он к тому же владел большой полосой маннейских земель. В 714 г. Саргон направился на Иранское нагорье, делая вид, что намерен в союзе с маннейским царем углубиться в Мидию. Руса решил этим воспользоваться для того, чтобы зайти в тыл ассирийскому войску, по прекрасной поставленной ассирийской разведкой вовремя предупредила Саргона; он повернул свою армию и нанес Русе сокрушительное поражение; тот бежал в Тушпу и вскоре покончил с собой. Саргон же совершил в высшей степени опустошительный подход через часть территории Урарту, минуя только урартскую столицу. Мало того, в конце похода, отпустив основную часть армии с огромной добычей в Ассирию, он неожиданно перевалил через горы и верховья Большого Заба и обрушился на Муцацир, без сопротивления перешедший в руки ассирийцев. Здесь были разграблены дворец и храм бога Халди и захвачено свыше 330 тыс. предметов искусства и ремесла: более тонны золотых, более пяти тонн серебряных и более сотни тонн бронзовых изделий, а также медных слитков.

Завоевания Саргона II в горах Тавра оказались непрочными. При урартском царе Русе II, который правил примерно с 680 по 660 г. до н. э., Урарту переживает новый, но уже последний период подъема. Наиболее серьезной оставалась проблема кочевых отрядов конников. Киммерийцы к этому времени усилились в Малой Азии и громили владения Мидаса, но, безусловно, совершали набеги

также на ассирийскую и урартскую территории. В 680 г. новый ассирийский царь Асархаддон перешел через Тавр и разбил киммерийцев; вождь киммерийцев Теушпа погиб, а часть его конников пошла на ассирийскую службу. Другая часть вошла в союз с Мидасом, и совместно они совершили (или по крайней мере готовили) набег на «железный путь» в районе Мелитены. Однако союзы с такой капризной силой, как необузданные конные отряды киммерийцев и скифов, были всегда делом ненадежным, и, видимо, Русе удалось перетянуть киммерийцев на свою сторону; тогда против Урарту возник союз Фригии, Мелитены и халдов-халибов.

Поход Русы против Фригии, Мелитены и халдов (675 г. до н. э.) имел успех; урарты захватили много добычи и пленных, а Фригия отдана была на поток и разграбление киммерийцам. Тогда же погиб престарелый Мидас, и ассирийцы, по-видимому, принявшие участие в войне на её последнем этапе, могли около 660 г. числить Фригию даже среди своих «провинций».

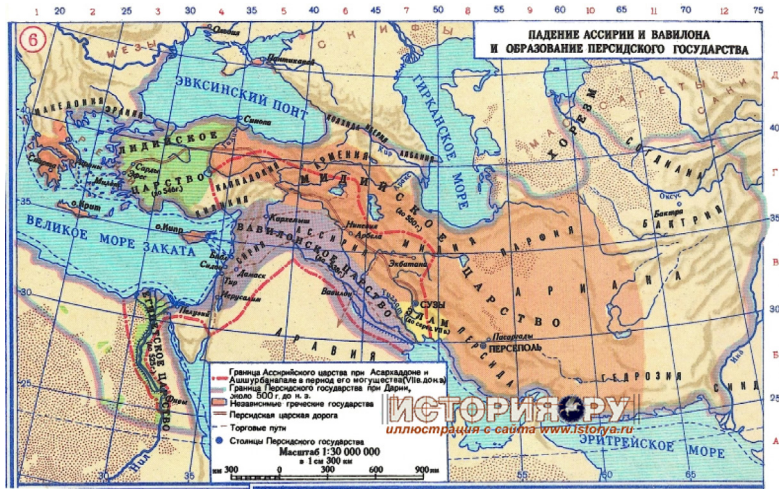
Это вмешательство ассирийцев не позволило Русе II полностью развить свой успех, и, в частности, царство Мелитены благополучно пережило войну, а в 50-х годах VII в. до н. э. даже расширилось. Хотя ассирийские цари претендовали на власть над Фригией, настоящими хозяевами её остались киммерийцы, которые вместе со вторгшимися с Балкан трепами опустошали несчастную страну более двадцати лет; после этого, однако, царство Фригии было восстановлено, но уже как зависимое от более западного государства – Лидии. От киммерийских набегов тяжело пострадали и некоторые греческие города Малой Азии.

Окончательный уход основных сил киммерийцев в Малую Азию, упадок Фригии и серьезные войны, в которые одновременно вынуждена была ввязаться Ассирия

на востоке, в Мидии, а также на юге, в Египте, позволили Русе II посвятить силы развитию Урарту, строительству новых крепостей и развязали ему руки в Закавказье.

Усиление положения урартов в Закавказье было важно для них потому, что в 60—70-х годах VII в. до н. э. вдоль Каспийского моря из придонских степей продвинулась новая группа ираноязычных конников – скифы. Они образовали род кочевого «царства», скорее всего сначала на просторах современного Азербайджана. Но, возможно, после народного восстания в Стране маннеев, когда царь её обратился за помощью к Ассирии (659 г.?), переднеазиатские скифы, выступив как союзники Ассирии, получили фактическую гегемонию и в Стране маннеев; к этому времени следует отнести перенесение их центра в район оз. Урмия, о чем свидетельствуют найденные здесь скифские «клады». В 672 г. до н. э. скифы вмешались было в ассиромидийскую войну, но затем вступили в союз с ассирийцами и тем самым превратились в важный, нередко решающий фактор ближневосточной политики. В 50-х годах VII в. до н. э. царь скифов Мадий во время серьезнейшей войны 654—652 гг. до н. э. между Ассирией и Вавилоном подчинил себе мидян, а затем, то ли обойдя, то ли пересекши урартскую территорию, ворвался в Малую Азию, где истребил разложившиеся от долгих беспрепятственных грабежей толпы киммерийцев. Урартское царство было настолько деморализовано всеми этими событиями, что новый его царь, Сардури III, в 643 или в 639 г. добровольно признал над собой главенство Ассирии, назвав себя в дипломатическом письме «сыном» ассирийского царя Ашшурбанапала. Но вскоре уже в самой Ассирии начались фатальные события, быстро приведшие ее к гибели, и скифы, оставив Малую Азию, распространили свои набеги на ассирийские владения.

3. Лидия

В Малой Азии Гигес, царь и основатель новой династии в Лидии, ещё вынужден был вести с киммерийцами борьбу с переменным успехом, то тщетно пытаясь найти против них союзника в Ассирии, то сам вступая в союз против Ассирии с Псамметихом египетским, и, в конце концов, погиб в борьбе с кочевниками, которые даже взяли лидийскую столицу Сарды. Но уже его сын Ардис (651? – 613? гг. до н. э.) смог воспользоваться уходом победителей над киммерийцами – скифов Мадия – в Ассирию и фактически занять большую часть Малой Азии. Изгнав остатки киммерийцев из своего государства, Ардис предпринял завоевание ионийских городов-государств на побережье. Он овладел Приеной, но не смог взять важнейший город – Милет, и война с ним продолжалась при его преемниках.

Лидяне под Клазоменами потерпели жестокое поражение, а в отношении Милета были вынуждены довольствоваться заключением мира на условиях дружбы и союза. Если не считать побережий с их независимыми греческими

и ликийскими городами и независимыми же, но отсталыми племенами Понтийских гор, в Малой Азии теперь оставались три сильных царства: Лидия, унаследовавшая могущество Фригии, Киликия на юго-восточном побережье и «Дом Тогармы», т. е. бывшее царство Мелитены, сменившее, по видимому, лувийскую династию на армянскую; мелкие царства гор Тавра, разгромленные ассирийцами, киммерийцами и снова ассирийцами и скифами, вошли в два последних царства. В верхнеевфратской долине в это время, очевидно, начался процесс создания армянской народности.

В конце VII – начале VI в. до н. э., поскольку Закавказье, видимо, оставалось еще базой могущества скифов, царства Урарту и Страны маннеев уже не могли более оправиться. Они не все погибли – сказалась сила «костяка» из царских крепостей, — но уже не могли подняться до прежнего благосостояния и могущества. Последние урартские цари проходят перед нами как бледные тени. Решающие события наступили в связи с крушением Ассирийской державы в 616—606 гг. под ударами Вавилона и Мидии.

В ходе войны мидяне подчинили себе Страну маннеев (около 615—613 гг.), а затем и Урарту. В 609 г., видимо, вавилоняне совершили первый поход на Урарту, а в 606 г. — на некую «область» в Урарту под названием «Дом Ханунии», вероятно, ныне Хнус, или Хыныс, по дороге на современный Эрзурум. Целью похода было, по видимому, предотвратить нападение «Дома Тогармы» и Урарту во фланг вавилонянам в разгар их борьбы с остатками ассирийской армии и Египтом. Однако вплоть до 593 г. Урарту, Страна маннеев и Скифское царство все еще продолжали существовать — как вассальные царства Мидии (в качестве таковых они под этим годом упомянуты в библейской «Книге Иеремии»). Скифы, видимо, принимали самое активное участие в событиях этого времени, хотя исследователи сильно

расходятся в оценке характера и значения их действий. Во всяком случае, между 593 и 591 гг. все три вассальных царства были уничтожены мидянами; погибли и урартские крепости. После разгрома скифов мидянами часть их ушла обратно за Большой Кавказ, другая, по сведениям греческого историка Геродота, бежала в Малую Азию, что послужило в 590 г. причиной для большой войны между Мидией (царь Киаксар) и Лидией (царь Алиагт). О ходе ее можно заключить из сообщений некоторых библейских источников.

Лидийский царь Крез

Лидия подчинила себе Фригию и другие территории Малой Азии; горные племена были объединены в царство Киликию (Табал, Пириид). В союзе с Лидией выступали Фригия, Табал, Азиатская Фракия (Северо-Западная Малая Азия), треры, и Понт, остаток киммерийцев в Каппадокии

и «Дом Тогармы». Союзники, видимо, перешли верхний Евфрат и угрожали сирийским и бывшим урартским территориям. Однако Киаксару удалось отеснить противников до р. Галис, и после затмения солнца 28 мая 585 г. был заключен мир. Граница Мидии прошла по р. Галис. Посредниками были царь Вавилонии и царь Киликии.

«Дом Тогармы» (арм. Торгом), видимо, не погиб: по некоторым, хотя и не вполне достоверным, источникам последний продолжал существовать в виде формально зависимого от Мидии Армянского царства, включившего значительные области на западе Армянского нагорья. Центром этого царства остался город Мелид, судя по тому, что в Греции до V в. до н. э. «армяне» назывались «мелитенянами», а вавилоняне в том же V в. до н. э. именовали западную и восточную часть Армянского нагорья «Мелидом и Урарту». Вероятно, и ряд бывших урартских областей отошел к Мелиду, т. е. к Западной (или собственно) Армении. Сохранила свое существование, вероятно, и Колхида. Восточная Армения (или собственно Урарту), как и Страна маннеев, была поглощена Мидией, которая перенесла свои владения и за Аракс, где, по поздним преданиям, еще долго существовало среди прочего и мидийское население. Что касается Лидии, то последующее полувековье вплоть до её завоевания в 546 г. до н. э. Киросом II Персидским было для нее периодом процветания и тесных торговых связей с греческим Западом. Именно в Лидии начали чеканить первые в мире золотые монеты, а имя ее последнего царя Креза стало символом богатства.

§ 4. Эллинская цивилизация

Так называемый архаический период, охватывающий VIII – VI вв. до н. э., является началом нового важного этапа в истории Эллады. За эти три столетия, т. е. за сравнительно

короткий исторический срок, эллины далеко обогнали в своем развитии соседние страны, в том числе и страны древнего Востока, которые до того времени шли в авангарде культурного прогресса человечества. Об этом свидетельствует невиданный взрыв творческой активности. Вновь после длительного перерыва возрождаются, казалось бы, навсегда забытые виды искусства: архитектура, монументальная скульптура, живопись. Воздвигаются из мрамора и известняка колоннады первых греческих храмов. Высекают из камня и отливают в бронзе статуи. Появляются поэмы Гомера и Гесиода, удивительные по глубине и искренности чувства лирические стихи Архилоха, Саффо, Алкея и многих других поэтов. Первые философы – Фалес, Анаксимен, Анаксимандр – напряженно размышляют над вопросом о происхождении вселенной и первооснове всех вещей.

Стремительный рост эллинской культуры в течение VIII— VI вв. до н. э. был непосредственно связан с проходившей в это время Великой колонизацией.

1. Эллада и эллинская колонизация VIII – VI вв. до н. э.

«Великая греческая колонизация» явилась частным проявлением общего закона соответствия численности населения уровню производительных сил. «В древних государствах, в Греции и Риме, вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя (<...>). Но почему это было так? Потому что этим государствам было совершенно неизвестно применение науки в области материального производства (<...>). Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была

вынужденная эмиграция»¹¹. Это положение действительно для всех случаев колонизации в древности. Однако в каждом конкретном случае действовали и свои конкретные причины. Это относится и к «Великой греческой колонизации».

В тех городах, где торговля все более развивалась, торговцы стремились закрепиться на пути в иноземные страны и обосноваться там. При отсутствии международного права каждый иноземец был потенциальным рабом или объектом легкой наживы. Поэтому только в городах, связанных с метрополией родственными, духовными и экономическими узами, купцы чувствовали себя в относительной безопасности. Такие города становились их базами в торговле с местными жителями или прочными стоянками на пути к наиболее желанным местам торговли. И колонии на первых порах покупали прежде всего товары своих соотечественников, оставшихся в метрополии, принимали прибывших оттуда торговцев, распространяли их товары среди окружающего населения.

¹¹ Маркс К. Вынужденная эмиграция. – Маркс К. и Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 8. С. 567–568.

В «Великой греческой колонизации» приняли участие различные области и города Эллады: и более отсталые, в которых жители занимались преимущественно земледелием, как Ахайя, и более развитые, ставшие значительными торгово-ремесленными центрами, как Милет или Фокея. В соответствии с этим в колониальной экспансии преобладал либо аграрный, либо торгово-ремесленный аспект. Это зависело от степени социально-экономического развития метрополии, её географических условий, связей с окружением, а также от того, что находили колонисты в новых местах. Следует подчеркнуть, однако, что колонизация не бывала чисто аграрной или торгово-ремесленной. Ведь даже в отсталые области Эллады в это время уже проникала торговля, вместе с тем все античные города были основаны на земельной собственности и земледелии. Без окружающей земельной территории, как бы скудна она ни была, колония существовать не могла. На этой территории находились участки колонистов, которые порой распределяли ещё до начала переселения, как это было, например, при подготовке коринфской экспедиции в Сицилию, приведшей к основанию Сиракуз. Поэтому можно говорить лишь о преобладании того или иного аспекта колонизации.

В зависимости от того, какой аспект преобладал, решался и вопрос об отношениях с местным населением. Если колонизация была преимущественно аграрной, колонисты не нуждались в сотрудничестве с местными жителями, оно им даже мешало. При преобладании торгового аспекта необходима была подготовленность аборигенов к ведению торговли, что было возможно лишь при сравнительно развитой экономике и достаточно высоком уровне социальных отношений. При этом последний не должен был быть чрезмерно высоким. Там, где греки сталкивались с развитыми и централизованными государствами, возможности для

основания эллинских городов, как и финикийских, оказывались резко суженными.

Великая греческая колонизация

09 апреля 2010 года ХУДОБЕЦ А.А. Киев, Украина 1.

В зависимости от преобладания того или другого аспекта колонизации различалась и ее подготовительная стадия. Чтобы узнать, что ждет переселенцев, в одном случае было достаточно разведки, в другом – выведению колонии должно было предшествовать установление экономических связей. Колонисты-земледельцы искали плодородную почву, а торговцы – места, удобные для торговли, например, устья рек, дававшие возможность проникать в глубь территории местных племен. Ремесленникам было важно наличие подходящего сырья. Город должен был лежать на морском берегу или по крайней мере недалеко от него, ибо море было единственной связью с метрополией. Для поселения выбиралось место, которое можно было легко защитить, имевшее пресную воду и по возможности окружающую территорию, способную прокормить колонистов. При этом земля необязательно должна была быть пригодной для зернового земледелия, но, например, для виноградарства и оливководства, которые давали продукты, необходимые для обмена на нужные им товары.

С собой колонисты брали огонь из священного очага родного города и, по-видимому, некоторых жрецов. Во главе экспедиции становился *ойкист*, который оказывался и главой нового поселения.

Независимо от того, была ли инициатором экспедиции вся община, или это было делом ее отдельных членов, новые поселения, как правило, становились самостоятельными (в отличие от колоний Тира). В этом правиле были и исключения. Так, город Коринф пытался на основе своих колоний создать мощную морскую державу. Основанные им города должны были обеспечивать коринфское господство над путями в западном и северо-восточном направлениях. Однако попытка создания колониальной державы не удавалась. И хотя еще много времени спустя в Потидею на северном берегу Эгейского моря из Коринфа посылался наместник, этот город фактически вел совершенно самостоятельную политику, порой даже противоречившую интересам метрополии.

При всей независимости колонии были связаны с метрополией духовными узами. В то время, когда представления родового общества ещё не изгладились из сознания, жители метрополии и колонии чувствовали себя родственниками, близкими людьми перед лицом чужого мира. Колонии обычно не воевали с метрополиями, поддерживали друг друга и колонии одной метрополии. Так, во II в. до н. э. жители Ламисака в Малой Азии обратились к гражданам Массалии (ныне Марсель) в Галлии с просьбой помочь им в переговорах с Римом, ибо оба города за 500 лет до этого были основаны одной и той же Фокеей. Хотя колонии и метрополии обычно не образовывали союзов и не имели общего гражданства, прибывшие в колонию жители метрополии становились ее гражданами, а вернувшиеся к старому очагу колонисты без труда восстанавливали свой гражданский статус. Первоначально на новом месте возникало по-

добие общины, оставленной на родине. Но с течением времени пути политического развития колоний и метрополий могли довольно далеко разойтись.

Многие колонии были выведены не одной, а несколькими метрополиями. Например, Кумы в Италии были основаны халкидянами и эретрийцами с о-ва Эвбея и, может быть, кимейцами из Малой Азии, Регий – халкидянами и мессенцами, Гела – родосцами и критянами. В таком случае метрополией считался город, бывший непосредственным инициатором выведения колонии. Как, метрополией Эпидамна, основанного Керкирой и Коринфом, была Керкира. Но даже если переселенцы выезжали из одного города, едва ли все они были его гражданами. Население греческих городов было тогда ещё невелико, а некоторые города основывали довольно много колоний. Трудно себе представить, чтобы в городах-метрополиях было столько жителей, что их хватало и на многочисленные переселения, и на продолжение жизни материнского города. Поэтому вероятно, что эти города становились распределительными центрами, откуда направлялись экспедиции. В таких случаях действовало, по-видимому, правило, по которому переселенческий центр и считался метрополией.

«Великая греческая колонизация» шла по трем основным направлениям: 1) западному (побережье и острова Ионийского моря к северо-западу от Греции, Италия, Сицилия, Корсика, Южная Галлия и Испания), 2) северо-восточному (северное побережье Эгейского моря, Геллеспонт, Пропонтида и Боспор Фракийский, берега Черного моря), 3) юго-восточному (южный берег Малой Азии, восточное побережье Средиземного моря, Африка).

Пионерами колонизации выступили эвбейские города Халкида и Эретрия. Уже в первой половине VIII в. до н. э. они были довольно развиты.

Расположенные на берегу пролива, являющегося важнейшим морским путем между Северной и Средней Грецией, они сосредоточили в своих руках значительную долю торговли в это время. К тому же они обладали залежами меди и плодородной территорией, находившейся в руках аристократов. Когда в последней трети VII в. до н. э. между этими городами вспыхнула война за обладание Лелантской равниной, лежащей между ними, многие города Греции приняли в ней участие на той или другой стороне (подтверждая значимость названных городов). Пока же война не разразилась, оба города вместе выступали на колониальном поприще. Вслед за ними на путь колонизации вступили Коринф и Мегара. Они были значительными ремесленными и торговыми центрами, но земля их была неплодородна, так что жители выезжали за море не только ради торговли, но и в поисках хороших земель. Недаром в коринфской колонизации активное участие приняли сельчане из деревни Тегеи. За этими городами последовали и другие центры Греции. В VIII и начале VII в. до н. э. колонии выводили и более отсталые аграрные общины и области, как Локрида, Ахайя, Спарта.

Прежде всего эллины устремились на запад. В 774 г. до н. э. на небольшом островке Питекусса у западного берега Италии появилось поселение халкидян и этрурийцев. Этот год можно считать началом «Великой греческой колонизации». Через полстолетия эвбейцы обосновались и на материке, создав Капую, а позже и другие города, в том числе Неаполь. Область, где появились эти города (Кампания), была одной из самых плодородных в Италии, но все же в эвбейской, особенно халкидской, колонизации был очень силен торговый аспект. Через Питекуссу халкидяне вели активную торговлю с этрусками и западными финикийцами. Для контроля над морским путем между Грецией и Этрурией они основа-

ли колонии по обе стороны пролива, отделяющего Италию от Сицилии,— Регий и Занклу. Эретрийцы вывели колонию на о-в Керкира, занимавший важное положение на пути из Греции в Италию и Сицилию. Активное участие приняли жители Эвбеи и в колонизации Сицилии.

Важнейшим греческим городом в Сицилии стали Сиракузы. Они были основаны, по-видимому, в 733 г. до н. э. коринфской экспедицией под руководством Архия, вынужденного из-за раздоров покинуть родину. По пути коринфяне вытеснили эвбейцев с Керкиры, а прибыв в Сицилию, создали поселение на острове Ортигия вблизи сицилийского побережья. Несколько позже Сиракузы шагнули и на саму Сицилию, но Ортигия долго оставалась крепостью и административным центром города. Обладая прекрасной гаванью, активно развивая ремесло и торговлю, приобретая и плодородные земли, Сиракузы вскоре стали крупнейшим центром Сицилии и всего западного эллинизма. Под их руководством возникла мощная держава, соперничавшая с Карфагеном и стремившаяся к власти над всеми западными греками.

В колонизации Сицилии приняли участие и другие греки. Мегарцы основали севернее Мегару Гиблейскую, а родосцы и критяне — Гелу на южном берегу. Появились и другие греческие города. При этом эллины вступили в борьбу как с местным населением — сикулами и сиканами, так и с сицилийскими финикийцами, которые позже перешли под власть Карфагена.

Аграрные города и области Греции предпочли плодородные земли Южной Италии. Здесь в VIII — начале VII в. до н. э. жители Ахайи основали Кротон и прославившийся роскошью Сибарис, спартанцы — Тарент, локрийцы — Локры Эпизефирийские. Из более развитых городов сюда послал экспедицию только малоазийский Колофон: под угрозой лидийского завоевания часть колофонцев отправилась

в Италию, где ими был создан Сибарис, богатства и привольная жизнь которого вызвали зависть поэта Архилоха. Скоро в Южной Италии появилось так много греческих городов, что эту часть Апеннинского полуострова стали называть Великой Грецией.

Колонии в Южную и Среднюю Италию и Сицилию выводились до начала VII в. до н. э. Позже новые эллинские города создавались здесь уже существующими колониями. Только в VI в. до н. э. отдельные города Греции пытались обосноваться в этих районах: так, книдяне закрепились на Липарских островах, самосцы – в Дикеархии (ныне Поццуоли на окраине Неаполя). Когда же на грани VII—VI вв. до н. э. в этих водах появились граждане Фокеи, они предпочли двинуться дальше на запад. Фокейская колонизация шла двумя потоками. Один направлялся вдоль побережья Италии, Южной Галлии и Северо-Восточной Испании. Здесь важнейшими фокейскими колониями стали Мессалия на галльском и Эмпорион на испанском побережье, а на пути к ним греки создали несколько опорных пунктов. Второй поток двигался через Корсику и Балеарские острова непосредственно к Юго-Восточной Испании. На юге Испании греки вступили в контакт с Тартессом. Тартессии увидели в греках союзников в борьбе с финикийцами и с согласия тартесского царя фокейцы основали здесь колонии, в том числе Гавань Менесфея, возникшую уже за Столпами Геракла. Это поселение стало самым западным пределом греческой колонизации.

В северо-восточном направлении халкидяне и эретрийцы уже в VIII в. до н. э. стали осваивать большой полуостров в северной части Эгейского моря, который из-за созданных там халкидских колоний получил название Халкидики. Восточнее Халкидики на Фасосе создали колонию обитатели о-ва Парос. Среди паросцев, обосновавшихся на Фасосе,

был и знаменитый поэт Архилох, чьи стихотворения выразительно рассказывают о тяжелой жизни колониста.

В конце VIII – начале VII в. до н. э. греки проникли в пролив Геллеспонт и далее к северу. Теперь первенствующую роль играют Мегара и греческие города Малой Азии (Самос, Хиос, Митилены, Фокея, Милет, Колофон). Вскоре европейские и азиатские берега Геллеспонта, Пропонтиды (Мраморного моря), Боспора Фракийского покрылись сетью эллинских колоний, из которых в будущем особенно прославилась мегарская колония Византий, расположенная в начале пролива Боспор, ведущего в Черное море. Ираноязычные народы, жившие на берегах этого моря, называли его, как полагают, *Ахшайна*—«Темное». Греки восприняли это название по-своему, как Аксинский Понт, т. е. «Негостеприимное море». Отсутствие цепи островов, столь облегчающих путешествия в Эгейском море, ветры и бури, может быть, и мысли о страданиях героев, чьи приключения были перенесены мифологией в эти края, укрепляли эллинов в представлении о неприветливости черноморских вод и берегов. Веря в магию имен, они считали, что такое название не сулит им ничего хорошего. Однако скоро пришельцы убедились в богатстве этих вод и побережья. Поэтому они переименовали старое название на новое – Эвксипский Понт – «Гостеприимное море», и под этим названием оно вошло в историю.

В Причерноморье основывали колонии преимущественно Мегара и Милет. Мегарцы действовали в основном недалеко от выхода из Боспора Фракийского: к востоку и северо-западу от него возникают Гераклея Понтийская, Месамбрия, Каллатис. Лишь значительно позднее жители Гераклеи в Южном Причерноморье пересекли Эвксинский Понт и на юго-западном берегу Тавриды (совр. Крым) основали Херсонес.

Большинство остальных городов Причерноморья заложил Милет. Важнейшей милетской колонией южного побережья стала Синопа, возглавившая с VI в. до н. э. союз городов этого района – Понт, включавший, вероятно, города Амис, Котиору, Трапезунд и, возможно, Фасис. Двигаясь вдоль западного побережья Эвксинского Понта, милетяне основали Аполлонию, Одесс, Истрию и появились в Северном Причерноморье. Первым местом в этом районе, где осели милетские колонисты, был остров Березань, как его ныне называют, недалеко от материка. Это произошло, по видимому, в 643 г. до н. э. Лучше познакомившись с местными условиями, греки перебрались и на материк. В устье р. Гипаниса (Южного Буга) в самом начале VI в. до н. э. появился город Ольвия («Счастливая»), а вокруг него возникли другие поселения. К западу от Ольвии был создан город Тира в устье одноименной реки (совр. Днестр).

Другим очагом греческой колонизации был Боспор Киммерийский (Керченский пролив). Сюда греки, видимо, проникли в последние десятилетия VII в. до н. э. Здесь был основан город Пантикапей (совр. Керчь), ставший крупнейшим эллинским городом Восточной Тавриды и Тамани. В VI в. до н. э. на крымском берегу появились Мирмекий, Нимфей, Феодосия, а на кавказском (по греческим представлениям, азиатском) берегу – Фанагория, Кепы, Гермонасса, Горгиппия. Около 480 г. до н. э. все эти города объединились в Боспорское царство со столицей в Пантикапее. Боспориты проникли и в Меотидское (ныне Азовское) море и в его северо-восточном углу в устье р. Танаис (Дон) основали поселение, ставшее самой дальней северо-восточной колонией греков.

К югу от боспорской границы на восточном берегу Понта появились эллинские города Питиунт (Пицунда), Диоскурия (Сухуми), Фасис (Поти). Таким образом, все побе-

режье Черного моря было покрыто густой сетью греческих колоний.

Южное направление в эпоху Великой колонизации большой роли не играло, как ни привлекала греков торговля с восточными странами и Африкой. И это естественно: восточное побережье Средиземного моря занимали финикийские города, соперничавшие с греками. В VIII—VII вв. до н. э. борьба Ассирии и Египта не благоприятствовала иноземной торговле, а тем более поселению на этих берегах. К западу от Египта эллины столкнулись с соперничеством карфагенян, и хотя греки и там пытались обосноваться, но скоро были вытеснены. Только в районе Киренаики, между Египтом и Карфагеном, эллины сумели создать несколько городов, первым из которых была Кирена, основанная ферейцами в 631—630 гг. до н. э. В VI в. киренцы вместе с критянами построили Барку. Колонизация Киренаики, хотя и проходила довольно поздно, была чисто аграрной.

В Египте же греки выступали как наемники и торговцы. Когда Египет освободился от ассирийской власти, его фараоны, ища в греках союзников и помощников, предоставили им возможность поселиться в стране. Основным эллинским поселением в Египте стал Навкратис, основанный в конце VII в. до н. э., — весьма необычная колония. У Навкратиса было целых двенадцать метрополий (Родос, Хиос, Теос, Фокея, Клазомены, Книд, Галикарнасс, Фаселида, Митилены, Милет, Самос, Эгина), но при этом он находился под строгим контролем египетских властей. Степень его внутренней автономии определялась политикой Египта (а позже персидских сатрапов Египта), но вполне самостоятельным городом он никогда не был. Он не имел сельскохозяйственной округи, оставаясь чисто торгово-ремесленным поселением, центром ввоза греческих товаров в Египет и вывоза еги-

петских товаров и подражаний им во все страны античного мира. По-видимому, подобным было положение греческих колоний (или факторий) на сирийском побережье, недалеко от развалин Угарита – Сукаса и Аль-Мины (современные названия, греческие неизвестны). Но они, вероятно, существовали не так долго, как Навкратис.

На южном побережье Малой Азии враждебность горцев помешала широкой греческой колонизации. Греки сумели создать там лишь несколько опорных пунктов на пути из Эллады на Восток.

Некоторые города сами становились потом метрополиями; так, боспориты основали Танаис, сибариты – Посейдонию, массалиоты – Никею (ныне Ницца) и т. д. Иногда они прибегали к помощи своих метрополий; например, керкиряне вывели колонию в Эпидамн вместе с Коринфом, а гелейцы – Акрагант вместе с родосцами. Часто случалось, что эта вторичная колонизация, или субколонизация, носила иной характер, чем первичная. Так, фокейская колонизация на западе была преимущественно торгово-ремесленной, а массалиотская колонизация была в большей степени аграрной. Напротив, в ахейской колонизации Италии преобладал аграрный аспект, но ахейский Сибарис создавал колонии как опорные пункты для торговли с Этрурией и другими областями Италии в обход халкидян, укрепившихся у пролива.

В течение двух с половиной веков греки освоили значительную часть побережья Средиземного моря, все Причерноморье, большую часть Приазовья. Греческие колонии раскинулись на огромной территории от Гавани Менесфея за Столпами Геракла до Танаиса в устье современного Дона, от Массалии и Адрии на севере до Навкратиса на юге. Опираясь на эти города, торговцы и путешественники проникали еще дальше в глубь иноязычно-

го (по-гречески «варварского») мира, поднимаясь по Днепру, Дунаю, Роне и Нилу, выплывая в опасные воды океана. В далекие страны при основании колоний отправлялись наиболее предприимчивые люди, и это способствовало более быстрому развитию колоний. Многие новые города становились развитыми экономическими центрами, далеко опережая метрополию. Ахайя еще долго оставалась бедной и отсталой областью, а ахейский Сибарис стал одним из богатейших городов Италии. Его достояние было столь велико, что, несмотря на сравнительно недолгое существование (он был разрушен в 510 г. до н. э.), роскошь и изнеженность его жителей — сибаритов — вошла в поговорку.

Многие города, основанные греками, существуют и до сих пор. Можно, например, назвать в Турции Истамбул (Стамбул, древний Византий), во Франции — Марсель (фокейская Массалия), в Италии — Неаполь, в Крыму-Керчь (Пантикапей), на Кавказе — Сухуми (Диоскурия), в Албании — Дуррес (Эпидамн), в Румынии — Констанца (Томы).

Отношения колонистов с местным населением складывались различно. Как полагают некоторые исследователи, дорийские переселенцы уже во время колонизации ставили аборигенов в зависимое положение, в то время как ионийцы поддерживали с ними сначала более равноправные связи. Но всегда эти две группы населения влияли друг на друга. Эллинское воздействие ускорило ход экономического, социального и культурного развития «варваров», как показывают примеры кельтов в Галлии и скифов в Северном Причерноморье. И окружающая среда влияла на греков. Особенно ясно это видно в культуре колонистов. Историки культуры выделяют культуру греческих городов Северного Причерноморья и Великой Греции как отдельные и своеобразные варианты общегреческой.

Значительным было влияние колонизации на метрополию. Каким бы ни был характер колонизации, существовать без всякой связи с Грецией колонисты не могли. Оттуда они получали некоторые продукты, без которых эллины не считали возможным вести нормальную жизнь: виноград и вино, оливковое масло и предметы ремесла, особенно художественного. Часть этих продуктов они перепродавали местному населению, втягивая и его в общесредиземноморский торговый оборот. В метрополию же они вывозили хлеб, металлы, лес, рыбу, рабов. Эти товары были жизненно необходимы Элладе. Торговля приобретает подлинно международный характер. А это приводит к дальнейшему развитию товарно-денежных отношений в Элладе, к росту ремесленно-торговых кругов архаического города и их роли в обществе.

Колонизация вывела греческий мир из состояния изоляции, в котором он оказался после крушения микенской культуры. Греки сумели многому научиться у своих соседей, в особенности у народов Востока. Так, у финикийцев было заимствовано алфавитное письмо, которое греки усовершенствовали, введя обозначение не только согласных, но и гласных; отсюда ведут свое происхождение и современные алфавиты, включая русский. Из Финикии или из Сирии в Грецию попал секрет изготовления стекла из песка, а также способ добычи пурпурной краски из раковин морских моллюсков. Египтяне и вавилоняне стали учителями греков в астрономии и геометрии. Египетская архитектура и монументальная скульптура оказали сильное влияние на зарождавшееся греческое искусство. У лидийцев греки переняли такое важное изобретение, как денежная чеканка. Все эти элементы чужих культур были творчески переработаны, приспособлены к насущным потребностям жизни и вошли как органические составные части в эллинскую культуру.

§ 5. Мидия и ахеменидская Персия

Родственные друг другу мидийские и персидские племена пришли на Иранское плато не позже начала I тысячелетия до н. э. (скорее даже во II тысячелетии до н. э.). Мидяне осели в Северном Иране, а персы – на юге, в современной провинции Фарс (Персида греческих авторов), районе древнего эламского Аншана.

К концу VIII в. они были подчинены Ассирии и вынуждены были платить ей дань. Необходимость отразить ассирийские нашествия ускорила объединение мелких мидийских княжеств.

1. Мидийские завоевания

В 673—672 гг. мидяне подняли восстание против ассирийского господства. Фраорт объединил мидийские и другие иранские племена и в 653—652 гг. предпринял поход против Ассирии, который, однако, кончился поражением мидян и гибелью самого Фраорта. По-видимому, мидяне понесли поражение от скифов, ставших союзниками ассирийцев, которые установили над Мидией свою гегемонию.

В 625 г. царем Мидии стал сын Фраорта Киаксар. Он нанес поражение скифам, создал регулярную армию вместо племенного ополчения, распределив ее по родам оружия (копьеносцы, лучники и конница). В конце VII в. до н. э. мидийская армия во главе с Киаксаром выступила против Ассирии, которая воевала с вавилонянами, и, нанеся ей решающие поражения, захватила Северную Месопотамию. Затем Киаксару удалось захватить Гирканию и Парфию к востоку и юго-востоку от Каспийского моря, Персию, Элам, Страну маннеев, Урарту и часть Малой Азии.

Когда в 590 г. мидийская армия достигла р. Галис (совр. Кызыл-Ирмак) в Малой Азии, царь Лидии Алиат, обеспоко-

енный завоеваниями Киаксара, выступил против него. В течение пяти лет война между Лидией и Мидией продолжалась с переменным успехом. 28 мая 585 г. во время битвы на р. Галис произошло солнечное затмение, которое было воспринято обеими сторонами как плохое предзнаменование. Поэтому сражение прекратили и вскоре заключили мирный договор, установив границей между Лидией и Мидийской державой р. Галис.

Уже в IX—VII вв. до н. э. в ассирийских надписях упоминается государство Парсуаш, находившееся на востоке бывшей эламской территории; по-видимому, это то же, что Парса, или Персида – основное государство, созданное персидскими племенами. Помимо Парсуаша в VII в. до н. э. на восток от Элама находилось несколько других мелких государств, вероятно, зависевших от эламитов и одновременно включенных в персидский племенной союз, который возглавляли вожди из династии Ахеменидов. После разгрома Элама ассирийским царем Ашшурбанапалом в 40—30-х годах VII в. до н. э. персы освободились от эламского господства.

2. Персидская держава «царя царей»

В 558 г. царем Персии стал Кир II. Он объединил персидские племена и основал г. Пасаргады, который стал столицей Персидского государства. В 553 г. Кир поднял восстание против мидийского царя Астиага, которому были подчинены персы. Война длилась три года и окончилась полной победой персов, взятием мидийской столицы Экбатаны.

Покорив в 550 г. Мидию, Кир в течение следующих двух лет захватил Парфию и Гирканию, входившие в состав бывшей Мидийской державы. В 546 г. персы покорили и Лидию в Малой Азии, которая в то время наряду с Вавилонией и Египтом была одним из крупнейших государств

Ближнего Востока. Таким образом, персы вышли к Эгейскому морю. Между 545 и 539 гг. Кир подчинил на Иранском нагорье территории нынешних государств Иран и Афганистан, включая Дрангиану и Бактрию, и проник в Среднюю Азию, завоевав Маргиану (оазис Мары в Туркмении), Согдиану (область Самарканда и р. Зеравшан) и Хорезм (низовья Амударьи). Таким образом, персидское господство достигло северо-западных границ Индии, южных отрогов Гиндукуша и бассейна Сырдарьи.

В течение двух месяцев (август – сентябрь) 539 г. Вавилония была захвачена персами. Согласно вавилонским источникам, армия Кира без боя вступила в Вавилон и освободила жителей страны от гнета Набонида. Захватив Месопотамию, Кир формально сохранил Вавилонское царство и ничего не изменил в социальной структуре страны. Вавилон стал одной из царских резиденций. В стране на первый взгляд все осталось прежним: вавилоняне продолжали занимать преобладающее положение в государственном аппарате, а жречество получило возможность возродить древние культы, которым Кир всячески покровительствовал. Более того, власть Кира в Вавилонии не рассматривалась как чу-

жеземное господство, так как он получил царство «из рук бога Мардука», исполнив древние священные церемонии. После захвата Вавилонии все западные страны до границ Египта (Сирия, Палестина и Финикия) подчинились персам. Торговые города Финикии, так же как вавилонские и малоазийские купцы, были заинтересованы в создании большого государства с безопасными дорогами.

Захватив весь Ближний Восток до границ с Египтом, Кир решил обезопасить северо-восточные границы своего государства от вторжения кочевых племен Средней Азии. В битве против массагетов на восточной стороне Амударьи Кир в 530 г до н. э. потерпел поражение и погиб.

В августе 530 г. царем Ахеменидской державы стал Камбис, который вскоре начал готовиться к нападению на Египет. Египетская армия была быстро разгромлена, флот сдался без боя, фараон Псамметих III оказался в плену. В мае 525 г. Египет превратился в персидскую сатрапию. Камбис был объявлен также и египетским царем и короновался по египетским обычаям. Захватив Египет, Камбис начал готовиться к походу против Нильской Эфиопии. Согласно Геродоту, Камбис вторгся в Эфиопию без достаточных запасов продовольствия и попал в безводную местность; в его армии началось людоедство, и он вынужден был отступить.

Сразу после захвата престола Дарием I против него восстала Вавилония. Дарий лично возглавил поход против нее. В декабре 522 г. персы захватили Вавилон, и руководители мятежа были преданы казни. Но пока Дарий был занят карательными действиями в Вавилонии, против него восстали Персия, Мидия, Элам, Маргиана, Парфия, Саттагидия (в совр. Афганистане), сакские племена Средней Азии и Египет.

Только через год с небольшим после захвата власти Дарий смог упрочить свое положение и вскоре после этого восстановил державу Кира и Камбиса в ее прежних границах.

К лету 521 г. полководцы Дария после пяти битв с восставшими смогли установить свой контроль и в Армении. Тогда же отцом Дария был подавлен мятеж в Парфии и в Гиркании. В это время в Вавилоне произошло последнее крупное восстание, которое длилось до 27 ноября 521 г.

Завоевав Лидию, персы познакомились с золотой монетой. После 517 г. до н. э. Дарий I ввел и в Ахеменидской державе монетную единицу, составлявшую основу единой для всей империи денежной системы, а именно золотой дарик весом 8,4 г.

Персеполис

Между 519—512 гг., перейдя через проливы Босфор и Геллеспонт (Дарданеллы), персы захватили в Европе Фракию и Македонию; на азиатской территории они заняли северо-западную часть Индии. Таким образом, к концу VI в. до н. э. границы Ахеменидской державы простирались от р. Инд на востоке до Эгейского моря на западе, от Армении на севере до I нильского порога на юге. Однако вскоре

началась ослабление Персидской державы. Во время греко-персидских войн персы потерпели ряд крупных поражений в материковой Греции и в морских битвах.

Эти завоевания были скоротечны и не привели к созданию цивилизации, имеющей единые авторитетные тексты.

Кир Великий -
основатель Персидской
державы

Дарий I - самый
могущественный правитель
Персии

§ 6. Греко-персидские войны

Исходным пунктом «греко-персидских войн» было восстание эллинских городов западного побережья Малой Азии и прилегающих островов против персидского владычества. Завоевания Кира, Камбиса и Дария привели к включению всего Ближнего Востока в состав Персидской державы. Эллинские города Малой Азии, подчинившиеся до 546 г. до н.

э. Лидии, после ее разгрома перешли под власть персов. Персия, подчинив себе побережье Малой Азии и некоторые прилегающие острова, пыталась продвинуть свое владычество на север и запад. Поход Дария (ок. 512 г.) хотя и не привел к покорению придунайских областей, заселенных скифами, позволил персам закрепиться на фракийском побережье, что открывало путь для их экспансии в сторону Балкан. Эллина Малой Азии тесными экономическими и культурными узами связаны были с родственными им полисами Балканского полуострова. К концу VI в. до н. э. определились непримиримые противоречия между выросшей на Востоке гигантской державой, проводившей политику безудержной экспансии, и миром эллинских полисов. Отсюда вовсе не следует, что все они склонны были вступить в борьбу с Персией. Ряд полисов предпочитал стоять в стороне, или не будучи заинтересованными в борьбе с Персией, или надеясь таким образом спасти свое существование.

Армия персов

Армия персов. Бессмертные

Сторонниками решительной борьбы с персами были представители групп, кровно заинтересованных в морской торговле с восточными областями, которые оказались под контролем Персии.

В этой сложной обстановке произошло антиперсидское выступление в Малой Азии. Поскольку его инициаторами были полисы центральной части западного побережья Малой Азии – прежде всего **Милет**,— заселенные ионийцами, его принято называть ионийским восстанием.

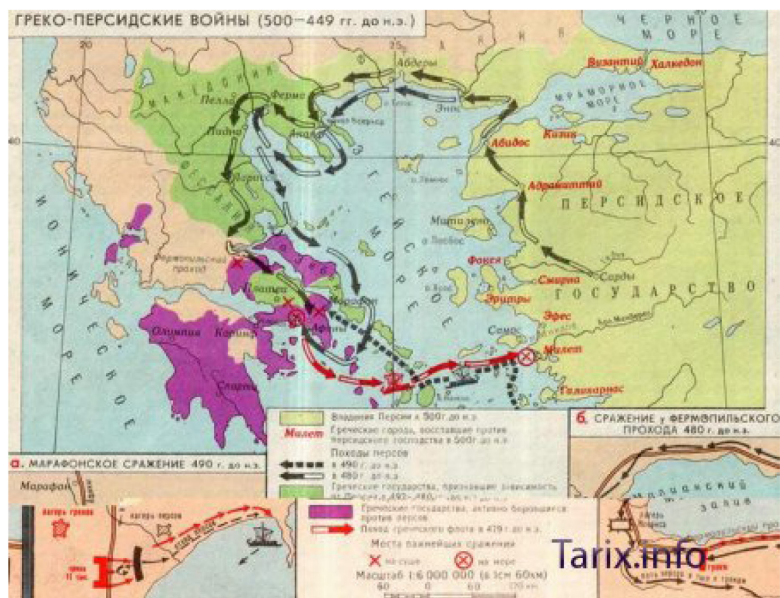
Понимая трудность предстоящей борьбы, Милет обратился за помощью. Из балканских полисов на призыв о помощи откликнулись только Афины, жители которых считали, что Милет колонизован некогда выходцами из Аттики и связан с ними узами родства, и Эретрия, заинтересованная в торговле с Востоком и связанная также тесными узами с ионийскими городами.

По прибытии подкрепления восставшие предприняли активную наступательную операцию, дошли до Сард – резиденции персидского сатрапа Артаферна, и взяли город, кроме цитадели. Случившийся то ли по небрежности солдат, то ли по злему умыслу пожар привел к почти полному уничтожению города и гибели весьма почитаемого местными жителями храма Кибелы, что вызвало сильное их возмущение. Первоначальные успехи восставших, вследствие которых они приобрели еще некоторых союзников, объяснялись в значительной мере тем, что Персия не сразу подтянула свои войска.

Среди восставших с самого начала не было единства. В результате, когда произошел решающий морской бой при о-ве Лада недалеко от Милета, самосские и лесбосские корабли ушли домой. Бой кончился полной победой персидского флота, и судьба Милета была решена. Город был взят, разграблен, большая часть населения перебита, а уце-

левшие увезены в Сузы и затем поселены у впадения Тигра в Персидский залив.

После подавления восстания в Малой Азии и карательных экспедиций против островов, принявших в нем участие, Персия стала готовиться к походу в Балканскую Грецию. Во главе большой экспедиции, включавшей как сухопутные, так и морские силы, был поставлен племянник и зять Дария Мардоний. В составе его войска были и гэллы из подчиненных персам областей, которых персы поставили задобрить различными уступками.

В 492 г. до н. э. армия Мардония, переправившись через Геллеспонт, двинулась по фракийскому побережью на запад. Рядом, вдоль побережья, шел флот. По пути создавались опорные пункты с запасами продовольствия и фуража, в ряде городов оставались персидские гарнизоны. Сопротивление армии Мардония оказали лишь некоторые фра-

кийские племена. Македонский царь Александр занял дружественную персам позицию и разрешил им проход. Однако, когда флот огибал южное побережье Халкидики (мыс Афон), поднявшаяся сильная буря причинила такой огромный урон персам, что Мардоний вернулся в Азию.

Поход 492 г. явился серьезным сигналом для государств Балканской Греции. Было очевидно, что этим дело не ограничится. Особенно серьезные основания для беспокойства были у Афин и Эретрии. Вскоре в различные области Греции явились послы Дария с требованием «дать землю и воду» царю, т. е. признать его верховную власть. Многие острова, в том числе и враждовавшая с Афинами Эгина, подчинились этому требованию. Так же поступили и некоторые государства материковой Греции. Но в Спарте и Афинах послы Дария были казнены. Это свидетельствовало о готовности бороться за свою независимость. Так как расположенная в Сароническом заливе Эгина, имевшая к тому же сильный флот, дала «землю и воду» персам, то по настоянию Афин Спарта, подчинившая Египту своему влиянию, несмотря на собственные внутренние разногласия, вынудила ее дать заложников Афинам, и Эгина была таким образом нейтрализована.

В 490 г. до н. э. Персия организует новый поход против Балканской Греции. На этот раз вся армия была погружена на корабли. Построили специальные суда для перевозки конницы. Во главе экспедиции поставили Датиса и Артаферна, сына сатрапа Сард. Флотилия направилась от побережья Малой Азии через острова Эгейды к Евбее. На о-ве Делос, где находился особо почитаемый храм Аполлона, жителям была дана гарантия неприкосновенности; персы всячески подчеркивали, что чтут греческие Святыни. Зато чрезвычайно сурово наказана была Эретрия на о-ве Евбея. Взяв город после шестидневной осады, персы разграбили его, сожгли святилища, а население обратили в рабство.

Из Евбеи персидский флот направился к Аттике, но не в Саронический залив, а севернее, к Марафону. Марафонская равнина была удобна для действий персидской конницы. Возможно, что высадиться здесь посоветовал бывший афинский тиран, престарелый Гипий, сопровождавший персов. Афиняне немедленно выступили навстречу и одновременно отправили в Спарту гонца с просьбой о помощи. Под предлогом того, что они по обычаю не могут выступить до полнолуния, спартанцы отсрочили свое выступление и явились в Афины уже после Марафонского сражения.

Решающую роль в организации и проведении Марафонской битвы сыграл занимавший должность стратега Мильтиад. Он долгое время жил под властью персов, участвовал в их походах и хорошо знал их военную организацию и тактику. Несколько дней армии стояли друг против друга, не начиная сражения. Персы, возможно, выжидали сигнала своих сторонников в Афинах; афиняне ждали обещанных спартанских подкреплений. Сражение произошло в тот день, когда спартанцы вышли в путь. Персидское командование, рассчитывая застигнуть Афины врасплох и нанести решающий удар до прихода подкреплений, погрузило ночью значительную часть своей конницы на суда, с тем, чтобы отправить их к Афинам. Афинскому командованию стало известно об этом (через разведчиков или дезертировавших из персидской армии эллинов), и оно начало сражение в неблагоприятный для противника момент. В результате персидская конница, особенно опасная для греков, не приняла участия в битве.

Победа эллинов при Марафоне была для Персии не военным разгромом, а только неудавшейся попыткой, которую можно было возобновить. Но она имела огромное морально-политическое значение для Эллады, особенно для Афин. То, что нападение персов удалось отбить, разрушало легенду об

их непобедимости и вселяло надежду на возможность эффективной борьбы с ними и в будущем.

Политические осложнения в Египте, Вавилонии, интриги, связанные с престолонаследием, не позволили персидскому правительству добиваться немедленного реванша, и греки получили десятилетнюю отсрочку.

Мильтиад вскоре умер. На политической арене выдвигается один из самых ярких и талантливых деятелей Афин – Фемистокл. Мать Фемистокла была низкого происхождения, но отцу же он принадлежал к знатному жреческому роду.

Фемистокл был первым афинским деятелем, который понял, что будущее Афин зависит от морского флота. Хотя торговые связи Афин к этому периоду были очень обширны и афинская керамика повсеместно вытесняла коринфскую, флот был еще незначительным, и ввоз и вывоз товаров производились на чужеземных судах.

На помощь Фемистоклу пришел счастливый случай. В 483 г. до н. э. в районе Лаврия на юге Аттики, где велись разработки серебряной руды, была открыта новая, чрезвычайно богатая жила. Фемистоклу удалось провести через народное собрание декрет об использовании средств, полученных от ее разработки, для строительства флота. Были привлечены также и частные средства – снаряжение кораблей было возложено на группу богатых граждан (эта повинность называлась триерархией). В результате предусмотрительности и энергичных действий Фемистокла Афины к 480 г. до н. э. превратились в самое сильное в Греции морское государство.

В конце 80-х годов ситуация в Персии стабилизировалась, и царь Ксеркс, пришедший к власти после смерти Дария (486 г. до н. э.), стал энергично готовиться к новому походу против Эллады. В течение нескольких лет велись работы по сооружению канала через перешеек на Халкидике, что-

бы избежать обхода Афонского мыса, где погиб флот Мардония. На строительство согнали многочисленных работников из Азии и с прилегающего побережья. Вдоль берегов Фракии были созданы продовольственные склады, через Геллеспонт переброшены понтонные мосты. Велась и дипломатическая подготовка к походу: послы и агенты Ксеркса направились в различные государства Балканской Греции и даже в Карфаген, который должен был военными действиями отвлечь греков Сицилии от участия в войне с Персией; к подготовке похода Ксеркс привлек эллинов, нашедших убежище при его дворе (в их числе был бывший спартанский царь Демарат). Аргос и Фессалия изъявили покорность Персии. Во многих греческих городах, не исключая и Афины, имелись сильные проперсидские группировки.

Однако ряд греческих государств готовился к борьбе. Теперь, когда на карту было поставлено само существование независимой Греции, не только Афины, но и Спарта активно в нее включилась. В 481 г. до н. э. создается общеэллинский союз с Центром в Коринфе, возглавляемый Спартой: формируется союзный военный совет, разрабатывающий планы военных действий. Несмотря на морское превосходство Афиц, верховное командование и сухопутными силами, и флотом вручается Спарте. Когда в Грецию прибыла весть, что огромная персидская армия во главе с Ксерксом выступила из Малой Азии, в Афинах было принято решение вернуть политических изгнанников, прежде подвергавшихся остракизму. Аристид был даже избран одним из десяти стратегов 480 г. Первоначально решено было встретить персидскую армию, двигавшуюся тем же путем, что и Мардоний в 492 г., на севере Греции, на границе Фессалии с Македонией, где в Темпейском ущелье была удобная позиция для преграждения пути противнику. Однако авангардный отряд, в составе которого был и Фемистокл, выяснил, что сосредото-

точивать там военные силы опасно: преобладающая часть фессалийских общин не склонна была ввязываться в опасную борьбу и рассчитывала покорностью обеспечить себе спасение от грабежей и насилия персидских войск. Соседняя Македония оказала персам дружественный прием. Поэтому было решено встретить персов на границе Северной и Средней Греции, у Фермопил. Горы в этом месте близко подходили к морскому берегу, и узкий проход было легко защитить. Некогда жители Фокиды, страдавшие от набегов фессалийцев, построили здесь оборонительную стену, и остатки этих укреплений греки намеревались теперь использовать. Одновременно с действиями сухопутной армии планировались операции флота у о. Евбея.

Поскольку позиция у Фермопил была оборонительной, сюда первоначально решили направить небольшую часть объединенной греческой армии – всего примерно 7000 человек, в том числе 300 спартанцев во главе с царем Леонидом. По преданию, Леонид, сознавая опасность предстоящего дела, взял в свой отряд только тех спартанцев, у кого были сыновья. Предполагалось, что вслед за этой группой будут посланы подкрепления. Однако этого не было сделано, хотя Леонид просил о помощи. Спарта, как это нередко с ней случалось, опоздала. Позиция у Фермопил давала возможность надолго задержать наступавшего врага, которому здесь нигде было развернуть свои силы. А эта задержка могла бы вынудить персов к отступлению из-за трудности снабжения. Но беда заключалась в том, что кроме прохода через Фермопильское ущелье, на юг вела еще одна горная дорога, известная местным жителям, и, возможно, персидской разведке. Леонид на всякий случай послал туда отряд из 1000 фокидян. Когда несколько попыток персов пробиться через Фермопильское ущелье было отбито, отборный отряд, включая персидскую гвардию, двинулся в обход по горной дороге; предатель

из местных жителей вызвался быть проводником. Это движение осталось не замеченным греками; стоявшие у выхода фокидяне не видели врага до последней минуты, так как его прикрывал росший вдоль склонов горы лес. Застигнутые врагсплох, они не оказали сопротивления, а персы, стремившиеся к своей цели – зайти в тыл защитникам Фермопильского ущелья, позволили им разбежаться. Когда Леонид узнал о случившемся, он отпустил часть своего отряда, а сам со спартанцами, фиванцами и некоторыми другими греками остался на месте и принял на себя вражеский удар. Греки дрались с мужеством отчаяния, зная, что пути к отступлению нет, и дорого продали свою жизнь. Леонид и все оставшиеся с ним погибли. Задержав наступление врага, они дали возможность провести мобилизацию военных сил, подтянув их к Истму, и эвакуировать Аттику. Одновременно со сражением у Фермопил происходили активные действия флота у Евбеи. Шторм причинил значительный урон персидскому флоту, стоявшему на якоре у плохо защищенного побережья Магнесии, а затем и эскадре, пытавшейся пройти на юг вдоль восточного побережья Евбеи. Столкновения морских сил велись с переменным успехом, обе стороны понесли значительные потери. При получении вести о гибели отряда Леонида дальнейшее пребывание греческого флота здесь теряло смысл, и он отошел на юг, к Сароническому заливу. Теперь персы могли беспрепятственно двинуться в Аттику. Беотия подчинилась персам, и в дальнейшем Фивы оказывали им активную поддержку. Сухопутная армия ллинов стояла на перешейке Истм, и Спарта настаивала на создании здесь укрепленной оборонительной линии для защиты Пеллепоннеса. Фемистокл же считал, что необходимо дать персам морской бой у побережья Аттики. Защищать Аттику в тот момент, несомненно, не представлялось возможным. Дельфийский оракул, к которому афиняне обратились в критический для них момент, дал мрачайшее предсказание,

рекомендуя спастись на край земли. Однако, по словам Геродота, когда афинские послы заявили, что не покинут святилища, пока Пифия не скажет им чего-либо более утешительного, последовало другое пророчество, где говорилось о «деревянных стенах», которые принесут спасение, и упоминался «божественный Саламин». В этом предсказании можно предполагать влияние Фемистокла, которому необходимо было убедить своих сограждан и других союзников в правильности своей позиции.

После дебатов на военном совете было принято предложение Фемистокла дать бой персидскому флоту в Саламинском проливе. Несмотря на численное превосходство персов, они не считали возможным разделить свои морские силы и послать эскадру для действий против Пелопоннеса.

Через несколько дней после Фермопильской битвы персидская армия вступила на почти пустую территорию Аттики. Афины были разграблены, все дома, кроме тех, где остановилась персидская знать, сожжены, разрушены храмы Акрополя, некоторые памятники, например скульптурная группа, изображавшая тираноубийц, были увезены в Персию.

Персам важно было поскорее добиться победы, им опасно было двигаться дальше (к Пелопоннесу), оставляя в тылу основные морские силы эллинов. Долго задерживаться в Аттике они не могли из-за трудностей со снабжением. К тому же для Ксеркса было рискованно долго отсутствовать в Персии. Как бы то ни было, персы приняли вызов, и в конце сентября 480 г. до н. э. произошла решающая битва в Саламинском проливе. Ночью персидские суда окружили о-в Саламин и блокировали греческому флоту выход. На рассвете началось сражение. Персидские суда, вошедшие в пролив, не имели возможности использовать свое численное превосходство и маневрировать, так как сзади их теснили собственные суда. Эллины же могли вводить постепенно в бой свои

резервы, стоявшие в заливе у северо-западного побережья Аттики и вначале не замеченные врагом. К тому же поднялся ветер, неблагоприятный для персидского флота, двигавшегося в северном направлении. Ксеркс, лично наблюдавший за битвой с высокого места на побережье Аттики, окруженный секретарями, которые должны были записывать имена особо отличившихся в бою кораблей и командиров, с ужасом видел, как его суда гибнут не только от вражеских ударов, но и наталкиваясь друг на друга.

Победа была полная. Хотя главнокомандующим был не Фемистокл, а спартаец, честь победы единодушно приписывалась афинскому стратегу. При посещении им Спарты Фемистокл удостоился таких почестей, какие до него не воздавались ни одному чужеземцу. Однако хотя персидский флот во главе с Ксерксом покинул пределы Эллады, но на Балканском полуострове оставлена была сухопутная армия под командованием Мардония. Не имея возможности прокормить себя и свою конницу в Аттике, персы ушли на север. Афиняне получили возможность временно вернуться домой. В следующем, 479 г. до н. э., персы снова вторглись в Аттику и опустошили ее поля. Мардоний при посредничестве македонского царя Александра тщетно пытался склонить Афины к сепаратному миру.

В 479 г. у г. Платей, на границе Аттики и Беотии, состоялась последняя, решающая битва с персидской армией, вторгшейся на Балканский полуостров. За время, истекшее после Саламинского сражения, персы потеряли ряд островов Эгейского моря и Потидею в Халкидике, но в Балканской Греции Мардония поддерживали часть фессалийцев, Фивы, некоторые полисы Пеллопоннеса. У персов было преимущество в коннице, у эллинов – в тяжеловооруженной пехоте. Готовясь к бою, Мардоний построил свое войско не вдалеке от Платей вдоль реки. Эллинская армия заняла обо-

ронительную позицию на склонах горы Киферона, прикрывая путь к Истму, откуда можно было получать продовольствие и в случае необходимости – военную помощь. Персидская конница, совершив ночью налет, нанесла большой урон эллинам. Однако отряд афинян отбил нападение. После этого эллины спустились на территорию Платей и расположились по другую сторону реки лицом к Фивам. Более недели обе армии стояли друг против друга, не вступая в бой. К эллинам подошли подкрепления. Павсаний, командовавший союзной армией эллинов, не решался первым начать сражение.

В ожидании решающего столкновения Павсаний произвел перегруппировку войск, поместив афинян на правый фланг против персов Мардония, а спартанцев – на левый фланг против греческих союзников Персии. Считалось, что афиняне, уже имевшие опыт Марафонской битвы, лучше справятся с персами. Однако и Мардоний перестроил свое войско, поставив лучшие силы против спартанцев. Пока пехота бездействовала, персидская конница частыми рейдами тревожила эллинов и наконец захватила и засыпала основной источник их снабжения водой. Армия по приказу Павсания отступила. Мардоний, решив, что эллины трусились, перевел свою армию через полувысохшую речку, разделявшую противников. Несмотря на обмеление речки, хорошего брода на ней не было – переправе мешало обилие камней. После переправы персам пришлось взбираться в гору навстречу спартанцам, которыми командовал Павсаний. Афиняне и мегаряне отбили натиск беотийских и фессалийских гоплитов (союзников Персии), поддержанных иранской конницей, и стали теснить персидских стрелков. Те все же держались, пока жив был Мардоний, сражавшийся на белом коне. Но вскоре он был убит, и персы оставили поле боя спартанцам. Эллины добились победы и в столкно-

вении с выдвинувшимися вперед флангами персидской армии. Командовавший ее центром Артабаз начал поспешное отступление на север и в конце концов на лодках переправился в Византий; Ксеркс одобрил его поведение. Оставшиеся в Беотии персы пытались укрыться в своих укреплениях; греки ворвались туда, разграбили лагерь персов, захватив огромную добычу. Пленных не брали. По свидетельству греческих источников, из 300 000 персов спаслись только 43 000, из них 40 000 бежавших с Артабазом. Данные, вероятно, преувеличены, а сведения об убитых греках явно преуменьшены (91 спартанец, 52 афинянина, 16 тегеян и т. д.). Видимо, здесь учтены только гоплиты, чьи имена были перечислены на памятниках в честь павших. Победа при Платеях произвела не меньшее впечатление, чем саламинская. Шатры, полные золота и серебра, вазы, чаши для питья, умывальники, запястья, ожерелья, мечи – все из золота и серебра, — позолоченные и посеребренные ложа и столы, пестрые ковры – вся эта роскошь, окружавшая знатных персов даже в походе, поразила греков, привыкших к простоте в быту. Часть полученной добычи по обычаю отдали в святилище олимпийского Зевса, в Дельфы и другие храмы, остальное распределили между участниками победы. Павсаний за свою роль в организации победы получил вдесятеро больше остальных: женщин из гаремов, золотую и серебряную утварь, драгоценные металлы, коней и верблюдов. Но впоследствии Павсания обвинили в попытке присвоить себе одну заслугу победы и заставили заменить сделанную по его приказанию надпись на памятнике в Дельфах: «От Павсания-победителя» другой, где перечислялись 31 греческое государство, участвовавшее в Саламинской и Платейской битвах. Платеям, на территории которых была одержана победа, обещали «вечную» благодарность. Фивы за предательство понесли умеренное наказание: каз-

нены были выданные осажденным городом лидеры персифильской группировки, но угроза разрушить город не была выполнена.

После 479 г. до н. э. Персия более не грозила Балканской Греции. Эллинские полисы сами перешли в наступление. Отстояв свою независимость, полисы, возглавившие борьбу, попытались использовать победу в своекорыстных целях. Очень быстро были забыты декларации об общности эллинов, о совместной борьбе за свободу. Дальнейшие военные успехи взорвали временно сложившееся единство, все явственнее стали противоречия, особенно между Афинами и Спартой, обострилась временно приглушенная борьба между политическими группами внутри отдельных государств. Влияние Фемистокла после 480 г. до н. э. ослабевает, хотя некоторое время он продолжает еще играть роль в политической жизни.

Основная масса гражданского населения в греческих полисах, разумеется, не была в состоянии переоценить ценности так быстро, как это сделал Фемистокл, понимавший, что отныне главным противником Афин становится Спарта. Идея о возможности примирения с Персией не могла стать популярной в 70-е годы V в. до н. э.; Фемистокл в 471 г. до н. э. подвергся остракизму.

Между тем морские операции против Персии продолжались успешно. Освобождены были проливы Геллеспонт и Босфор и возобновлена торговля с Северным Причерноморьем. В 478—477 гг. по предложению союзников верховное командование было передано Афинам. Поскольку отныне война велась на море, а самым сильным флотом располагали афиняне, это было вполне закономерно. Как уже было сказано, Спарта неохотно шла на то, чтобы долгое время держать свои войска вдали от Пелопоннеса. К тому же приток персидской добычи и соприкосновение спартанских

полководцев с восточной роскошью было губительно для духа ликурговых законов. Поэтому Спарта не возражала. Образовался Делосский морской союз. В него вошли приморские и островные греческие государства, которые должны были выставлять в союзный флот корабли, оснащенные и экипированные, или платить денежные взносы – форо́с. Размеры форо́са определялись в зависимости от материальных возможностей того или иного города. Вначале замена форо́сом обязательства поставлять корабли показалась облегчением, однако это лишало плативших союзников собственных вооруженных сил и ставило их в полную зависимость от Афин. Союзная казна хранилась на о-ве Делос, но заведовали ею афинские должностные лица. Членство в союзе предполагалось добровольным. Однако освобожденные от персидских гарнизонов города включались в состав союза принудительно. А союзники, которые под тем или иным предлогом пытались выйти из союза (как острова Фасос и Наксос), объявлялись мятежниками, против них посылались карательные экспедиции, их лишали собственных укреплений и переводили в разряд плательщиков форо́са. Так очень быстро обнаружилась гегемония Афин в союзе, тенденция превращения союзников в подданных, а Делосского союза – в Афинскую морскую державу. В 454 г. до н. э. под предлогом усиления персидской угрозы в Эгейском море (подавлено было поддержанное Афинами восстание в Египте) союзная казна была переведена в Афины. Отныне союзные средства беззастенчиво стали тратиться на внутренние нужды Афин. Но, несмотря на эксплуатацию Афинами своих союзников, последние получали и ряд преимуществ от существования союза (безопасность от внешней угрозы, активизация экономических связей, успешная борьба с пиратством в Эгеиде, поддержка Афинами демократических групп). После отстранения спартанцев от ко-

мандования военные действия продолжались – прежде всего по очищению от персов Фракии. В эти годы выдвигается Кимон, сын Мильтиада, возглавлявший действия афинского и союзного флота. Это был энергичный и способный полководец. Кимон принадлежал к землевладельческой знати, приверженной идее непоколебимости союза со Спартой. В V в. до н. э. лаконофильство – преклонение перед спартанскими порядками – становится характерной чертой идеологии аристократов в различных государствах Греции.

Военные действия против Персии продолжались, но значительно менее интенсивно, чем ранее. Афины и Спарта открыто враждовали. На Востоке против Персии воевали только Афины со своими союзниками. В конце 60-х годов V в. до н. э. они отправили флот в помощь восставшему против персидского владычества Египту. Одновременно сделана была попытка освободить греческие города Кипра. Упорная и длительная борьба все же закончилась поражением восставших. Афины потеряли большое число судов и людей. Однако морскую мощь Афин это не сломило. В конце 50-х годов под командованием вернувшегося после десятилетнего изгнания Кимона делается новая попытка освободить Кипр и заодно оказать помощь остаткам повстанцев в Египте, которые еще держались в Дельте Нила. Во время осады финикийского города Кития на Кипре Кимон был смертельно ранен. На обратном пути греки дали бой у побережья Кипра на суше и на море и одержали двойную победу. Но это обеспечило им лишь безопасное отступление. Дальнейшее продолжение военных действий ничего не сулило ни той, ни другой стороне. Афины приняли предложение Артаксеркса I о мирных переговорах. Посольство во главе с Каллисом отправилось в Сузы. В 449 г. до н. э. был заключен так называемый Каллиев мир. По его условиям Персия обязалась не посылать свои суда в Пропонтиду и Эгей-

ское море, не держать своих войск ближе чем в трех днях пути пешим ходом от западного побережья Малой Азии. Афины обещали оставить Кипр, не помогать более Египту и вывести гарнизоны из городов Малой Азии, которые остались в составе Делосского союза, но формально признавались подданными персидского царя.

В начале IV в. до н. э. персы потеряли Египет, который был вновь покорен только в 342 г. до н. э. При последних Ахеменидах была потеряна и Индия, а в Средней Азии Хорезм, Согдиана и сакские племена из подданных превратились в «союзников» персов.

Греко-персидские войны.
Контрольное задание. Вариант 2 580

[Установите соответствие](#) между сражениями и их датами.

СРАЖЕНИЯ	ДАТЫ
Марафонское сражение	480 год до н.э.
Саламинское сражение	479 год до н.э.
битва при Платеях	490 год до н.э.

Проверить

§ 7. Балканы в V-IV вв до н. э.

1. Афины и Македония в IV в. до н. э.

Уже в период Пелопоннесской войны, с конца V в. до н. э., мир греческих полисов вступает в состояние кризиса, который продолжает углубляться в течение IV в. до н. э., несмотря на многочисленные попытки его преодоления путем внутренних преобразований и внешнеполитической активности.

Кризис, который Греция переживала в этот период, не был кризисом рабовладельческого способа производства. Рабство продолжает развиваться, наблюдается значительный прогресс в развитии товарно-денежных отношений, международной торговли. Но система небольших городов-государств, основанных на сплоченности замкнутого гражданского коллектива, противопоставленного своими привилегиями внешнему миру, оказалась несостоятельной в условиях развития межгосударственных экономических связей, роста частной собственности, не обусловленной обязательной принадлежностью к миру данного полиса, и обострения социальных противоречий внутри свободного населения.

В IV в. до н. э. афинская гавань Пирей принимала много чужеземных судов ежедневно. Создаются благоприятные условия для выгрузки, хранения и показа привозимых и продаваемых товаров. Особые льготы имели экспортеры хлеба, в котором остро нуждались такие полисы, как Афины. Государство, заинтересованное во взимании пошлин, принимало меры против утайки привезенных грузов и спекуляции, особенно хлебом. Экспортеры продавали его местным торговцам, которые затем сбывали его потребителям. В Афинах существовали строгие правила—не разрешалось скупать хлеб одновременно сверх установленного максимума и продавать его с большей, чем полагалось, наценкой. Специальные должностные лица следили за соблюдением этих правил, нарушителям которых грозила смертная казнь. Розничная торговля хлебом, как правило, находилась в руках метеков.

Внешняя торговля тесно была связана с кредитными операциями. Многие купцы перевозили свои товары на чужих судах, только некоторые из купцов были одновременно судовладельцами. Им необходимы были средства для оплаты фрахта, закупки достаточного количества товаров, чтобы загрузить корабль. Выручить затраченные деньги они мог-

ли лишь после прибытия в порт назначения и продажи там привезенного груза.

Не имея оборотных средств, купцы обращались к процентным займам под залог груза или, если купец был и судовладельцем,— корабля. В случае гибели корабля с грузом по пути кредитор не имел права требовать возвращения денег. Поэтому проценты при этих так называемых морских займах были очень высоки (30— 50 и выше).

В случае успешных операций морская торговля и морские займы приводили к быстрому обогащению. Многие состоятельные люди охотно вкладывают свои средства в такого рода деятельность. Но в пути груз подвергался постоянному риску из-за военных действий, пиратства, кораблекрушений. Нередко риск усугублялся для кредитора такими злоупотреблениями купцов, как займы под один и тот же груз у нескольких кредиторов, инсценировки кораблекрушений и др. Сохранившиеся судебные речи Демосфена в связи с тяжбами по таким делам дают живой материал о нравах в греческой морской торговле.

Наряду с займами для морской торговли широко практиковались займы и для нужд внутренних — на обзаведение торговым или ремесленным предприятием, покупку дорогостоящей вещи, прием гостей, исполнение литургии, приданое дочери, выкуп из плена и др. В сохранившихся перечнях имущества сколько-нибудь состоятельных лиц наряду с землями, домами, рабами, дорогой утварью, как правило, фигурируют и деньги, отданные под проценты.

С конца V в. все более распространяется дарование в виде привилегии за какие-либо заслуги перед государством отдельным лицам — метекам или чужеземцам, иногда целым группам (обычно изгнанникам) — права владения домом и землей на территории данного полиса. Наряду с этим за особые заслуги (участие в политической борьбе,

материальные траты на общественные нужды) некоторым лицам даруются и гражданские права. Поскольку это были, как правило, богатые люди, стремившиеся закрепить вновь обретенное общественное положение, они скупали в большом количестве землю и были демонстративно щедры при исполнении литургий. Так, трапезит Пасиоп, сам бывший раб трапезита, получив гражданские права, оставил детям огромное состояние, в том числе большое количество скупленной им земли. Старший его сын, выполняя дорогостоящую литургию – триерархию, потратил, подчеркивая свою признательность Афинскому государству, гораздо больше средств, чем от него требовалось, и был даже вынужден занять деньги под залог своих земель.

Ослабление связи граждан с землей сопровождалось падением характерного для древнего грека ощущения слитности со своим полисом.

В связи с непрерывными войнами, которые велись и в Балканской Греции и в Малой Азии, все чаще прибегают к чрезвычайному военному налогу – эйсфоре. В обычное время граждане греческих полисов прямых налогов не платили, и эйсфора каждый раз вводилась как единовременный налог специальным декретом народного собрания, которое шло на эту меру очень неохотно. В некоторых случаях прибегали к проэйсфоре, заставляя богатых граждан авансировать налог государству, а затем самим собирать его с налогоплательщиков; тем не менее скапливались недоимки, для взыскания которых создавались специальные комиссии.

Ослабление полисной солидарности проявлялось и в отношении к военной службе. Служба в сухопутной армии и во флоте была тягостной для средних и беднейших слоев населения. Гоплиты и матросы во время походов получали небольшую плату для пропитания. Но их семьи оставались на это время без кормильца, а так как походы были

далекими и длительными, это нередко приводило к разорению хозяйств. Уменьшалось число граждан, способных приобрести вооружение гоплита. Частые войны, ведшиеся нередко вдали от территории своего полиса, требовали большего, чем прежде, профессионального мастерства. Все это способствовало распространению наемничества. Наемники, сделавшие военное дело своей профессией, были лучше обучены и дисциплинированнее гражданского ополчения. Их ряды пополнялись за счет разорившихся людей, политических изгнанников, искателей легкой наживы, граждан, потерявших в силу тех или иных причин связи в родном полисе. Утвердившаяся после Пелопоннесской войны гегемония Спарты в Греции оказалась недолговечной. Бывшие союзники Афин не получили ни свободы, ни автономии, обещанной им Спартой.

Спарта не только не выполнила данных ею во время Пелопоннесской войны обещаний, но не сумела обеспечить безопасность морских путей, жизненно важных для экономического развития и продовольственного снабжения ряда греческих государств. Крушение морского могущества Афин создало благоприятные условия для развития пиратства—постоянного бича древней торговли.

В Персидском государстве в конце V в. до н. э. обстановка осложнилась в связи с борьбой за престол между двумя сыновьями Дария II – Артаксерксом II и Киrom Младшим. Кир формально не имел права на царскую власть, но его поддерживала влиятельная группа придворной знати, включавшая, по-видимому, жену Дария Парисатиду. В последний период правления Дария Кир был отправлен в Малую Азию. Он завязал здесь дружеские отношения со спартанским полководцем Лисандром и щедро субсидировал Спарту в конце Пелопоннесской войны. После смерти Дария борьба между братьями приняла острый характер, победителем оказался Артаксеркс, и только заступничество ма-

тери спасло Кира от гибели. Притворившись, что он смирился со своей участью, Кир возвращается в Малую Азию и под предлогом борьбы с обвиняемым им в мятежных планах другим сатрапом Малой Азии, Тиссаферном, набирает войска. Многочисленные греческие наемники, прельщаемые щедрыми обещаниями, охотно идут на службу к Киру. Формально это было их частным делом, ни один независимый от Персии греческий город не примкнул к Киру, но при большом влиянии Спарты такой единовременный набор целого войска не мог обойтись без ее ведома. Кир вначале не раскрывал своих планов и только когда все было подготовлено, объявил, что поход предполагается в глубь Персидской державы. Среди наемников Кира оказался афинянин Ксенофонт, будущий историк, который, очевидно, вел дневники во время похода и описал его впоследствии в сочинении «Анабасис». Кир всячески подчеркивал **своё** восхищение греческой культурой, выучкой и дисциплиной эллинских воинов. В случае его победы участники похода были бы щедро вознаграждены. Однако в битве, происшедшей в 401 г. до н. э. у деревушки Кунакса, неподалеку от Вавилона, Кир погиб, пронзенный оруженосцами Артаксеркса, которого он стремился во что бы то ни стало убить. Победа, одержанная на том фланге армии Кира, где стояли эллины, утратила всякий смысл. Когда распространилась весть о гибели Кира, наемники попытались предложить свои услуги победителю. Стратеги их, вызванные якобы для переговоров, были вероломно убиты. Эллины оказались в чужой стране, среди враждебного окружения, без командиров. Из этого, казалось бы, безвыходного положения они сумели выйти. Были демократическим путем избраны новые стратеги, и преследуемые по пятам персидской армией греки двинулись в обратный путь. После долгих мытарств и лишений они в 400 г. до н. э. вышли к южному побережью Черного моря, к г. Синоп. Из 13 тыс. участников похода вернулись примерно 10

тыс. человек. Драматическая история всего похода красочно описана Ксенофонтом.

Эти события были чреваты серьезными последствиями не только для Персии, но и для Эллады. Прежде всего, они привели к конфликту между Персией и Спартой, затруднениями которой не замедлили воспользоваться ее противники. В далекой перспективе поход 10 тысяч послужил как бы прелюдией к будущему походу Александра Македонского.

Вскоре Спарта была вовлечена в военный конфликт с Персией, которая начала карательные действия против греческих городов Малой Азии (находившихся теперь под покровительством Спарты) за их содействие Киру, расценив это как прямое вмешательство во внутренние дела Персии. На Восток был отправлен спартанский царь Агесилай. Военные действия шли с переменным успехом, пока в них не включился поступивший на службу к персам афинский стратег Конон, сумевший после битвы при Эгоспотамах спасти несколько афинских триер и увести их на Кипр. Возглавив построенный им на персидские деньги флот, Конон успешно воюет против спартанцев у побережья Малой Азии. Между тем в Балканской Греции создалась антиспартанская коалиция, куда вошли не только давние противники Спарты – Афины, Аргос, но и бывшие ее союзники – Фивы и Коринф. Началась так называемая Коринфская война (395—387 гг. до н. э.). Вынужденная воевать на два фронта и считая более важными для себя позиции в Балканской Греции, Спарта отозвала Агесилая с Востока на смену погибшему и Средней Греции Лисандру. Уже после отплытия Агесилая в 394 г. до н. э. при Книде, на побережье Малой Азии, персидский флот под командованием Конона нанес сокрушительное поражение спартанцам. Приехавший вскоре в Афины Конон был встречен с триумфом. На привезенные им деньги были восстановлены длинные стены, разрушенные спартанцами в 404 г. до н.э. В Афинах царило

воодушевление, смут был позор поражения в Пелопоннесской войне. По инициативе талантливого афинского полководца Ификрата была проведена военная реформа. Доспехи воинов были значительно облегчены (в частности, щит), что удешевляло вооружение и обеспечивало большую подвижность на поле боя. Удлиненное копье и дротик позволили поражать врага на расстоянии. Под командованием Ификрата был одержан ряд побед над спартанцами. Антиспартанская коалиция добилась успехов и на Балканском полуострове.

Однако Персия, оказавшаяся временно в одном лагере с противниками Спарты, вовсе не заинтересована была в возрождении морской мощи Афин, тем более что они поддерживали сепаратистское движение на Кипре. Персии было выгодно сохранять известное равновесие в Греции, не позволяя чрезмерно усилиться ни одному государству, особенно опиравшемуся на сильный флот. Поэтому, удовлетворившись некоторым ослаблением Спарты, персидское правительство навязало воюющим сторонам мир. Он был продиктован представителям Греции в Сузах и получил название «царского» или «Анталкидова» мира (по имени спартанского представителя). То, что война между греческими государствами завершилась заключением мира в Сузах, показывает, как далеко зашел переживавшийся греческими полисами кризис. Персия обладала неисчислимыми денежными средствами, войны в это время велись преимущественно силами наемников и требовали больших затрат. Послы воюющих сторон обивали пороги приемных в резиденциях персидского царя и его сатрапов, испрашивая субсидии. Поэтому властелин Персии считал себя вправе диктовать грекам свою волю.

По условиям «царского» мира признавалась верховная власть Персии над греческими городами Малой Азии и Кипром. Это было серьезной уступкой со стороны Спарты, претендовавшей на роль борца за независимость греков,

и было использовано впоследствии в антиспартанской пропаганде. Всем остальным греческим государствам гарантировалась автономия. Запрещалось образование союзов, но существовавший в то время Пелопоннесский союз сохранился. Это условие явно направлено было против Афин. В качестве компенсации Афины получили острова Лемнос, Имброс и Скирос, уже взятые к тому времени Кононом и не имевшие большого экономического и политического значения, но важные как стоянки для торговых судов, проходивших через Геллеспонт. По условиям мира восстанавливался г. Платеи, разрушенный спартамцами в 427 г. до н. э.

В грамоте Артаксеркса, врученной в Сузах греческим представителям, было сказано: «Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами».

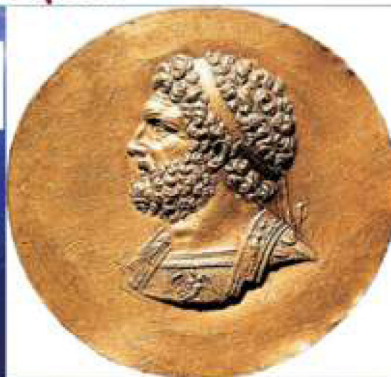
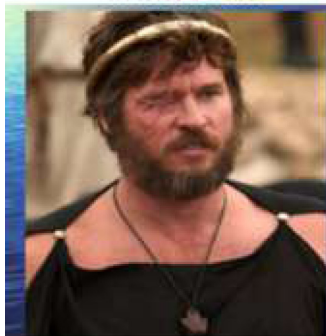
Внутренние распри, внешнеполитические авантюры, истощение финансов, неверие в возможность выхода собственными силами из создавшегося тупика—такова обстановка в Греции к середине IV в. до н. э. В это время на арену выходит новая политическая сила в лице Македонии.

Уже в V в. до н. э. Македония стала играть некоторую роль в политической жизни Греции. Македонские правители активизируют свою дипломатическую деятельность, стремятся заимствовать достижения греческой культуры, приглашая ко двору представителей литературы, науки и искусства и оказывая им покровительство. Однако подлинный перелом произошел лишь в IV в. до н. э. Македония не ограничивается более политическим посредничеством и культурными заимствованиями, а начинает претендовать вначале на роль равноправного партнера, а затем и на нечто большее. Эти притязания Македонии, связанные с постепенным прогрессом в ее внутреннем развитии, совпали с периодом упадка и ослабления Греции. В решающий момент во главе Македонии оказался правитель, прекрасно оценивший представившиеся ей возможности и сумевший использовать их для превращения этого государства в решающую силу на Балканском полуострове.

МАКЕДОНИЯ - горная страна на севере Балканского полуострова

**ФИЛИПП – царь
Македонии**

Придя к власти, Филипп принял меры, чтобы обезопасить границы Македонии от беспокоивших ее соседей – фракийцев и иллирийцев – и укрепить позиции центральной власти в гористой Верхней Македонии, где сильны были сепаратистские тенденции местной знати. Организовав при дворе военную школу для юношей из знатных семей, Филипп готовил себе верных придворных и в то же время мог превратить их в заложников в случае участия их отцов в направленных против него заговорах.

Упрочив свои позиции в Македонии, Филипп начинает проводить активную внешнюю политику, используя и дипломатические средства, и подкуп политических и военных деятелей Греции, и военную силу. Филипп стремится получить выход к морскому побережью и овладеть богатствами Фракии. Здесь интересы Македонии неизбежно должны были столкнуться с интересами Афин. Не имея достаточно сильного флота, способного противостоять афинскому, Филипп действует вначале с помощью хитрости. Он предлагает Афинам помочь им вернуть Амфиполь, откуда незадолго до того был выведен македонский гарнизон, с условием, что Афины не будут чинить препятствий к захвату им г. Пидны. Поверив обещаниям Филиппа, Афины не пришли на помощь осажденному им Амфиполю, хотя город просил их об этом. К тому же афинский флот занят был в это время, отстаивая интересы Афин против одного из фракийских царьков в районе Херсонеса Фракийского. Взяв Амфиполь, Филипп и не подумал отдавать его Афинам. Это явное вероломство привело к открытию военных действий между Афинами и Македонией. Отвлекаемые борьбой с непокорными союзниками, Афины не могли действовать достаточно активно. Филипп продолжает расширять свои владения. Захватив во Фракии, в районе золотых приисков, г. Крениду, он переименовал его в Филиппы. Овладев золотыми

месторождениями, Филипп получил в свое распоряжение большие средства.

Вскоре Македонии представилась возможность распространить свое влияние на Северную и Среднюю Грецию. Поводом послужила III Священная война (356—346 гг. до н. э.). Началась она из-за обвинения Фивами, игравшими в это время ведущую роль в Дельфийском культовом союзе (Амфикионии), группы влиятельных фокидян в святотатстве. Отказ обвиняемых уплатить возложенный на них штраф привел к объявлению Фокиде Священной войны. На стороне Фокиды выступили Афины, Спарта и правитель г. Фер в Фессалии. Фивы были поддержаны группой фессалийских городов, враждебных тиранам Фер. В ходе борьбы фокидяне, ссылаясь на свои исконные права на святилище, завладели Дельфами и использовали храмовые сокровища на военные нужды, что позволило им набрать большое наемное войско. Противники фокидян, встревоженные их успехами, обратились за помощью к Македонии. Филипп охотно откликнулся на этот призыв и ввел свои войска в Среднюю Грецию. После упорной борьбы фокидяне были разгромлены, исключены из Амфикионии и должны были выплачивать Дельфам компенсацию за расхищенные сокровища. Отнятые у фокидян два голоса в Амфикионии достались Филиппу. Это имело огромное политическое значение – македонский царь, не бывший греком, получил доступ в старинную, освященную древней традицией чисто греческую организацию. Кроме того, это создало ему плацдарм для дальнейшего наступления на Грецию. Афины, теснимые со всех сторон, лишившиеся своих опорных пунктов в Халкидике, рискуя потерять своих последних союзников, вынуждены были пойти на мирные переговоры с Македонией. Филипп, считаясь с наличием пока еще сильного афинского флота и, по-видимому, не желая обострять отношения с прославленным государством

Греции, согласился заключить мир (346 г. до н. э.). Между Афинами и Македонией был установлен дружественный союз. Оба государства обязались обеспечивать безопасность на суше и на море, ведя борьбу с пиратством. Афины сохраняли за собой острова Лемнос, Имброс, Скирос, Евбею. Договариваясь с Филиппом, Афины оставили на произвол судьбы своего союзника – Фокиду, которая вскоре была вынуждена капитулировать.

В 339 г. до н. э. разразилась IV Священная война – опять из-за обвинения в святотатстве. К этому времени расторгнут был заключенный Афинами с Филиппом мир. Попытки Афин утвердить свои позиции на Херсонесе Фракийском вызвали активное противодействие Филиппа. Потерпев неудачу при попытке взять осадой Византий, Филипп охотно откликается на призыв возглавить Священную войну против Амфиссы. Воспользовавшись этим, он занял Элатею, ключевую позицию у Фермопил на пути в Среднюю Грецию. Весть об этом потрясла Афины. Было ясно, что Филипп не остановится здесь, что на карту поставлена судьба всей Греции. Демосфен развил лихорадочную деятельность,

сумев склонить афинян и фиванцев забыть долголетнюю вражду и объединить усилия для спасения Эллады. К ним присоединились Коринф, Мегара, Евбея и некоторые другие города. Спарта осталась в стороне. В 338 г. до н. э. при г. Херонее в Беотии произошла решающая битва. Греческая армия была разбита. Страшная паника охватила афинян. Ждали с минуты на минуту вторжения македонской армии. Оратор Гиперид предложил пойти на крайнюю меру – дать свободу рабам, гражданские права метекам, вернуть изгнанников и тем самым пополнить ряды боеспособных. Это предложение было вначале принято, но затем отклонено.

Однако Филипп не пошел на Афины. Ему нужен был для выполнения дальнейших планов афинский флот. Кроме того, слишком невыгодно было бы претенденту на господство в Элладе разрушить или даже подвергнуть расправе самый славный ее город. Жестоко наказав Фивы, своего бывшего союзника, за проявленное по отношению к Македонии вероломство, Филипп не только пощадил Афины, но заключил с ними новый мир на весьма умеренных условиях. Афины сохранили в своем владении Саламин, Делос, Самос, Лемнос, Имброс, получили г. Орон на границе с Беотией. Но им пришлось отказаться в пользу Филиппа от Херсонеса Фракийского. Филипп возвратил без выкупа взятых в плен при Херонее афинян. В благодарность за великодушие Филипп и его сын Александр, командовавший левым флангом македонской армии при Херонее и впервые проявивший там свои полководческие способности, получили гражданские права в Афинах. Филиппу была воздвигнута статуя.

В 337 г. до н. э. в Коринфе созван был конгресс и создан общегреческий союз. Союзный совет (синедрион) должен был заседать в Коринфе. Филипп пытался придать союзу вид патриотического начинания греков, объединившихся для борьбы против своего исконного врага – Персии. В Гре-

ции объявлялись всеобщий мир, безопасность торговли и мореплавания, запрещались междоусобные войны, внутренние перевороты, противозаконные казни, конфискация имущества, отмена долгов, массовое освобождение рабов с целью использования их для переворотов. Филипп был назначен главнокомандующим союзной армией. Никто из греков не имел права воевать в армии, выступающей против Филиппа, или помогать такому войску.

Демосфен и македонцы

Херонейская битва и последовавший за ней Коринфский съезд подвели черту под целым периодом в истории Греции. Отныне властелином на Балканском полуострове стала Македония. Провозглашенная автономия греческих полисов была фикцией. Повсеместно распоряжалась Македония, прямо или через своих ставленников. Запрет внутренних переворотов удовлетворил чаяния тех кругов Греции, которые видели в Македонии защитника своих состояний. Готовившийся поход против Персии сулил разрешение ряда экономических и социальных проблем. Но осуществить его довелось уже не Филиппу, а его преемнику Александру.

Пока верхушка персидской знати была занята дворцовыми интригами и переворотами, на политическом горизонте появился опасный противник. Весной 334 г. до н. э. македонская армия Александра выступила в поход против Персии. Началось македонское завоевание Азии.

Межгосударственные и межэтнические контакты в период становления региональных цивилизаций

Итак, в этот период, как и в эпоху локальных цивилизаций ранней древности (III-II тыс. до н. э.), осуществлялись разносторонние международные (межэтнические и межгосударственные) контакты.

Прежде всего, следует отметить обширные как двухсторонние, так и многосторонние торговые связи. Для их осуществления в государствах существовали должности государственных торговых агентов – тамкаров, и действующих под их началом и по их поручениям финансируемых ими деньгами и товарами мелких частных агентов. Предметами натурального и денежного обмена являлись, прежде всего, добываемые полезные ископаемые и природные ресурсы: поделочный и строительный камень, древесина (ливанский кедр, эфиопское чёрное дерево), тростник, особенно египетский папирус, различные металлы (золото, серебро, медь, олово, свинец, бронза, железо). Далее – многочисленные предметы ремесленной переработки горнодобывающей отрасли и сельского хозяйства: костяные, керамические и металлические изделия (посуда, украшения, оружие, орудия труда), ткани, кожа, финикийские изделия из цветного стекла. Изредка, ввиду малочисленности и дороговизны их – рабы. Чаще тамкары по поручению правителей выкупали попавших в плен и обращенных в рабство соплеменников, которым на родине безвозмездно предоставлялась свобода.

Такие страны как Ассирия, где сходились все сухопутные торговые пути Передней Азии, и Финикия, где начинались морские торговые маршруты Средиземноморья, специализировались и обогащались за счёт транзитной торговли. Ассирия пополняла свою казну путем взимания торговых транзитных пошлин за использование складских поме-

щений. Финикия – за счёт предпродажной подготовки транзитных товаров, в частности, окрашивания белых льняных тканей Месопотамии в пурпурный цвет.

Не менее разносторонними были и политические контакты.

Для налаживания добрососедских отношений правители обменивались дарами. Цари дарили диковинные для других, не знавших железа, железные украшения и оружие, а также колесницы с прочными железными ободами на колёсах.

Часто военные конфликты между крупными державами в случае равенства военных сил сторон заканчивались заключением мирных договоров о разделе сфер влияния или союзнических договоров о дружбе и взаимопомощи в случае нападения третьей стороны. Заключение таких союзов сопровождалось двусторонними династическими браками, гарантировавшими вместе со священными клятвами нерушимость договорных обязательств, а также обменом знатными заложниками.

Однако гораздо чаще торговый обмен сопровождался принудительным, главную роль в котором играли силовые методы.

Во-первых, угроза применения силы (вымогательство) для получения обширных верноподданнических даров – сотен тысяч голов крупного и мелкого скота, драгоценных металлов, изделий ремесленного производства.

Во-вторых, в случае невыражения верноподданнических чувств, сопровождаемых требуемыми «дарами», совершался устрашающий грабительский набег на более слабую соседнюю территорию с разрушением населённых пунктов и массовой резнёй населения.

И только если устрашающий демарш не возымел действия, начинались непосредственные военные мероприятия, чаще выливавшиеся в неоднократные грабительские

набеги с захватом материальных ценностей и людских ресурсов для обращения в рабство.

Чаще ограбленные территории не включались в состав завоевавшей страны. В них возводились на престол подвластные династии, обязанные ежегодной данью победителю. Для контроля и в помощь им оставлялись в стратегически важных поселениях гарнизоны. Иногда на эти территории назначали специальных послов, которые следили за деятельностью местных царьков, князьцов и органов власти.

Победители не навязывали побеждённым свою культуру, законы и язык, с уважением относились к их святыням, богам и храмам, т. е. древний мир не знал этнической и религиозной вражды.

Не отличались разнообразием и межэтнические контакты государств с окружающим их кочевыми племенами.

При удобных обстоятельствах, как то внутренние распри в государстве, отсутствие войск, занятых походом в другую страну, кочевники совершали неожиданные грабительские набеги, захватывая ремесленные изделия, угоняя скот, что в обычное время они получали за счёт торгового обмена.

При изменении климатических условий в местах обитания кочевых племён (длительная многолетняя засуха) они нанимаются в качестве наёмников на службу к правителям государств. Их предводители дослуживаются до высших чинов в государственной иерархии, становятся телохранителями правителей. Дело остаётся за малым: свергнуть правящую династию, полностью зависимую от наёмников, и основать свою династию, ничего не меняя в социально-экономической жизни государства (амореи и касситы в Месопотамии).

Другой вариант – захватить территорию государства, объявить себя правителями страны, взяв на себя функции управления и обороны кормовой территории.

И в том и в другом случае возникают государства типа «химера» – совмещение несовместимых начал: бывшие кочевники, не знающие ремесла и земледелия, и местные жители, занимающиеся ремеслом и земледелием. Пришельцы не вмешиваются в повседневную жизнь, не меняют законов, языка, культуры. Они, получая дань, живут своей жизнью, охраняя свою захваченную территорию от набегов чужаков.

Полис, город, государство

К середине XX века в мировой и советской науке преобладали две точки зрения. Во-первых, города – это торгово-ремесленные и административные центры. В противном случае статус города за поселением не признавался, сколь бы ни было оно большим по численности населения и даже по архитектуре (наличие каменных зданий, храмов, крепостных стен и т. д.). Во-вторых, полис трактовался как «город-государство», т. е. административный центр, где сосредоточены органы управления, власть которых распространялась не только в пределах городской черты, но и на прилегающую к нему сельскую округу (хору). При этом полисная форма организации общественной жизни признавалась лишь исключительно за «античным способом производства», в отличие от «азиатского способа производства».

Но по мере накопления исторического материала и отхода ряда молодых историков от ортодоксального марксизма в период хрущевской оттепели в 50-60-х годах прошлого века эти постулаты были поставлены под сомнение, что нашло отражение во всесоюзной научной дискуссии в связи с подготовкой и изданием многотомной «Всеобщей истории».

Начало пересмотру положило введение в философско-историческую литературу таких понятий, как «социальный организм», «хозяйственный организм», «гражданская община».

Под термином «социальный организм» подразумевается политическая составляющая общества, т. е. механизм для урегулирования взаимоотношений как внутри общества (внутренняя политика), так и с другими социумами (внешняя политика). В конкретно-историческом плане социальный организм представлен родовой общиной в первобытных коллективах, гражданской общиной (полисом) на ста-

дии раннеклассового общества и государством в сформировавшемся обществе.

Хозяйственный организм в чистом виде связан не с политической, а с экономической составляющей организации общественной жизни, т. е. механизмом для организации связей между производителями материальных ценностей, выполнявшими функцию распределения и перераспределения находящихся в распоряжении общества произведенных, приобретенных путем обмена или захваченных в ходе грабительских войн продуктов трудовой деятельности.

В конкретно-историческом проявлении – это родовая община в праобществах, соседская община при господстве натурального хозяйства и рыночные отношения на стадии развитых товарно-денежных отношений, т. е. товарное производство, характерное для капиталистической стадии развития.

Как видим, гражданская община и соседская община стадияльно совпадают и следуют за родовой, единой во всех лицах, т. е. являвшейся одновременно производственной (хозяйственной) ячейкой (*хозяйственная ячейка – это коллектив тружеников, который что-либо производит*), хозяйственным (в экономическом плане) и социальным (в политическом плане) организмом.

С появлением частной собственности и выделением отдельных дворохозяйств как основных производителей материальных благ родовая община перерождается в соседскую. Теперь она – хозяйственный организм, организатор связей между конкретными производителями.

Это экономическая составляющая общественного развития, изменения в которой требуют реформы социально-политической структуры.

С появлением регулярного прибавочного продукта, который может быть использован для накопления, запасов в прок, возникает угроза грабежа со стороны соседей или

обращения в рабство, т. к. производитель создает больше материальных ценностей, чем необходимо для непосредственно личного потребления.

Чем малочисленнее община, тем более реальна угроза порабощения. Поэтому начинается процесс объединения их с соседними общинами, так называемое явление **синойкизма**. Это и есть старт для возникновения протогосударственных потестарных образований, т. е. гражданских общин (полисов). Одновременно начинается процесс **протоурбанизации**, т. е. возникают укрепленные поселения. Земледельцы покидают неукрепленные сельские поселения и переезжают под защиту крепостных стен, туда же переносятся святилища и храмы, вплоть до погребений предков. Деревенские поселения теперь используются лишь как летние резиденции на период сельскохозяйственных работ. Именно поэтому названия наиболее крупных городских центров Эллады употребляются только во множественном числе: Афины, Фивы, Микены, Мегары, Галикарнассы и другие.

Эти процессы не есть исключительное достояние античности. Еще две тысячи лет назад в раннединастический период истории Месопотамии (около 2800 – 2212 гг. до н.э.) происходило то же самое.

Для согласования интересов и действий создаются советы из представителей (точнее вождей) всех родовых (именно родовых, а не соседских) общин, вошедших в новое объединение. С возникновением соседской общины родовые отношения не исчезают.

Родовая община вытесняется из социально-экономической сферы, т. е. перестает быть хозяйственной ячейкой и хозяйственным организмом, но в политической и культовой составляющей родовые отношения продолжают играть решающую роль. Народные собрания утратили свою главенствующую роль уже на стадии позднеродо-

вой (патриархальной) общины в период разложения родоплеменного строя. Эта роль перешла к советам, формируемым из вождей, вошедших в состав соседской общины родов.

Новым было лишь распределение обязанностей внутри совета: глава совета (например, архонт-басилей в Афинах), главнокомандующий (архонт-полемарх в Афинах, лугаль в Месопотамии), главный жрец (например, Великий понтифик в Риме), судья, казначей и т. д. В связи с постоянной военной угрозой создается единое ополчение, а главнокомандующие (полемархи, лугали, цари и консулы) начинают играть решающую роль в политической жизни. Происходит унификация законодательства, на смену традиционному родовому праву приходят письменные, единые для всех законы (законы Урукагины в Лагаше и Ур-Намму в Уре, Драконта в Афинах, 12 таблиц в Риме, Ликурга в Спарте).

Казалось бы, налицо формирование городов-государств, что и было зафиксировано мировой наукой в XIX – сер. XX века как непреложная истина.

Однако более детальная проработка исторических источников и теоретическая разработка понятий «город», «полис», «государство» во второй половине и особенно в конце XX века позволили отечественным историкам отказаться от определения полиса как города-государства и выдвинуть другие конкретно-исторические и теоретические положения.

Во-первых, исследования профессора Г. А. Кошеленко и его учеников показали, что нельзя отождествлять «город» и «полис». Даже сами античные историки не ставили знака равенства между ними. Для них полис – это коллектив граждан, а город – лишь место проживания части этого коллектива.

Несмотря на процесс протоурбанизации, основное население протогородов (укрепленных поселений) составляли земледельцы, собственники земельных наделов на прилегающей хоре. Более того, при отсутствии прямой воен-

ной угрозы земледельческое население предпочитало жить в сельской местности. Именно наличие земельного надела и занятие земледелием были обязательными условиями членства в гражданском коллективе. Утрата земельного участка автоматически вела к утрате статуса гражданина полиса. Неспособность ввиду отсутствия средств для выполнения обязанностей по несению военной службы вела к поражению в политических правах, лишению статуса гражданина и переводу в разряд люмпенов. Занятие ремеслом и торговлей считалось позорным для граждан полиса. Этим занимались лишь чужеземцы (метеки в Афинах, перизки в Спарте). О том, что понятия «город» и «полис» не совпадали, свидетельствует и то, что некоторые полисы, как, например, Спарта, Эпир, вовсе не имели городов, а в афинском полисе их было даже два: Афины и Пиррей.

Во-вторых, исследования Е. М. Штаерман на примере римской цивитас показали, что нельзя полностью отождествлять понятия «полис» и «государство». Полис, с ее точки зрения, не государство, а гражданская община (в крайнем случае, протогосударственное образование). Несмотря на внешнее сходство управленческих структур и совпадение функций, это совершенно разные образования с точки зрения материального обеспечения чиновников и граждан, занятых выполнением возложенных на них общественных обязанностей.

Сходство между полисом и государством лишь внешнее – это наличие одинаковых по функциям военных и управленческих структур, должностных лиц, занимающихся организацией общественной жизни. Прежде всего, это наличие вооруженных сил, судебных органов и управляющих структур.

Существенное различие заключается в том, что в полисе – это почетные обязанности, возложенные на гражд-

дан, которые они должны выполнять на общественных началах, неся связанные с этим расходы за счет собственных средств, доходов от своего хозяйства. Поэтому утрата источников дохода, прежде всего земельного участка, исключала человека из политической жизни, а в конечном итоге и из гражданского коллектива. Исполнение общественных обязанностей нередко приводило граждан на грань разорения и к крупным долгам, с которыми рассчитывались десятилетиями они сами и их потомки. Так, Солон 50 лет рассчитывался с долгами своего отца, на которого была возложена почетная литургия в виде триерархии. В истории Рима известен случай, когда жена срочно развелась с мужем после его избрания претором, дабы сохранить часть имущества семьи. Еще более показательный пример из римской истории связан с Гаем Юлием Цезарем. После годичного исполнения обязанностей консула и получения должности проконсула Цизальпийской Галлии кредиторы не выпускали его из Рима, требуя гарантий исполнения долговых обязательств. Только гарантии его тестя, богатейшего римлянина Марка Лициния Красса, позволили Цезарю выехать в провинцию. У Цезаря не было другого выхода, как приступить к завоеванию Трансальпийской Галлии с целью добычи необходимых средств.

То же самое вооруженные силы. В полисе, как известно, – это ополчение. Каждый гражданин в зависимости от доходов должен на свои средства приобрести положенное статусу вооружение и содержать себя в походе.

Богатые и беднейшие граждане в условиях общинного устройства составляли меньшинство. Основу общества в условиях полиса являли собой средние слои – зевгиты в Афинах, граждане 2-4 разрядов по реформе Сервия Туллия в Риме. Именно разорение этих слоев на Балканах в результате бурного развития товарно-денежных рыночных

отношений после греко-персидских войн, привело в итоге к падению боеспособности армии, распространению наемничества, кризису полиса и потере независимости Эллады.

В Римской державе эти процессы начались в ходе завоевания Восточного Средиземноморья во II—I веках до н. э. Увеличилась длительность военных походов, воины-земледельцы надолго отрывались от своих хозяйств, разорялись, утрачивали свои земельные участки. Это послужило падению боеспособности армии, ряду неудач в Испании (Нумантийская война) и в Африке (Югуртинские войны), что привело к гракханскому движению и, наконец, к реформам Гая Мария, положившим начало созданию профессиональной армии и ознаменовавшим начало кризиса римской цивитас и переход от полисного устройства к государству.

Иное дело государство, где, как известно, выполнение общественных обязанностей финансируется за счет государственной казны, формируемой из доходов государственного сектора экономики и налоговых поступлений. Армия состоит не из ополченцев, а из воинов-профессионалов, находящихся на казарменном положении. Управленцы и судьи не общественные деятели, работающие на энтузиазме или по поручению общества, а профессиональные чиновники, получающие государственное казенное содержание в виде земельных участков с подневольными работниками в кормлении либо денежное или натуральное содержание из казны. Все это составляет публичную власть – главный признак и суть государственного устройства и его отличие от гражданской общины (полиса).

Таким образом, историческая необходимость полисного устройства обуславливалась относительной бедностью общества, отсутствием материальных средств на содержание профессиональной армии и чиновников. Как только эти средства появляются, немедленно начинается переход к го-

сударственности, и первым шагом на этом пути является замена гражданского ополчения профессиональной (в Элладе – наемной) армией, что знаменует собой начало кризиса полисного устройства и замены его государством.

Древние цивилизации различались также и по источникам средств на содержание публичной власти. В Месопотамии мы имеем классический путь развития за счет внутренних источников – создание государственного сектора экономики, начатого Саргоном Древним и завершеного в Древневавилонском царстве при правлении седьмого царя вавилонской династии Хаммурапи. Здесь сложилось классическое общественное устройство с наличием социального организма на государственной стадии, обеспечивавшего свое содержание за счет государственного сектора экономики, хозяйственного организма в виде соседской общины, состоящей из частных производственных дворохозяйств (хозяйственных ячеек).

На Балканах этот процесс начался в IV веке до н. э. в связи с бурным развитием товарно-денежных, рыночных отношений и международной торговли, что выразилось в появлении наемничества. Однако процесс перехода к государственности не был завершен по причине македонского завоевания и продолжил поступательное развитие лишь в эллинистических государствах после распада державы А. Македонского. Римская держава получила такую возможность в результате военной добычи в ходе завоевания эллинистических государств Восточного Средиземноморья и галльских войн Цезаря, а в императорскую эпоху – за счет обложения данью в пользу Рима покоренных провинциальных городов и общин.

Таким образом, полисное устройство социально-политических институтов общества есть необходимая стадия перехода от родо-племенной организации через гражд-

данскую общину к государству. А сама гражданская община представляет собой объединение соседских общин (хозяйственных организмов), взявших на себя политические функции социального организма, т. е. государства, на период недостатка средств для содержания публичной власти.

Однако следует признать, что стадия гражданской общины в социально-политическом развитии социума является необходимой, но не обязательной. Иногда при наличии благоприятных природных экономических условий возможен прямой переход от родового строя к государственности. Классический пример тому – древнеегипетская цивилизация в долине Нила. Пришедшие в долину Нила в VI тыс. до н. э. жители к концу IV тыс. до н. э. создали единую ирригационную систему, что в сочетании с благоприятными природными условиями (круглогодичная температура воздуха свыше 20 градусов) позволяло снимать 2-3 урожая в год. Переход к государственному устройству произошел в ходе внутренних войн между номами за объединение, минуя стадию как соседской, так и гражданской общины, и занял 150-200 лет, тогда как переход через гражданскую общину в регионах богарного земледелия занимал 600-800 лет. Этим объясняется обилие первобытно-общинных пережитков в социально-экономической, политической и культурной жизни египетского государства и общества: абсолютное господство государственного сектора экономики и государственной собственности, отсутствие частного и общинного секторов экономики, т. е. хозяйственных ячеек и хозяйственного организма.

Государство (социальный организм) взяло на себя функции общины как хозяйственного организма, что привело к замене рыночного распределения (торговли и товарно-денежных отношений) плановым хозяйством. В области культуры это выразилось в длительном сохранении тоте-

мизма и зооморфизма в иконографии богов, а также культа животных, вплоть до македонского завоевания.

Другой пример – Спарта. Спартанцы, пришедшие на Пелопонесский полуостров XI веке до н. э., находились на стадии позднеродовой (патриархальной) общины, в экономическом плане – на стадии охоты и собирательства. Здесь они столкнулись с местным мессенским земледельческим населением. Острая неотложная необходимость сначала завоевания, а затем удержания в повиновении мессенцев, обращенных в илотов, диктовала быстрый переход к государственности, точнее приспособление органов родового строя к государственным. Спартанцы не занимались физическим трудом (им было запрещено заниматься земледелием, ремеслом и торговлей). Их уделом стали военная служба и управление. За каждым спартиатом был закреплен участок земли с несколькими семьями илотов (клеры), которые и содержали спартанскую семью. Это классическая этническая эксплуатация. Соответственно и государственное устройство, возникшее в X веке, было копией органов управления родоплеменного строя: народное собрание мужчин-воинов старше 30 лет, совет 30 старейшин из представителей родов старше 60 лет, два царя как два племенных вождя, избираемые пожизненно только из двух старших родов, несмотря на наличие тридцати родов. Таким образом, Спарту лишь условно можно назвать полисом и тем более гражданской общиной. Скорее, это военно-полицейское государство, базирующееся, по словам Г. А. Кошеленко, на «этнической эксплуатации».

Похожие процессы происходили в эпоху Средневековья в Западной Европе во времена ее урбанизации в период развитого феодализма в городских коммунах в ходе борьбы с феодальными синьорами в IX-XI вв.

Похожие, но не идентичные, так как: во-первых, возникающие и возрождавшиеся городские центры были не про-

тогородами, а действительными торгово-ремесленными центрами; во-вторых, они не распространяли свою власть на прилегающую сельскую округу, собственником земли и сувереном которой оставался феодальный синьор. Там же, где города ставили под контроль сельскую округу (Швейцария, Северная Италия), они выступали не как полисные центры, а как коллективные феодалы. Сельские жители не становились гражданами городов, а платили натуральную феодальную дань, а позже ренту (оброк) в пользу синьора.

Иначе обстояло дело в Восточной Европе и Византии, в городах, где сохранялся аграрный сектор экономики. Большая часть населения таких городов продолжала заниматься сельским хозяйством, имея земельные участки в пригородной зоне, хотя проживала в городской черте или в сельской местности, она принимала участие в органах городского самоуправления, в частности в вечевых (городских) собраниях. Яркий пример тому – города-республики Псков, Новгород и многие города-волости Древней Руси, а также провинциальные города ранней Византии.

На основе вышесказанного позволим себе утверждение, что полисное устройство не исключительное явление античной цивилизации, оно присуще большинству древних обществ на стадии перехода от праистории к цивилизации, а также феодальным обществам Восточной Европы в период их урбанизации. Также у нас нет оснований отождествлять полис с античными городами в узком смысле слова и тем более с государством в строго научном плане.

Библиографический список

1. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. М.: Наука, 1989.
2. Историческая антропология: место в системе наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4-6 февраля 1998 г. М., 1998.
3. История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Главная редакция восточной литературы издательства, 1989. [Кн. 2.] Развитая древность. Отв. ред. И. М. Дьяконов. – 470 с. с карт.
4. Кудрявцев В. Н. Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3-7.
5. Маркс К. Вынужденная эмиграция,— Маркс К. и Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 8. С. 567—568.
6. Репина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике// Одиссей, 1990. М., 1990. С. 167-181.
7. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. – 278 с.
8. Репина Л. П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2-х частях. Ч. 1. М., 2001. С. 70-100.
9. Рожанский М. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 459-463.
10. Dressel G. Historische Anthropologie. Eine Einführung. Wien; Köln; Weimar, 1996.
11. Vom Menschen. Handbuch Historische Anthropologie / Hrsg. Ch. Wulf. Weinheini; Basel, 1997.
12. Dülmen R. Historische Anthropologie: Entwicklung, Probleme, Aufgaben. 2. durges. Aufl. Köln, 2001.

Содержание

Введение: методологические основы современной исторической науки	3
Раздел I. Зарождение региональных цивилизаций и эволюция их в мировые державы древности	19
§ 1. Ориенталистская цивилизация	19
1. Финикийская колонизация	19
2. Тартесская держава в Испании	29
3. Этрусский военно-религиозный союз в Северной части Аппенинского полуострова	33
4. Карфагенская держава в Западном Средиземноморье	38
§ 2. Месопотамская (арамейская) цивилизация	50
1. Ассирийская мировая держава	50
2. Нововавилонское царство	70
§ 3. Урарту, Фригия, Лидия	78
1. Урарту и Ассирия	82
2. Урарту и Фригия	87
3. Лидия	93
§ 4. Эллинская цивилизация	96
1. Эллада и эллинская колонизация VIII – VI вв. до н. э.	97
§ 5. Мидия и ахеменидская Персия	112
1. Мидийские завоевания	112
2. Персидская держава «царя царей»	113
§ 6 Греко-персидские войны	117
§ 7. Балканы в V-IV вв до н. э.	134
1. Афины и Македония в IV в. до н. э.	134
Межгосударственные и межэтнические контакты в период становления региональных цивилизаций	150
Полис, город, государство	154
Библиографический список	165

Учебное издание

Николай Иванович Соловьянов

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э.
ЗАРОЖДЕНИЕ
МИРОВЫХ ДЕРЖАВ ДРЕВНОСТИ

Учебное пособие

Электронное издание

Редактор *Н.А. Агафонова*
Корректор *А.П. Малахова*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 26.04.18.
Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 10,5